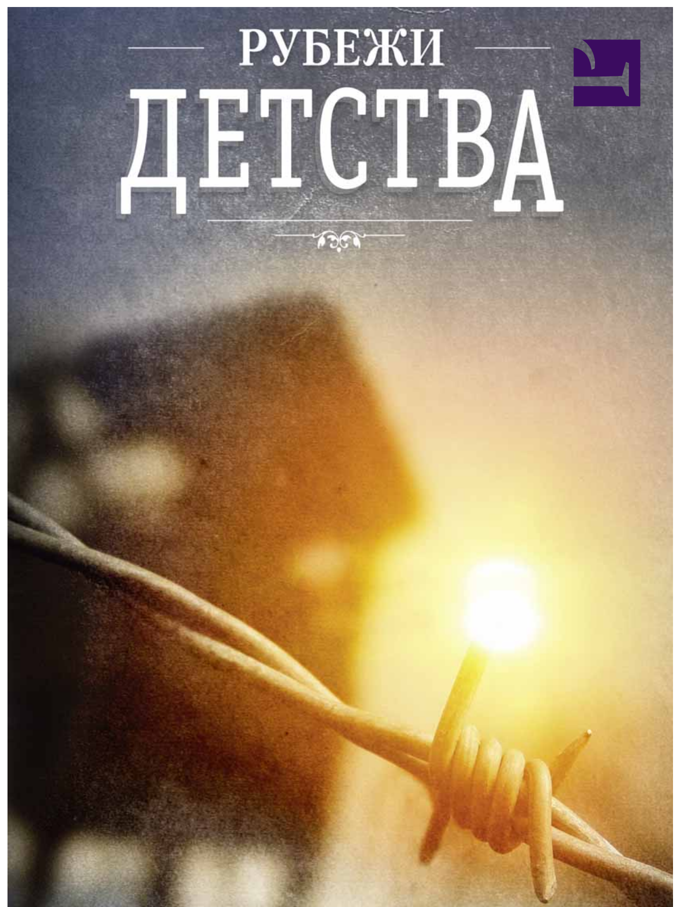

РУБЕЖИ
ДЕТСТВА

Оглавление

РУБЕЖИ ДЕТСТВА

НАТАЛЬЯ ВИНС

2012 edition is a project of VoM

www.vom-ru.org

kitabi-knigi.com

Книга напечатана на пожертвования братьев и сестер с целью призвать

церковь к молитве за преследуемых детей Божьих. Книга предназначена для БЕСПЛАТНОГО распространения. О случаях продажи книги просим сообщить по указанному в книге адресу.

ISBN 978-617-503-107-0

Обложка Виктора Матвеюка, Виктора Антипенкова

В книге использованы стихотворения Василия Беличенко, Георгия Винса, Валерия Череванева, Павла Ляшенко, Галины Везиковой.*Когда, раздвинув детства рубежи,*

Мы входим в жизнь доверчиво и смело,

Как важно путь наметить не по лжи...

ГЕОРГИЙ ВИНС

ПРОЛОГ

Ноябрь 1975 года.

Самолет заходит на посадку в аэропорту Якутска. Бортпроводница объявляет: «Температура воздуха – минус 50 градусов». В иллюминатор видно заснеженное летное поле, небольшое здание аэропорта. Мы прилетели в Якутск на свидание с отцом в лагерь строгого режима. В самолете почти вся наша семья, кроме бабушки: у нее больное сердце, и ей уже не под силу зимние путешествия почти к самому полярному кругу.

Более суток мы были в пути. Самый младший из нас, трехлетний Шура, впервые едет на свидание с папой. Шуре все интересно: он никогда раньше не летал в самолете, не ездил в поезде. Вечером мы сели в поезд в Киеве, и пока не стемнело, его нельзя было оторвать от окна. Утром прибыли в Москву. По дороге в аэропорт Домодедово с Шурой произошел любопытный случай. В рейсовом автобусе почти все места были заняты, и мы сели кто где. Мама с Шурой на руках оказалась на переднем сидении, где у окна уже сидела женщина с пятилетней дочкой.

Ехать до Домодедово больше часа, и в пути Шура познакомился со своей маленькой соседкой. Они вместе смотрели в окно, весело

выкрикивая: «Смотри, какая машина поехала! А вон кошка бежит! Мальчик идет с портфелем из школы!» Сидевшие вокруг люди с улыбкой прислушивались к веселым детским голосам. Вдруг Шура громко спросил: «А ты тоже едешь к своему папе в тюрьму?» Девочка смотрела на него непонимающими глазами. Но ее мать хорошо все поняла: она резко отстранила дочь от Шуры и больше уже не позволила детям разговаривать. На странного мальчика и его маму бросали удивленные взгляды и другие пассажиры. А для Шуры это был естественный вопрос: раз его папа в тюрьме, значит и у других детей папы тоже там.

Наконец, мы прибыли в лагерь. На проходной у нас проверили паспорта, завели в комнату для свиданий, обыскали. Через полчаса зашел папа – стриженый, в черной арестантской одежде, с биркой на груди, где указывалась его фамилия и номер отряда. Увидев его, Шура испуганно спрятался за мамину спину. И очень непросто было трехлетнему малышу в первый раз сказать «папа» этому незнакомому человеку.

Но нам, старшим, не нужно было заново знакомиться с папой, и мы окружили его, бурно радуясь встрече. Потом все опустились на колени, и папа поблагодарил Бога, что мы опять вместе. После молитвы стали распаковывать вещи. Папа переоделся в домашнюю одежду, которую мы привезли (нам хотелось, чтобы хоть во время свиданий он мог снять арестантскую робу, почувствовать себя в домашней обстановке).

Барак для свиданий находился на территории лагеря. По обе стороны длинного коридора – несколько комнат, в конце – большая общая кухня. Помимо нас, свидание с родными получили еще три семьи. Всем выделили по комнате, а нам дали две, так как нас приехало шесть человек. Комнаты маленькие, в каждой помещались только две железных койки с узким проходом между ними, грубо сбитый деревянный стол, тумбочка и две табуретки. Когда обедали, стол сдвигался в проход, и мы садились на кровати по обе его стороны.

Свидания становились для нас как бы островками семейного уюта: папа рядом, и вся семья наконец-то в сборе! Мы годами были лишены этого. После первых восторгов встречи мама идет на кухню готовить обед. Я помогаю ей, то и дело возвращаясь в комнату, чтобы достать из

чемодана что-то из продуктов. И всякий раз любуюсь мирной семейной картиной: папа о чем-то разговаривает с Петей, маленький Шура уже совсем освоился и сидит у папы на коленях, Лиза с Женей накрывают на стол (мы всегда привозили с собой скатерти, небольшую вазочку, в которую летом ставили собранные возле лагеря полевые цветы, а зимой – еловую веточку).

Во время обеда снова нескончаемые разговоры: столько было пережито врозь! После обеда мама достает из чемодана конфеты, печенье, фрукты, и мы часами чаевничаем. Но у маленьких Жени и Шуры скоро кончается запас терпения, им хочется двигаться, играть, они начинают перешептываться. Наконец, Женя подает голос: «Папа! Поиграй с нами!» Он с готовностью соглашается, и начинается веселая возня. Малыши визжат от восторга, когда им удается «побороть» папу.

В такие минуты хочется подальше отогнать мысль, что через два дня свидание кончится, конвой уведет папу в зону, а мы побредем по заснеженному поселку к автобусной остановке, чтобы уехать в аэропорт. И снова – разлука на долгие месяцы... Но пока об этом лучше не думать, нужно уметь радоваться сегодняшнему дню.

Перед сном папа сказал: «А сейчас, Женя и Шурик, я расскажу вам, как к нам в лагерь забрела кошка! А еще – о пальмочке». Папа сел на кровать, Женя и Шура прижались к нему с двух сторон, и он приготовился начать рассказ. Но тут Петя спросил:

– Это только для малышей? Или нам тоже можно слушать?

Папа улыбнулся:

– Вам, старшим, я уже так много рассказал. Эта история в первую очередь для Жени и Шуры. Ну как, малыши, разрешим им слушать?

– Да, разрешим! – с важностью ответил Шура, довольный, что у него спрашивают позволения.

А Женя торопила:

– Папа, рассказывай скорей, что случилось с кошкой?

И папа начал свой рассказ: «Вам так редко разрешают приезжать ко мне на свидание, да и письма ваши часто не доходят, «теряются» в пути. И вот однажды стало мне так грустно в неволе... И я молился,

чтобы Господь утешил меня. Дня через два подходит ко мне один из заключенных и говорит: «Петрович, я только что пришел со свидания с женой. Конвой разрешил забрать оставшиеся продукты, я хочу поделиться с тобой!» И он протянул мне небольшой пакетик. Когда я развернул бумагу, там была головка чеснока и два финика. Я его горячо поблагодарил, чеснок в лагере – ценный подарок!

Финики я тоже съел, но косточки решил не выбрасывать, а насыпать земли в пустую консервную банку и посадить. Я поставил банку на подоконник в цеху, стал поливать, и через какое-то время одна из косточек проросла – появилась маленькая пальмочка! И хотя это было всего лишь растение, меня согревало сознание, что пальмочка нуждается во мне. Летом в лагере были перебои с водой, выдавали по одной кружке на человека в сутки, но я всегда делился с моей пальмочкой.

А теперь о кошке. Представьте себе, к нам в лагерь откуда-то забрела кошка! Я до сих пор не могу понять, как она пробралась через все заграждения. Скорее всего, кто-то из конвойных потихоньку пронес ее через проходную и выпустил в рабочей зоне. Я тогда работал в ночную смену электриком. Как-то выдалась у меня свободная минута, и я решил пройтись по зоне. Отойдя всего несколько шагов от цеха, я вдруг услышал мяуканье. Двор зоны был ярко освещен, и я заметил у стены какой-то темный комок. Подойдя поближе, я разглядел, что это – кошка.

Я понял, что она мяукает от голода, вернулся в цех, нашел какую-то посудину, накрошил хлеба из своего пайка, смочил водой и вынес ей. Кошка с жадностью набросилась на еду. Когда она ела, я заметил, что у нее скоро будут котята, и стал подкармливать ее во время моих дежурств. Когда родились котята, я старался приносить ей побольше еды. Котята подросли, я раздал их друзьям по бригаде, а себе оставил серого полосатого Ваську. А кошка-мать вскоре куда-то исчезла.

Так у меня завелось здесь хозяйство: пальмочка и Васька. Вот, дети, как Господь ответил на мою молитву и подарил неожиданную радость прямо в зоне. Я написал об этом стихотворение для Жени и Шурика. Хотите, расскажу?»

– Да, да!– оживились малыши. – Хотим наше стихотворение!

«Я делился водою с цветком,

Пайкой хлеба – с голодным котенком...», – начал папа, но Шура нетерпеливо перебил:

– Папа! А ты привезешь с собой Ваську, когда навсегда приедешь домой?

Женя поддержала:

– У нас уже есть кот, Шура назвал его Кисан. Вот увидишь, они с Васькой подружатся!

Папа грустно посмотрел на малышей:

– Ох, дети, не скоро еще я буду дома. Мой срок закончится только через восемь с половиной лет. Тебе, Шурик, тогда уже будет двенадцать, а Жене – девятнадцать лет! Представляете, какие вы будете большие?! Только как долго еще ждать, пока я смогу вернуться в Киев...

На следующий день я проснулась рано. Папа с Лизой уже пили чай на кухне и о чем-то разговаривали. Я ушла в комнату, чтобы им не мешать. Это стало традицией наших свиданий в лагере: каждому папа уделял время для разговора по душам. Лизе уже почти пятнадцать, ей о многом хочется рассказать папе, услышать его отцовский совет. Когда проснулись все остальные, мы позавтракали, и начался еще один счастливый день. Но кончился он печально. Вечером свидание было прервано раньше положенного. Мы рассчитывали, что пробудем с папой до утра. Собирались встать пораньше, всей семьей помолиться, проститься не торопясь. А потом его уведут в рабочую зону, а мы соберем вещи и уедем.

Но когда мы ужинали, раздался стук в дверь, вошел конвоир: «Винс, свидание закончено, прощайтесь! Произошла поломка оборудования, нужно срочно выйти в ночную смену. Даю полчаса на сборы!» Папа пытался возразить: «Может, я выйду сейчас в цех, постараюсь устранить поломку и вернусь к семье до утра?» Конвоир стоял на

своем: «Нет, это невозможно! Начальство распорядилось послать на починку именно вас!» И, стуча сапогами, офицер вышел из комнаты.

Мы стали торопливо собираться, все валилось из рук. Малыши плакали, мама с трудом сдерживала слезы. Папа старался ободрить нас: «Всякое бывает в нашей подневольной жизни. Мы должны быть благодарны Богу, что почти двое суток пробыли вместе. Для меня это большой праздник!» Мама положила в карманы его куртки несколько головок чеснока, хотела еще добавить конфет, но папа остановил ее: «Это уже лишнее, передача мне не положена. Хорошо, если хоть чеснок разрешат пронести».

Помолившись, стали прощаться. В дверях уже стоял конвоир, поторапливал: «Винс, кончайте сборы! Пора идти!» Папу увели. Мы торопливо упаковали вещи. Мама беспокоилась, успеем ли на последний автобус в Якутск. Зашел офицер охраны, проверил сумки. На проходной нам вернули паспорта, и мы вышли за ворота лагеря в морозную зимнюю ночь.

1: Из окна

Первое, что я помню – это нашу комнату в коммунальной квартире в центре Киева, рядом с Андреевской церковью. Комната узкая и длинная, с громадным, почти до потолка, окном. Я люблю сидеть на широком подоконнике, поджав под себя ноги, и смотреть на улицу. Особенно хорошо здесь в зимние вечера, когда тихо падает снег, на тротуарах зажигаются фонари, торопливо бегут куда-то пешеходы и медленно отъезжают от остановки переполненные троллейбусы.

Мама зовет ужинать, и я, отодвинув занавеску, спрыгиваю с подоконника. В нашей комнате очень тесно: у стен выстроились буфет с посудой, обеденный стол, диван, на котором я сплю, шкаф для одежды и кровать родителей. Между мебелью остается только узкий проход к окну. Наша семья – это папа, мама и я. По утрам меня отводят в детский садик, а родители торопятся на работу: мама преподает английский в школе, папа – инженер в проектном институте.

По вечерам после ужина мама раскладывает на столе тетрадки своих учеников, начинает проверять домашние задания, а мы с папой усаживаемся на диван, и он рассказывает мне библейские истории, читает детские книжки. Особенно полюбила я стихотворение Агнии Барто о зайчихе с зайчатами, которым в новогоднюю ночь повстречался в лесу голодный злой волк:

Кому охота в Новый год
Попасться в лапы волку?
Зайчата бросились вперед
И прыгнули на елку!

Папа останавливается, а я с замиранием сердца жду: что же дальше? Удалось ли им спастись от зубастого волка? Папа продолжает:

Десять маленьких зайчат
Висят на елке и молчат...
Обманули волка!
Ведь дело было в январе:
Подумал волк, что на горе
Украшенная елка.

Засыпая поздно вечером на своем диване при мягком свете настольной лампы, у которой папа читает Библию и что-то записывает в блокнот, а мама все еще готовится к завтрашнему школьному дню, я представляю себе заснеженный лес, злого волка в кустах... А на холме – громадную елку, в пушистых ветках которой притаились зайчата.

Весной, когда дни становились длиннее, после ужина мы с папой шли в парк на Владимирскую горку. Там была детская площадка с качелями. Я бежала играть с детьми, а папа садился на скамейку и читал журнал. Помню, как однажды весной он пришел за мной в детский сад и в руках у него был велосипед – мой первый! После ужина мы пошли в парк, папа стал учить меня кататься.

Живыми и реальными были для меня рассказы родителей о Боге, я училась молиться и доверять Иисусу свои детские нужды. Мне было лет пять, когда воспитательница в детском саду, рассказывая нам какую-то историю, сказала, что Бога нет и верить в Него очень глупо. Я

спросила: «Почему глупо? А мои папа и мама верят в Бога». Она засмеялась: «Нет, Наташа, Бога нет, есть только жучок божья коровка!» Все дети тоже засмеялись, а мне стало стыдно, и я впервые подумала: почему я не такая, как все?

По выходным меня часто забирала к себе бабушка. Она жила на окраине Киева, а работала в центре, где мы жили. Она была совсем не похожа на «настоящую бабушку»: молодая и веселая, ей не было еще пятидесяти. Папа был ее единственным сыном. Бабушка всю жизнь мечтала о дочери, но рано осталась вдовой, и мечта не осуществилась. Когда я родилась, она стала называть меня «дочка-внучка».

Бабушка умела простые события детства превращать в увлекательную игру, в праздник.

– Наташа, я купила тебе на день рождения большую куклу.

– Правда? Покажи скорей!

– Нет-нет, придется потерпеть! До 27 ноября еще два месяца, я ее пока на работе оставила.

– Бабушка, а кукла спящая?

– Безусловно! Если хочешь, я могу рассказать тебе, какие у нее волосы, какое платье, какого цвета глаза.

– Ой, расскажи!

И бабушка принималась рассказывать. Кукла оживала в моем воображении, я считала дни до встречи с ней, и уже в самом ожидании заключалось счастье. Мы с бабушкой заранее придумывали для нее имя. А когда я просыпалась утром в день рожденья, новая кукла уже сидела возле моей подушки.

В конце недели бабушка заходила за мной в детский сад, и мы целый час ехали к ней на трамвае. Трамвай шел долго, часто останавливался. А мы сидели у окошка, и бабушка расспрашивала меня про садик, про подружек, про маленького Петю (мой братишка родился, когда мне было три с половиной года). По дороге мы решали, как проведем выходной: пойдем в лес или на озеро или просто посидим во дворе, будем пить чай, и она расскажет мне, что произошло

дальше с маленьким Моисеем, которого вытащила из реки египетская принцесса.

Бабушку всегда интересовало, какие новые песенки мы выучили в детском саду, и я ей тут же в трамвае потихоньку пела. Я рассказывала ей обо всем, что волновало меня: в садике мальчишки дерутся, Петя плакал вчера ночью – он простудился, у него температура. Но главное – мне важно было выяснить с ней вопрос о Боге и божьей коровке. Мне нравилось гостить у нее за городом: просторные комнаты, во дворе много цветов, в конце улицы – лес. У меня была мечта: вот если бы мы насовсем переехали жить к бабушке!

Быстро пролетали выходные, я снова возвращалась домой. В нашей коммунальной квартире жило десять семей, у каждой было по комнате. Входная дверь, коридор и кухня были общие, на всех – один туалет. На кухне стояло четыре плиты, и каждая хозяйка могла занять две горелки. Приготовив еду, кастрюли и сковородки несли в свои комнаты, где в буфетах хранилась столовая посуда. Кухня была самым оживленным местом в коммуналке: там обсуждались новости, выносились суждения, нередко возникали ссоры по поводу пригоревшей каши или использования не своей горелки на плите.

Соседи были разные: приветливые и хмурые, крикливые и деликатные. В нескольких семьях росли дети, но бегать и играть в длинном общем коридоре нам не разрешалось. В комнате рядом с нами жили Эмма Давыдовна и Семен Маркович, их сын Дима был старшеклассником. Мама дружила с Эммой Давыдовной, но их семья вскоре переехала в отдельную квартиру, которую получил на работе Семен Маркович. Перед отъездом Эмма Давыдовна отдала нам целый ящик с Димиными игрушками.

А тем временем Петя подрастал, начинал больше понимать, мне интересно было играть с ним по вечерам. Когда он вырос из своей коляски, родители купили раскладушку. На ночь ее ставили в проходе между мебелью, и к окну уже невозможно было пройти. Теснота в нашей комнате становилась невыносимой. На работе папа стоял на очереди для получения новой квартиры, но срок должен был подойти только через десять лет. Тогда решено было сделать пристройку к бабушкиному дому – отделать чердак, устроив там две спальни.

Стройка продвигалась медленно: папа мог заниматься этим только после работы и во время отпуска.

Петя в детстве много болел. Когда он лежал в больнице, меня из садика забирал папин друг дядя Володя, и я ночевала у них, а папа с мамой допоздна оставались у Пети в больнице. Семья дяди Володи жила на Говчарке, недалеко от нас. У них было двое детей, Лена и Витя, чуть моложе меня. Мы играли по вечерам, рисовали вместе. С Леной мы стали близкими подругами.

По воскресеньям наша семья посещала богослужения в церкви баптистов на Ямской. Нам с Петей очень нравилось ходить в собрание: вся семья нарядно одевалась, мы выходили на залитую солнцем улицу, потом ехали на трамвае. По дороге встречали других верующих. Они улыбались, здоровались с родителями, и к молитвенному дому подходили уже все вместе. Папа, мама и бабушка пели в хоре, мы с Петей сидели тут же у них на коленях. Посещение собраний с раннего детства стало для нас неотъемлемой частью жизни.

2: Большие перемены

В тот год, когда я пошла в первый класс, в нашей семье произошло много разных событий. Однажды вечером папа сказал: «Наташа, у меня есть печальная новость. Больше вы с Петей не сможете ходить на собрания – детей не будут пускать в молитвенный дом. Нам с мамой теперь придется по очереди оставаться с вами дома». Грустно было услышать об этом: мы с Петей любили ходить в собрание.

В школе активно проводилось атеистическое воспитание. В тот год в космос полетел Юрий Гагарин. Учительница рассказывала нам о его полете, о научных открытиях в освоении Вселенной, о том, как мы должны гордиться, что первым поднялся в космос советский человек. «А главное, – говорила она, – Юрий Гагарин не увидел в космосе никакого Бога! Его космический корабль поднялся в небо так высоко, как никто еще не летал. Но сколько он ни смотрел, Бога так и не увидел. Значит, Бога нет – запомните это, ребята!»

Через два месяца после начала занятий нас стали готовить к вступлению в октябрята. Учительница показала красную звездочку с портретом Ленина и объяснила, что в годовщину революции, в день Седьмого ноября, каждому из нас на общешкольном собрании приколют такую звездочку. «Запомните, дети, – подчеркнула она, – звездочка не просто значок. Носить ее нужно с левой стороны, как

можно ближе к сердцу. А это значит, что теперь Ленин будет жить в ваших сердцах!»

Меня это очень озадачило: я знала, что Иисус может жить в сердце человека, но Ленин? Нам читали в школе рассказы о Ленине: каким он был добрым, как любил детей и животных, какую счастливую жизнь подарил всем детям в Советском Союзе. А еще учительница говорила, что Ленин не верил ни в какого Бога. Я изо всех сил пыталась понять, почему дома меня учили, что верить в Бога хорошо и правильно, а в школе говорили совсем другое.

По рассказам коротеньким мамы
Среди детских забот и тревог
Жил в моем представлении
Самый Добрый Бог.

Зимним вечером, долгим и синим,
Я мечтала увидеться с Ним!
А ночами те встречи мне снились:
Это были чудесные сны…

К счастью, в детстве все вопросы решались просто: я любила папу, маму, бабушку, и раз они верили, что Бог есть – значит, это так. Я сама по-детски любила Бога, молилась Ему, и никаких сомнений у меня не появлялось. Волновало меня другое: я хотела быть, как все остальные дети, и боялась, чтоб учительница не узнала, что я верующая. На праздничной линейке вместе со всем классом я вступила в октябрята.

В мой первый школьный год в нашей семье произошло радостное событие: родилась моя маленькая сестренка, ее назвали Лизой. Нас теперь было пятеро в одной комнате, Лизина коляска с трудом помещалась возле кровати родителей. Места для детской кроватки не было, и мама решила устроить Лизе постель на поставленных один на другой чемоданах, которые втиснули между стеной и спинкой кровати

родителей. На верхний чемодан постелили сложенное вчетверо теплое одеяло, простынку, и получилась мягкая, уютная постель. Но это был временный выход, и папа очень торопился со стройкой, чтобы поскорее переехать из коммунальной квартиры.

Через год мы уже жили в бабушкином доме на Сошенко. Были летние каникулы, и как-то в субботний вечер бабушка позвала нас с Петей со двора, где мы играли, и велела идти мыться, чтобы пораньше лечь спать. Ее слова вызвали бурю протеста:

– Так рано идти в постель? Еще даже не стемнело!

– Вы должны хорошенько отдохнуть! Завтра рано утром мы поедем в собрание.

– Как? – в один голос воскликнули мы. – Детям же нельзя ходить на собрания! Разве ты забыла, бабушка?

– Нет, не забыла. Но теперь уже можно. Живо идите мыться!

На другой день все проснулись рано, позавтракали и отправились в путь. Мы ехали больше часа: на автобусе, трамвае, в электричке. Наконец, электричка остановилась на небольшой станции в лесу.

Из поезда, кроме нас, вышло еще человек тридцать. Все спустились с платформы, и пошли по тропинке вглубь леса. Мы шли вместе со всеми.

– Бабушка, куда мы идем?– я потянула ее за руку. – Ты сказала, что мы поедем на собрание. Но где же молитвенный дом?

Она ответила, не замедляя шага:

– Подожди, скоро сама все поймешь.

Наконец мы вышли на большую поляну. Все стали рассаживаться на траве. Я все еще не понимала, что происходит.

– Бабушка, прямо здесь и будет собрание? Но где же молитвенный дом? Где кафедра?

Бабушка улыбнулась:

– Это и есть наш новый молитвенный дом. Посмотри вокруг: деревья стоят, как стены, трава – наш пол, небо вместо потолка. Солнце светит, ветерок, птицы поют – разве тебе не нравится?

Я еще раз посмотрела вокруг:

– Нравится... Только разве это собрание?

В этот момент пожилой мужчина, стоявший посреди поляны, предложил всем встать для молитвы. И я оказалась в привычной с детства атмосфере богослужения: пение, проповеди, молитвы. Одним из проповедников был мой папа.

Многое изменилось для нас с Петей с того первого собрания в лесу. Из разговоров взрослых мы понимали, что происходит что-то важное, решающее, что в корне изменит жизнь нашей семьи. Папа объяснил, что собрания в лесу может разогнать милиция и тогда его, как проповедника, арестуют и посадят в тюрьму. Еще он сказал, что трудности ожидают не только взрослых, но могут начаться и у меня в школе.

«Тебе уже девять лет, ты многое можешь понять, – сказал мне папа. – В той церкви, где мы были раньше, у нас отнимали право жить по Евангелию. Вы с Петей больше года не были в собрании – детям запретили даже заходить в молитвенный дом. Все это делается под нажимом атеистов. Но если церковь подчиняется таким запретам, она отступает от истинного пути, который завещал нам Христос. А твои мама, папа и бабушка любят Господа и хотят жить по Евангелию».

Так неожиданно оборвалось наше беззаботное детство: для меня – в девять лет, для Пети – в шесть, а маленькая Лиза совсем не застала тех добрых дней, когда папа по вечерам всегда был дома, читал нам книжки, водил на детскую площадку в парк. Наша семья вступила в суровый период гонений, который растянулся на десятилетия.

Окончилось лето, наступил сентябрь 1962 года, я пошла в третий класс. Наши собрания в лесу продолжались. В церкви решено было начать детскую работу, и в одну из суббот мама повезла нас с Петей на

первое детское общение. В большой комнате собралось около ста детей от пяти до тринадцати лет. С нами разучили христианскую песню, раздали стихи для рождественского праздника. А еще сказали, что разделят нас на детские группы по возрастам и у каждой группы раз в неделю будут детские собрания. Для этого попросили каждого из нас встать и назвать свое имя и возраст.

В октябре в газете «Вечерний Киев» появилась большая статья против верующих, там упоминались и мои родители. На следующий день в школе на первом уроке Людмила Алексеевна рассказывала о жизни первобытных людей, их нравах и религиозных предрассудках. Неожиданно она сказала:

«Представляете, ребята, у нас в классе тоже есть девочка, которая верит в Бога, как первобытные люди!» Кто-то хихикнул. Учительница продолжала:

«Наукой доказано, что Бога нет, и все прогрессивное человечество давно отвергло религиозные пережитки. Но иногда даже в наши дни встречаются люди, одурманенные религией. Советская школа не потерпит этого среди своих учеников. Мы приложим все усилия, чтобы перевоспитать таких!»

Людмила Алексеевна значительно посмотрела на класс. Стояла настороженная тишина, все ожидали, что будет дальше. «Наташа Винс, – обратилась она ко мне, – выйди к доске, встань перед классом и ответь своим товарищам: правда ли, что ты веришь в Бога?» Внутри у меня все похолодело: я чувствовала себя затравленным зверьком. Хотелось спрятаться под парту, раствориться в воздухе, исчезнуть из класса... Учительница строго повторила: «Почему же ты не идешь?» Я вышла к доске, повернулась лицом к классу. Все напряженно ждали. Я тихо сказала: «Да, я верю в Бога».

Учительница гневно воскликнула: «Ты что, неграмотная?! Разве ты не читала, что сказал Юрий Гагарин после полета в космос? Ты уже в третьем классе! Советская власть прилагает все усилия, чтобы дать детям лучшее в мире образование, и вот вам результат – в нашей школе учится сектантка. Какой позор! Сейчас же иди в кабинет к директору: Галина Кирилловна хочет с тобой говорить».

Я вышла из класса и медленно пошла по коридору. Мне было страшно: на беседу к директору из нашего класса вызывали только самых отчаянных забияк-мальчишек, а девочек – никогда, я первая. Что мне скажет директор, что я ей отвечу? Как учила меня бабушка, я помолилась в душе: «Иисус, помоги мне! Научи, как быть!» – и постучала в дверь кабинета.

– Войдите! – раздался резкий голос Галины Кирилловны. Я вошла. Она была в кабинете не одна, там сидела завуч Валентина Анатольевна.

– Ты – Наташа Винс? – директор строго посмотрела на меня.– Проходи, садись вот на этот стул. Я хотела поговорить с тобой о статье в «Вечернем Киеве». Вы выписываете газету? Твои родители читали вчерашний номер?

– Да, читали.

– Так это правда, что твои родители сектанты?

– Мои папа и мама верующие.

– А ты тоже веришь в Бога?

– Да.

– Вы только посмотрите на нее, Валентина Анатольевна! В девять лет это уже убежденная сектантка! Наташа, запомни, мы не допустим, чтобы ты позорила нашу школу. Будем тебя перевоспитывать. Валентина Анатольевна, поручаю вам приступить к атеистическим беседам с Наташей. Снимайте ее с любого урока, когда вам удобно. Все, можешь идти в класс.

Я вышла из кабинета. Уже началась переменка, в коридоре бурлила жизнь. Я остановилась у окна. Как мне теперь идти в класс – что скажут ребята? После всего, что говорила на уроке учительница, да еще этот вызов к директору – будет ли теперь хоть Таня, с которой мы сидим за одной партой, со мной разговаривать? Но до конца уроков у окна не простоишь, и я пошла в сторону класса.

Первым мне навстречу попался Алик, он еще издали закричал: «А, Винс! Ну что, досталось от директора? Э, пустяки! Меня к ней в кабинет сто раз уже водили! Плохо только, что мать после этого в школу вызывают! Теперь и твою вызовут!» И он побежал дальше. В

класс я вошла со звонком, все шумно рассаживались за парты. Таня кивнула мне. Начался урок арифметики, в мою сторону учительница и не смотрела.

Дома я рассказала бабушке о своих неприятностях в школе. Она внимательно выслушала, а потом сказала: «Ну что ж, вот и тебе пришла пора держать ответ за веру в Бога. Все это, девочка, очень непросто, уж я-то знаю. Твой дедушка Петя погиб в тюрьме за веру, да и моя молодость была нелегкой. Папе твоему трудное детство выпало. А теперь твой черед. Но не падай духом, с Божьей помощью выстоим! Тебе не придется нести эти трудности одной, у тебя есть близкие». Бабушка предложила помолиться, и когда мы встали с колен, тяжести и страха у меня на сердце уже не было.

После статьи в «Вечернем Киеве» маму уволили с работы, папу понизили в должности: перевели из групповых инженеров в рядовые. Меня в школе по два-три раза в неделю вызывали в кабинет Валентины Анатольевны, и она проводила со мной беседы на атеистические темы. Завуч была очень вспыльчивой, и если мои ответы не удовлетворяли ее, срывалась на крик. Сначала мне было страшно каждый раз, когда меня вызывали к ней в кабинет, но со временем я привыкла и к этим вызовам, и к ее крику.

Приближались Октябрьские праздники, и нескольких учеников из нашего класса должны были принять в пионеры. Учительница объяснила, что к концу учебного года, в день 1 Мая, весь класс вступит в пионеры, а пока только первые десять человек, которых должны избрать одноклассники. «Ребята, – сказала она, – наш коллектив оказывает особую честь тем, кто вступит в пионеры первыми. Хорошо подумайте и назовите самых достойных из своих товарищей, самых активных и сознательных!» Неожиданно в числе первых назвали меня. Я очень удивилась: ведь я верующая, много раз учительница повторяла перед классом, что я – позорное пятно для всей школы. А теперь я – в числе самых достойных и сознательных?! К моему удивлению, учительница не только не возразила, но, наоборот, горячо поддержала мою кандидатуру. «Правильно, ребята! Когда Наташа вступит в ряды юных ленинцев, она не сможет позорить красный галстук и откажется от своих религиозных предрассудков. Давайте проголосуем!»

Все дружно проголосовали. Людмила Алексеевна обратилась ко мне:

– Наташа, класс оказал тебе большое доверие, дорожи этим. Ребята, какие еще будут кандидатуры?

Я подняла руку.

– Наташа, кого ты хочешь предложить?

Я тихо сказала:

– Людмила Алексеевна, я не могу вступить в пионеры.

– Что?! – голос учительницы сорвался на крик. – Да ты понимаешь, что ты говоришь? Это оскорбление для всего класса – тебе оказана такая честь! Несмотря на твое сектантское происхождение, товарищи выразили тебе доверие! И ты плюешь на все это?!

Она замолчала и только с негодованием смотрела на меня. Я все еще стояла у своей парты. Все головы были повернуты ко мне. Наконец учительница решила выяснить:

– Ну, хорошо, почему же ты не можешь вступить в пионеры?

– Людмила Алексеевна, вы читали нам Устав юных ленинцев, что пионер должен бороться с религией. Я не могу этого делать, потому что я верующая.

Учительница перебила меня:

– Хватит! Мы сто раз уже слышали, что ты верующая! Значит, ты отказываешься стать пионеркой? Ребята, вы слышите, что она сказала?

Класс взволнованно загудел. Людмила Алексеевна продолжала:

– И тебя не волнует, что ты подрываешь авторитет нашего класса? Что мы теперь будем на последнем месте во всех школьных соревнованиях? И все из-за твоего глупого упрямства! Ведь все равно рано или поздно ты поймешь, что никакого Бога нет, и вера только для безграмотных стариков!

Прозвенел звонок, учительница вышла из класса. Ребята обступили меня. Все были очень воинственно настроены, особенно мальчишки. Каждый что-то выкрикивал, перебивая друг друга. Кто-то дернул меня

за косу. Я заплакала. «Нюня, слезы распустила! Вот подожди, кончатся уроки, выйдем на улицу – еще не то будет! Мы тебе покажем, как позорить наш класс!»

3: Рождество

Дома я всегда встречала сочувствие и поддержку. Мама ходила в школу, говорила с моей учительницей, с директором, просила оставить меня в покое, не оказывать давления, принимать такой, как есть – девочкой из христианской семьи. Но в ответ слышала возмущенные тирады педагогов, что она – «мать, калечащая жизнь своего ребенка». Ни о каком смягчении в обращении со мной не могло быть и речи.

В начале декабря к нам в дом пришла комиссия. Она состояла из моей учительницы, завуча и представителя района. Пришли они без предупреждения, вечером, когда наша семья ужинала. Представившись, объяснили цель своего прихода. После нескольких бесед со мной завуч подала в районо официальное заключение, что «ребенок не поддается перевоспитанию, и педагогический коллектив школы просит вышестоящие органы принять меры». В результате было решено возбудить дело о лишении Винсов родительских прав. Комиссия пришла с целью проверить жилищные условия.

Они также сказали, что вопрос стоит не только обо мне, но о помещении в детский дом и младших: шестилетнего Пети и двухлетней Лизы. После ухода комиссии нас охватило страшное горе. Маленькая Лиза уже спала. Папа обнял нас с Петей, крепко прижал к себе, все плакали. Потом мы опустились на колени. Молились и

взрослые, и дети, умоляя Господа о защите. Родители понимали, какой травмой эта новость была для нас, детей, и старались сдерживать свою тревогу.

Бабушка сразу же приступила к практической стороне дела: «Наташа, Петя, слушайте внимательно, мы должны быть готовы ко всему. Обычно в таких случаях детей забирают и увозят в интернат в другой город. Детей из одной христианской семьи никогда не помещают вместе. От родителей тщательно скрывают, куда увезли детей. Даже если вы сумеете отправить домой письмо, мы его не получим – все письма, приходящие на наш адрес, проверяются КГБ. Поэтому вам придется запомнить адрес Эммы Давыдовны, бывшей соседки по квартире, и при первой возможности сообщить на ее адрес, куда вас увезли».

В тот вечер я долго не могла уснуть, все думала: «Что теперь будет? Как же мне жить без мамы и папы? Без бабушки? Без Пети и Лизы? В интернате все чужие, домой не будут отпускать. А убежать нельзя! Это как тюрьма, в которую фараон бросил Иосифа. Но ему Бог помог! Вызволил его! Вот и мне не надо бояться, Иисус защитит». С этими мыслями я уснула.

На следующий день завуч вызвала меня к себе в кабинет.

– Наташа, тебе родители сказали, по какому вопросу мы приходили вчера к вам домой?

– Да, Валентина Анатольевна.

– Так вот, если ты вступишь в пионеры, ничего этого не будет – ты останешься дома с родителями, с твоим братом и сестричкой. Почему бы тебе не вступить? Может, родители не разрешают? Так ты можешь только в школе носить галстук, а перед уходом домой оставлять его в столе у Людмилы Алексеевны. Иди в класс и хорошенько подумай обо всем!

Я вернулась в класс, села на свое место. Шел урок русского языка, учительница объясняла правила о двойных согласных, но я думала о своем: «Что же мне теперь делать? Пионеркой я не стала не потому, что мне запрещают родители. Я сама вижу, что это невозможно – верить в Бога, молиться – и вступить в пионеры, пообещав бороться

против религии. Это значит кривить душой, лицемерить. Нет, так я не могу!»

Наступили зимние каникулы – с санками, лыжами, подготовкой к Рождеству. Поставили елку, мама и бабушка пекли и варили к празднику, дома запахло пирогами. Бабушка каждый день проверяла, хорошо ли мы с Петей выучили рождественскую историю из второй главы Евангелия от Луки, выразительно ли рассказываем свои отрывки. В радостной предпраздничной суматохе совсем забылись мои школьные страхи.

И вот наступил детский праздник. В большущей комнате стояла громадная елка, в углу ярко горела Вифлеемская звезда, с потолка свисали бумажные снежинки. Все дети были нарядными, праздничными. Мне радостно было видеть столько верующих детей! В школе я всегда чувствовала, как сильно отличаюсь от всех: в нашем классе из 30 учеников я была единственной верующей. В школе учился еще один мальчик из семьи верующих, он был на три года младше меня. Но наши классы были на разных этажах, и мы только изредка встречались на переменках.

А здесь, куда ни повернись – все верующие!

Ефим Тимофеевич, пресвитер нашей церкви, проповедовал о Марии, Иосифе и о том, как им не было места в Вифлеемской гостинице. Мы пели «Тихую ночь» и другие рождественские гимны, дети рассказывали стихи. Мы с Петей тоже вышли вперед и рассказали свой отрывок из Евангелия от Луки. В конце праздника нам раздали подарки. Когда все кончилось, и мы надевали пальто, ко мне подошла одна из руководительниц праздника. Ей было 20 лет, звали ее Маша, она была такая красивая и добрая!

«Наташа, – сказала она,– во вторник, в 6 часов вечера, будет первая встреча вашей детской группы. Я буду твоей учительницей. Приходи!»

Во вторник вечером мы собрались на квартире у Саши, с которым я познакомилась на детской елке. Сашина мама встречала нас у дверей, забирала пальто и шапки и проводила в комнату. Когда все пришли,

Маша взяла гитару и предложила спеть несколько детских песен. Потом она начала урок о том, кто такой Бог и как Он сотворил мир, в котором мы живем. Она читала из первой главы книги Бытия, объясняла и задавала нам вопросы. Вначале мы смущались, потому что еще мало знали друг друга, но постепенно это прошло, и все оживленно участвовали в обсуждении темы урока.

В конце Маша сказала: «Сейчас мы будем молиться, но перед этим я хочу затронуть один важный вопрос. Все вы ходите в школу, и учителя-атеисты пытаются убедить вас, что Бога нет. Может быть, они задают вопросы о Боге, на которые вы не знаете, как ответить. Давайте в следующий раз с этого и начнем: вы расскажете, какие у кого трудности в школе, мы будем друг о друге молиться и попытаемся найти ответы на сложные вопросы ваших учителей. А теперь мы поблагодарим Бога за наше детское общение и будем расходиться».

После молитвы Маша предупредила: «В коридоре, когда будете одеваться, старайтесь не шуметь и на улицу тоже выходите не все сразу: мы должны соблюдать осторожность, вы же понимаете, в какое время мы живем». Домой мы возвращались вместе с двумя девочками, которые жили недалеко от нас. Наши мамы в автобусе разговаривали о чем-то своем, а мы оживленно посвящали друг друга в свои детские «секреты».

Окончились зимние каникулы. В школе опять начались вызовы в кабинет завуча и угрозы, что скоро состоится суд, папу и маму лишат родительских прав, а меня заберут в интернат. Часто я возвращалась домой в слезах. Тогда бабушка решила действовать: было написано заявление правительству в Москву с просьбой дать указание местным властям прекратить травлю нашей семьи. Родители также оповестили верующих в других городах, что у них хотят отнять детей, и о нас многие молились.

А мне бабушка сказала: «Не переживай, Господь поможет и защитит. Но даже если суд состоится и тебя заберут, то ты знаешь адрес Эммы Давыдовны. Сообщишь адрес интерната, и я приеду в тот город и устроюсь в вашем интернате уборщицей. Мы с тобой не покажем вида, что знаем друг друга! А когда ты будешь проходить по коридору, где я мою пол, мы улыбнемся друг другу, а иногда и словом сможем

перекинуться. И ты будешь знать, что ты не одна – бабушка рядом!» Этот разговор ободрил меня, и я уже не так отчаивалась.

На следующем детском собрании, как и обещала Маша, мы обсуждали, у кого какие трудности в школе. Саша рассказал, как учительница настаивала, чтобы он вступал в пионеры, много раз задерживала его после уроков. Как-то, за день до очередного приема в пионеры, она сказала:

– Саша, перестань упрямиться! Ну что тебе стоит принести завтра галстук и быть, как все ребята? Может, тебе мама денег на галстук не дает? Школа может выделить их для тебя.

Саша ответил:

– Нет, дело не в деньгах. Хорошо, я принесу завтра галстук.

Учительница просияла и отпустила его домой. На следующий день она подошла к его парте:

– Ну что, Саша, принес галстук?

Саша молча открыл портфель и достал выходной галстук своего папы.

Учительница стала кричать на него:

– Как ты смеешь! Обманщик!

Саша ответил:

– Никакой я не обманщик. Вы просили меня принести в школу галстук – вот я и принес. Но я же не обещал вам, что вступлю в пионеры.

Мы так весело смеялись после его рассказа, что Маше с трудом удалось нас успокоить. Следующей рассказала о своих школьных событиях Лена. В ее классе учительница рассказывала о полетах космонавтов и о том, что в космосе они не увидели Бога. Потом она обратилась к Лене: «Вот ты говоришь, что есть Бог. Так почему же космонавты Его не видели?» Лена ответила: «В Библии написано, что только чистые сердцем могут увидеть Бога. Значит, их сердца не были чистыми!»

У каждого из нас было чем поделиться. Я тоже рассказала о своих школьных делах и о том, что меня хотят забрать в интернат. В конце все встали на колени и молились друг о друге. Мне казалось, что у меня выросли крылья: значит, я совсем не «единственный на всю школу странный ребенок», как называла меня завуч! Мои ровесники, которые собрались в этой комнате, верят в Иисуса Христа так же, как я! И переживают такие же трудности – всем нам нелегко в атеистических школах. Детские общения открыли новую яркую страничку моей жизни.

4: Первый обыск

Весной, в одно из воскресений, когда собрание в лесу подходило к концу, из-за деревьев неожиданно показались работники милиции.

Они окружили нас, раздались выкрики: «Разойтись! Это нелегальное сборище! Кто здесь старший?!» Милиция стала пробираться в середину, где хор как раз исполнял один из гимнов. Верующие окружили хористов тесным кольцом, пытаясь не допустить их ареста. Но работники милиции расталкивали всех, а молодежи заламывали руки и тащили к милицейским машинам.

На следующий день, вернувшись с работы, папа решил объяснить нам с Петей, как себя вести на допросе, если при очередном разгоне собрания детей тоже заберут в милицию. Он успокоил, что бояться этого не надо, но важно не называть ничьих имен, потому что это грозит тем людям арестом. «Например, если вас спросят, ходите ли вы на детские общения и кто с вами занимается, – сказал он, – и вы назовете Машу или Веру – их посадят на несколько лет в тюрьму. Так что лучше ни на какие вопросы следователя не отвечать. Так поступил Иисус Христос во время допроса перед Пилатом, Он оставил нам этот пример».

Собрания теперь назначались с большей осторожностью, заранее о месте собрания знали только два-три человека. Все остальные

приходили в определенное время на автобусную остановку или к пригородному вокзалу и там узнавали, куда ехать дальше. Какое-то время воскресные собрания проходили спокойно, а потом снова был налет милиции. Верующих тогда собралось 150 человек. Папа проповедовал в заключение собрания.

Когда пришла милиция, совершалась молитва, все стояли на коленях. Работники милиции набросились на верующих, стали расталкивать, пробиваясь туда, где стояли проповедники. Нам с Петей было очень страшно: мы прижались к бабушке, она старалась успокоить нас. Мы очень волновались за папу – он был впереди, где происходила самая горячая схватка. (Мама с маленькой Лизой в тот день осталась дома.)

В результате были арестованы 19 человек. Их отвезли в тюрьму, и пятерым, в том числе и папе, дали по 15 суток. При допросе папе сказали, что на него заведено уголовное дело и в следующий раз он уже 15 сутками не отделается. Когда, освободившись, папа вышел на работу, директор предложил ему уволиться. Так он остался без работы. Вскоре нам пришлось расстаться с папой. Проповедники нашей церкви рекомендовали его для всесоюзного служения среди гонимых церквей, и решено было, чтобы он, не дожидаясь ареста, уехал из Киева. Теперь папа вынужден был жить в домах верующих в других городах и совершать служение, находясь на «нелегальном положении».

В конце лета в «Вечернем Киеве» появилась большая статья о разгоне собрания в лесу, и когда в сентябре начался учебный год, в школе меня ждали новые трудности. Пете было уже 7 лет, он пошел в первый класс, но родители решили отдать его в другую школу, ближе к дому, так как видели, насколько негативным было отношение к верующим у моих учителей.

Многое мы с Петей тогда испытали впервые: первые собрания в лесу, первые детские общения, первые налеты милиции и разгоны собраний, первые месяцы без папы. А еще – первый обыск. Пока мы росли, работники милиции и КГБ множество раз врывались в наш дом

с обысками, но первый, пережитый в раннем детстве, запомнился особо.

Поздно вечером, когда мы уже спали, раздался звонок и сильный стук в дверь: «Открывайте! Милиция!» В дом ворвалось около 15 человек, несколько в милицейской форме, остальные в штатском – работники КГБ. Я проснулась от необычного шума. В этот момент надо мной склонилась бабушка, тревожно прошептав: «Обыск! Постарайся не вставать с кровати – сохрани Библию!» И она сунула мне под матрас нашу семейную Библию.

По лестнице, которая вела в детскую, уже гремели милицейские сапоги. Заплакала маленькая Лиза, бабушка подошла к ее кроватке. Мне было очень страшно: я боялась, что Библию найдут, и что тогда милиция сделает со мной?! Вошел первый милиционер, включил верхний свет, за ним шли еще двое. Бабушка пыталась протестовать: «Что вы делаете? Зачем будить детей? Можно зажечь настольную лампу!» Милиционер грубо ответил: «Делаем то, что положено!» Петя сидел в своей кроватке и тер глаза. Лиза все еще плакала, и бабушка взяла ее на руки. Я лежала и испуганно смотрела на милиционеров.

Обыск продолжался несколько часов. Из шкафов выбрасывали на пол одежду, в кухне заглядывали во все кастрюли, пересыпали крупу, сахар. Даже зачем-то развинтили утюг. Но особенно их интересовали книги: просматривали каждую страничку, в том числе мои и Петины школьные тетради, учебники. Забрали семейные фотографии, личные письма, адреса родственников и друзей, сборник христианских гимнов. Нас, детей, подняли с наших кроваток, и Библию под моим матрасом нашли. Все, что подлежало конфискации, отнесли на обеденный стол, где один из представителей власти писал протокол обыска. Ушли они уже под утро. С тех пор в нашей семье были десятки обысков, и мы убедились, что первый был еще не самым страшным.

В этом учебном году к годовщине революции стали готовиться заранее. Для общешкольного праздника нашему классу поручили сделать доклады о пионерах-героях. Учительница сама распределила, кто будет делать какой доклад, мне достался Павлик Морозов. Я

хорошо знала его историю: это был пионер, который донес властям, что его отец отдал колхозу только часть своего зерна, а остальное спрятал, чтобы семья не умерла с голоду и весной было чем засеять поле. Когда пришли с обыском, Павлик указал, где спрятано зерно. В результате все забрали, отца посадили в тюрьму, а Павлика соседи убили за то, что он предал отца.

Я понимала, что мне поручили доклад о Павлике Морозове не случайно. Если я назову его поступок подвигом, примером для всех, от меня будут требовать, чтобы я подражала ему. Для меня же было немыслимо донести на папу, предать его! Поступок Павлика Морозова я тоже не одобряла. Хотя мне было жалко, что его убили, но своим героем я его не могла назвать. Как же теперь быть? Лицемерить перед всей школой: говорить то, во что я не верю и с чем не согласна? А если отказаться делать доклад, то учительница опять будет кричать, что я позорю наш класс, и потребует назвать причину, почему я отказываюсь от участия в празднике.

Домой я возвратилась в очень подавленном настроении. Вечером советовалась с бабушкой, как быть. Она согласилась, что делать доклад на такую тему я не могу. Но в какой форме отказаться? Если я скажу, что не считаю Павлика Морозова героем, это расценится как преступление против советского строя. И вся ответственность тогда ляжет не только на меня, но и на моих родителей. Наконец, бабушка предложила: «А ты скажи, что не можешь участвовать, потому что ты не пионерка – как же тебе делать доклад о пионере-герое?» Я согласилась, но очень переживала, как воспримет мой отказ учительница и одноклассники.

На перемене я подошла к учительнице и сказала, что не буду делать доклад. Она стала кричать на меня – так сильно она никогда еще не сердилась. Прозвенел звонок на урок, и она сразу же объявила ребятам, что Винс снова подводит класс. Не дорожит даже памятью о Павлике Морозове, который героически погиб, служа советской власти! Все были возмущены, на переменах со мной никто не разговаривал, все отворачивались, даже Таня. Мне было горько и одиноко, но пойти против своей совести я не могла.

После уроков, когда я шла домой, мальчишки из нашего класса избили меня. Сорвали с головы берет, бросили на землю и топтались по нему. Выбили из рук портфель. Защищаться я не умела и только прикрывалась локтями от ударов. Бабушка решила, что дальше так продолжаться не может: необходимо решительно действовать! И на следующий день пошла со мной в школу.

В то время в газетах много писали о бесправном положении негров в США. В одной статье был рассказ о мальчике, которому не разрешали ездить в школьном автобусе с белыми детьми. Родители сумели отстоять его право на это, но тогда белые дети стали избивать его. В результате был выделен полицейский, который сопровождал этого негритенка в школу. Советские газеты возмущались таким ужасным фактом дискриминации негров.

Бабушка взяла с собой газету, когда пошла в школу беседовать с директором. Она решительно заявила: «Я не допущу, чтобы над Наташей продолжались издевательства в школе! Насмешки и побои со стороны детей вызваны тем, что так их настраивает учительница».

Показав директору газету со статьей о неграх, бабушка сказала, что отношение к ребенку из христианской семьи в Советском Союзе ничем не отличается от дискриминации негров в США. Она потребовала гарантии, что подобное больше не повторится. «А иначе, – сказала она, – я вынуждена буду настаивать, чтобы Наташу сопровождал в школу милиционер и защищал от побоев, как того негритенка». Директор обещала во всем разобраться.

Папа в тот период приехать домой не мог, его искали, за нашим домом велась постоянная слежка. Заезжая в Киев, он останавливался у друзей, и мама с кем-то из детей поздно ночью шла увидеться с ним. Узнав о последних событиях у меня в школе, он передал мне стихотворение:

Дочь, стой за истину, нимало не смущаясь!

Будь мужественна в бурном вихре дней.

Я о тебе в молитвах подвизаюсь:

О вере детской, крохотной твоей.

5: Свидание в Лефортовской тюрьме

Была на исходе бурная осень 1963 года, запомнившаяся частыми разгонами собраний, трудностями в школе, тоской по папе, которого уже несколько месяцев не было дома. В конце ноября мне исполнилось 11 лет. Вечером к нам в гости неожиданно пришла Маша, ее сразу же пригласили к праздничному столу. Маша принесла мне подарок, которому я очень обрадовалась. Это была гитара! На детских собраниях она не раз говорила, что хочет организовать оркестр: все мы будем учиться играть на разных инструментах. И теперь у меня была своя гитара! Маша тут же настроила ее, показала несколько простых аккордов.

Во время первой репетиции выяснилось, что большинству из нас нужно начинать с азов – никакой музыкальной подготовки, кроме уроков пения в школе, у нас не было. Одна только Катя ходила в музыкальную школу и уже хорошо играла на скрипке. Но Маша смотрела на все с большим оптимизмом, и мы приступили к освоению музыкальных инструментов. Вся церковь радовалась, когда мы в первый раз играли в собрании. Со временем, когда наш репертуар значительно вырос и мы играли более уверенно, наш оркестр стали приглашать на праздники жатвы в соседние села.

Один из детских рождественских праздников проходил в доме Анатолия Драги. Наш оркестр сидел впереди: как старшие из детей, мы активно участвовали в проведении праздника. Когда все подходило к концу и детям уже вручали подарки, в дом неожиданно ворвалась милиция с криками: «Чем вы здесь занимаетесь? Это незаконное сборище!» Испуганно заплакали малыши. Родители, сидевшие в конце зала, стали пробираться к своим детям. Работники милиции пытались им препятствовать, стоял шум, выкрики. Наш оркестр заиграл рождественский гимн. Милиционеры бросились к нам, стали вырывать инструменты. Хотя никого в тот день не арестовали, праздник был испорчен.

Недели и месяцы выстраивались в годы, а с папой мы по-прежнему лишь изредка встречались в разных домах верующих. В марте 1965 года родилась моя новая сестричка, Женя. Папе очень хотелось увидеть свою новорожденную дочку, и как-то поздно ночью он решился зайти домой. Пробыл он дома всего два дня. Для всей семьи это был большой праздник, но мы понимали, что должны быть очень осторожны: никому не говорить, что папа дома. Если кто-то звонил в дверь, папа сразу же уходил в спальню, чтоб его не увидели. В следующий раз он смог зайти домой только через год, когда Женя делала свои первые шаги.

Наступила весна 1966 года, я училась уже в шестом классе, Петя – в третьем, в школе все было относительно спокойно. Господь защитил от главной беды: вопрос о помещении нас в интернат больше не поднимался. Как-то в конце мая, в субботу, я пришла из школы и по лицам мамы и бабушки сразу поняла, что произошло что-то трагичное. У нас была гостья из Москвы, Лилия Владимировна. Она привезла весть, что два дня назад папа был арестован.

Хотя последние три года мы знали, что в любой момент его могут арестовать, но когда это произошло, новость причинила глубокую боль. Я ушла в свою комнату, легла на кровать и стала думать: где он сейчас? Может, на допросе у следователя? Или в камере? Как ему там,

есть ли у него еда? И когда мы опять увидимся? Мама позвала обедать, но я отказалась: мне совсем не хотелось есть.

На следующий день, в воскресенье, собрание в лесу было разогнано с особой жестокостью: работники милиции избивали мужчин, выкручивали им руки, отшвыривали в сторону женщин и детей. На моих глазах одну старушку, Фаню Андреевну, так толкнули, что она полетела в одну сторону, а ее палочка – в другую. Я бросилась к Фане Андреевне, чтобы помочь ей подняться с земли, но нужна была еще чья-то помощь: она сильно ударилась и не могла встать.

Милиции в тот день было особенно много: всюду мелькали красные фуражки, раздавались их злобные выкрики. Плакали перепуганные дети. Мы пытались держаться вместе, окружая тех, кого тащили к машинам. Но работники милиции разрывали ряды взявшихся за руки верующих. В общей свалке раздавались протесты: «Что вы творите?! Это беззаконие! Явное нарушение Конституции! Гражданам нашей страны гарантирована свобода совести!» В ответ раздавалось: «Мы вам покажем свободу! Еще не то будет! С сектантами мы покончим!» Многих увезли в отделение милиции и осудили на 15 суток.

Дома у нас прошел очередной обыск. Нам официально объявили, что папа содержится под следствием в Москве, в тюрьме Лефортово. Киевскому следователю поручили допросить членов семьи. В Петиной школе во время урока вдруг открылась дверь класса, и вахтерша сказала учительнице, что Петю Винс вызывают в кабинет директора. Петя сообразил, что его будет допрашивать следователь, и вместо того, чтобы идти в кабинет директора, выбежал из школы, сел в троллейбус и поехал в другой конец города к родственникам. Там как раз была мама, и Петю, чтобы избежать допроса, решили на все лето отвезти в семью верующих в селе Бакумовка.

Когда следователь приехал в мою школу, учительница сама отвела меня в кабинет директора. Я отказалась отвечать на все вопросы. Следователь сердился и кричал на меня, директор тоже кричала, но добиться ничего не смогли. Папа потом рассказывал, что в конце следствия ему дали ознакомиться с протоколами допросов киевского следователя. Там было записано: «Петр Винс убежал из школы, и

допросить его не удалось; Наташа Винс на все вопросы отвечать отказалась».

Папа находился под следствием шесть месяцев, и за это время ни свиданий, ни переписки с ним не разрешалось. Увидеть его удалось только на суде, да и то издалека. День суда от семьи тщательно скрывали. Чтобы не пропустить суд и положенное после него свидание, мама и бабушка еще в октябре уехали в Москву, поселились у родственников и каждый день ходили проверять по спискам, какие судебные процессы назначены на тот день. Шестилетнюю Лизу они взяли с собой, а нас с Петей оставили дома с верующей старушкой тетей Полей, так как мы не могли пропускать школу. Маленькую Женю тоже оставили дома.

Прошло несколько недель. Наконец из Москвы пришла телеграмма: «Суд начался, срочно привозите детей». В тот же вечер мы с Петей сели в поезд с кем-то из верующих и утром уже были в Москве. Папу судили вместе с Геннадием Константиновичем Крючковым. Мы вошли в здание суда во время перерыва, все стояли в коридоре, верующих было человек сорок. Увидев нас, мама и бабушка очень обрадовались.

Вдруг в дальнем конце коридора показался военный, за ним шел еще кто-то – подсудимых вели в зал суда. Бабушка быстро подтолкнула нас с Петей вперед: «Смотрите скорей, папу ведут!» За первым охранником шел Геннадий Константинович, за ним – второй военный, потом папа и заключающий конвоир. Геннадий Константинович первый заметил нас и громко сказал: «Георгий, дети!» Папа выглянул из-за спины охранника, заулыбался, помахал нам рукой. Мы ему тоже махали. Но длилось все это меньше минуты: их ввели в зал.

Как несовершеннолетних, нас с Петей в зал суда не пустили, но разрешили остаться в коридоре. Большинство верующих тоже стояли здесь: в зал, кроме родственников, почти никого не впустили. В течение дня было несколько перерывов, подсудимых вводили и выводили, и каждый раз, хоть на несколько мгновений, мы могли видеть папу. Приговор огласили поздно вечером: три года лишения свободы.

Мама с бабушкой рассказывали потом, как в последнем слове подсудимого папа хотел прочитать стихотворение, которое написал в тюрьме. Но судья его часто перебивал, и папа смог рассказать только несколько куплетов:

Немая стража окружает
Друзей Христа стальным кольцом,
Но Сам Спаситель вдохновляет
Стоять спокойно пред судом.
Мы к мятежам не призывали,
И в жертву не несли детей.
Мы о спасенье возвещали,
О красоте святых идей.
Суды и новые гоненья
Лишь веру в Бога укрепят,
И всем грядущим поколеньям
О Правде Божьей возвестят!

На следующий день нам дали свидание с папой в Лефортовской тюрьме. На свидание пришли все: бабушка, мама, Лиза, Петя и я. На проходной у нас проверили паспорта и метрики, мама предъявила разрешение на свидание, подписанное судьей. Все бумаги были в порядке, и нас пропустили. Охранник провел нас в большую комнату, где не было никакой мебели, кроме стола и нескольких стульев. Он указал нам на стулья по одну сторону стола, мы сели.

Стул для папы стоял по другую сторону. В конце стола сидел офицер. Он объявил, что свидание разрешено на 30 минут, он будет присутствовать и предупредил, каких тем мы не должны касаться, чтобы нас не лишили свидания.

Конвоир ввел папу. После долгих месяцев разлуки мы впервые видели его так близко. Петя погладил папу по руке и воскликнул:

– Ой, папа, какие у тебя руки холодные! А что, в камере у вас...

Офицер раздраженно перебил:

– Я же предупреждал, чтобы условий содержания в камере не касаться! Неужели не понятно?!

Мы испугались: что, если он прервет свидание? Бабушка попыталась смягчить ситуацию:

– Извините его: Пете всего десять лет! Он просто не подумал, что об этом нельзя говорить.

Офицер молча кивнул. Мы продолжали разговаривать. Вдруг, неожиданно для всех, маленькая Лиза запела христианский гимн. Мы снова с тревогой посмотрели на офицера: вдруг он прервет свидание? Но он сам с удивлением смотрел на шестилетнюю малышку, которая звонким голоском выводила слова песни с таким недетским содержанием:

Не страшны решетки, срамленье, позор,

Безжалостных судей слепой приговор.

Иди, не смущайся, мужайся Христос!

Лишь в Нем укрепляйся, будь сильным борцом.

У папы на глазах были слезы, он обнял свою мужественную малышку и тихо сказал: «Спасибо, доченька!» Свидание подходило к концу, поспешно задавались последние вопросы. Папа попросил офицера: «Разрешите нам помолиться». Офицер неопределенно пожал плечами. Мы встали, и папа совершил молитву. Прощание было коротким, охранник торопил: «Выходите! Ваше время истекло!»

Мы вышли на заснеженные московские улицы, было 2 декабря 1966 года. Нужно было идти на вокзал, доставать билеты домой, в Киев. В Москве нас больше уже ничего не задерживало.

6: «Суровый край: кругом леса, снега»

После долгого этапа из Москвы на Северный Урал папа наконец-то прибыл в лагерь и мог сообщить свой адрес. Первое письмо от него мы получили в конце марта. Он писал, как согрело его сердце краткое свидание в Лефортовской тюрьме, и особенно Лизина песня:

Дочурка милая, мой маленький дружок,
От папочки привет тебе, родная!
В далекой стороне твой нежный голосок
И песенки твои я вспоминаю.
Для узника-отца твой голосок звучал
Среди тюремных стен потоком ободренья.
Дочурка милая, Господь тебя послал
С улыбкой ясною и песней утешенья.

Весной мама поехала на первое свидание с папой в лагерь. Путь был долгим: ночь в поезде от Киева до Москвы, затем пересадка и еще более двух суток по железной дороге до Соликамска. А оттуда на 12-местном пассажирском вертолете до поселка Чепец. Когда вертолет приземлился в Чепце, мама заметила среди пассажиров, ожидавших посадки на Соликамск, женщину с мальчиком лет девяти. Ей показалось, что они где-то раньше встречались, и мама подошла к ним. Оказалось, что это была жена пресвитера ленинградской церкви Клавдия Маховицкая с сыном Мишей. Они приехали на свидание к Федору Владимировичу, который отбывал срок в одном лагере с папой.

Клавдия Александровна посоветовала маме срочно бежать в кассу, чтобы взять обратный билет на Соликамск и успеть на этот же вертолет. Она объяснила, что их мужей уже нет в лагере «Чепечанка», их два дня назад увезли на этап. Прибыв в Соликамск, мама с Клавдией Александровной разыскали своих мужей в пересыльной тюрьме, им дали свидание. Папа очень обрадовался, что мама не разминулась с ним, и их свидание состоялось (из-за внезапности этапа он не смог сообщить об этом семье). Он сказал, что не знает, в какой лагерь его теперь везут и как долго он пробудет в дороге.

Свой день рождения, 4 августа, папа отметил уже в новом лагере «Анюша». Бабушка писала ему в эти дни:

«Дорогой Георгий!

Неделю назад был твой день рождения, тебе исполнилось 39 лет. Ты помнишь, что было сказано Марии, матери Иисуса: «И тебе самой оружие пройдет душу...» (Лук. 2:35). Вместе с тобой с трепетом провожу каждый день твоего заключения: когда сажусь обедать и смотрю на дары Божьи на столе, то принимаю их со вздохом, что ты лишен их... Порою я так слаба, что почти падаю на долгом тернистом пути, по которому до сих пор приходится идти. Но рука Творца вселенной, Который держит в повиновении звездные миры, нежное прикосновение Его Духа укрепляют упование. Твердость духа снова и снова обретается в Нем, источнике жизни.

Сын мой, подними выше голову: «Нам жизнь дана не для пустых мечтаний!» – ты сам писал это. Желаю тебе твердости и мужества во всех жизненных скорбях: «Мужайтесь, и да укрепляется сердце ваше, все надеющиеся на Господа!» По милости Божьей все мы живы и здоровы. Дети хорошо отдохнули летом, Лизочка поет целыми днями, как птичка. В природе все идет своим чередом: нежность весны с благоуханием цветов сменилась жарким зноем, теперь подходит осень с дарами, и один только человек мятется, не находя покоя...

Крепко целую, мое дорогое дитя. Твоя мама».

Свидания в лагере давались редко, поэтому письма стали главным связующим звеном между нами и папой. Но и в письмах необходимо было проявлять осторожность: они проверялись лагерной цензурой, многие просто «терялись» в пути. Те же, что доходили до нас, были долгожданной весточкой, что он жив, у него все без перемен. Письма переносили нас в обстановку таежного лагеря, новые стихотворения помогали почувствовать, что было у папы на душе в долгие вечера в шумном лагерном бараке или на заснеженных лесных тропах, когда конвой со сторожевыми собаками гнал бригаду на лесоповал:

Суровый край: кругом леса, снега,
Гирлянды белые обвили нежно ели...
В пушистых берегах таежная река
Мечтает о весне и паводке в апреле.
По небу облака на светлых парусах
Несут на юг, как дар, снега густые...
В морозный день шепчу с слезой в очах:
«Моя любовь и песнь моя – Россия!»

А еще каждое письмо от папы было живым напоминанием, что мы дороги ему, что для него важно, как каждый из нас растет и взрослеет. Вот одно из писем Пете:

«Мой дорогой, любимый сын! С интересом прочитал твое письмо. Очень рад твоим успехам в учебе, в музыке. Бабушка пишет, что ты помогаешь по хозяйству, убираешь зимой двор от снега. Я рад, что ты растешь трудолюбивым, старательным. Хочу, мой мальчик, поздравить тебя с днем рождения:

Мой милый сын! В день твоего рожденья
Я так хотел с тобою рядом быть:
Тебя обнять, тебя благословить
И удалить разлуки огорченье!
Но я лишен возможности такой
Колючей проволокой, дремучею тайгой.
Мой милый сын, не унывай, крепись,
Расти здоровым телом и душою;
Люби людей, люби цветы и жизнь,
Да будет Солнце Правды над тобою!
Чтоб вырос ты, не став рабом греха,
Но сыном света, радости и мира,
Любил премудрость Божьего стиха,
И чтоб в груди звучала веры лира!
Настанет день – мы встретимся с тобой,
Мой милый сын, мой мальчик дорогой!»

В одном из писем папа писал мне:

«Дорогая Наташенька, мой первенец, обнимаю тебя, мою такую уже большую! Получил твое письмо от 9 января. Как ты и просила в своем письме, я передал твой привет России, тайге и горам. Я очень рад, что ты любишь свою земную родину и ее народ. Жить во имя блага людей – вот цель и смысл жизни! Так жил на земле наш Господь Иисус Христос, а также многие верные Господу, в том числе и твой дедушка Петя.

Твое письмо, любимая моя,
С приветом ласковым и памятью о юге
Пришло в мои таежные края
В вечерний час, под песни злобной вьюги.
Едва поднялся утренний рассвет,
На землю опустив лучи косые,
Я передал горячий твой привет
Моей любимой и родной России!
Тайге задумчивой, где зверя вольный след
Мне говорит о радостях свободы...
Ручью таежному, что панцирем одет,
Откованным на кузнице природы;
Привет и от меня любимой стороне:
Родному Киеву, цветущей Украине,
Днепру, бегущему в долине,
И всем, кто помнит обо мне!

Получила ли ты мое письмо со стихотворением «Над Вифлеемом чудное сиянье»? Передавай привет от меня бабушке,

мамочке, Пете, Лизе и Женечке, а также бабушке Миле и дедушке Ивану, дяде Саше, тете Мане, Людочке и Леночке.

Твой папа».

А вот одно из писем маме:

«Надюша, родная моя, приветствую и обнимаю тебя! Как ты там одна справляешься с нашей, хотя и небольшой, семейной ладьей? Постоянно думаю о вас и приношу в молитвах тебя и детей, а также дорогую бабушку нашу. Спасибо за семейное фото: дети наши растут и взрослеют, а мы с тобой стареем, седеем, и все в разлуке… Но не унывай: Господь с нами! Только нам важно во всем сохранить верность Ему и друг другу в искренности и чистоте.

Любимая, да будет путь твой светел!

Великий Бог тебя благословил.

Я счастлив, что тебя весною встретил,

И на всю жизнь одну лишь полюбил.

Да хранит Господь всех вас. 2 Кор. 1:3-10 (особенно стихи 3, 4, 5). Молюсь о встрече.

Твой Георгий».

Мы всегда с нетерпением ждали папиных писем, особенно в праздники. Когда приходило рождественское письмо, мы собирались всей семьей, зажигали огни на елке и читали его.

«Дорогие и милые мои дети, Надюша, мамочка! Поздравляю с великим христианским праздником Рождества Христова!

С ранних лет моей жизни этот день овеян радостью тихого семейного торжества с задушевными мелодиями рождественских гимнов и красочным Евангельским повествованием о рождении Спасителя мира. Очень хотел бы разделить радость праздника с вами, а также с братьями и сестрами по вере. Но вот уже второй год мне предстоит отмечать этот день одному: в прошлом году – в стенах Лефортовской тюрьмы, а теперь – в далеком таежном лагере, затерянном среди лесов Урала…

Дети мои, в рождественский вечер соберитесь вокруг радиоприемника, настройте его на нежную волну и присоедините свои голоса к чудной мелодии «Тихой ночи». В эти минуты и я, находясь вдалеке, духом присутствуя с вами, присоединю свой голос к вашим голосам: «Бог нам Спасителя дал!»

Мне недавно попала в руки книга писателя Рудольфа Бершадского «Другой край света» (издательство «Советский писатель», Москва, 1967 г.), где описана волнующая сцена исполнения «Тихой ночи» в день Рождества многочисленным хором детей на центральной площади Веллингтона (Новая Зеландия). Автор описывает глубокое волнение, которое испытал и он (воспитанный в атеистической среде!), когда смотрел на вдохновенные лица детей, с глубокой верой славивших Божественного Младенца. Он восклицает: «Надо было видеть лица поющих детей!» И описывает, как люди, заполнившие площадь, в благоговении обнажили головы».

Из папиных писем мы узнавали о повседневных и о значительных событиях его жизни.

«Дорогие мои, по милости Божьей я жив и продолжаю свой путь в узах. Работаю в той же бригаде, на той же работе. В начале декабря в нашей зоне заседала комиссия по проведению амнистии (в честь 50-й годовщины революции). Я был также представлен на комиссию. Но от меня потребовали признания вины, на что я никак не мог пойти (ввиду отсутствия состава

преступления как в моих действиях, как секретаря Совета церквей ЕХБ, так и всего Совета церквей в целом). После краткого совещания председатель комиссии объявил, что в амнистии мне отказано.

Очень многие заключенные освобождены, многим наполовину сократили оставшийся срок. Я рад за них. Надеюсь, что они не встанут на путь повторения преступлений. Интересно было наблюдать за амнистированными: их лица преображались радостью и ожиданием скорой свободы... Я думаю, что Христос был рад освобождению Варравы, хотя Сам пошел на Голгофу и за него, за разбойника. Взгляд на Христа придает мне силы и уверенности в избранном пути».

Еще один отрывок из папиного письма:

«Дорогая Наташенька! Вчера, 27 ноября, размышлял о тебе. Обнимаю и поздравляю с днем рождения! Господь да хранит тебя в Своей любви. Вспоминаю тебя совсем крошечной, твои первые слова, первые шаги. Ведь ты моя первая песнь, мой первенец! А у нас на Урале в этом году суровая, снежная зима:

Стоят морозы минус пятьдесят,

Туман навис над впадиной долины,

Березки обнаженные дрожат...

Лишь ели подбоченились картинно.

Жизнь замерла... Не видно даже птиц;

Звериный след лишь промелькнет местами.

Один мороз, не знающий границ,

Как властелин, проходит над лесами.

У меня к тебе просьба. Я прочитал, что Министерство связи СССР выпустило серию почтовых марок, посвященных творчеству голландского живописца Рембрандта. Серия воспроизводит его полотна «Давид и Ионафан», «Притча о работниках на винограднике» и другие. Постарайся купить на почте или в магазине филателии 2-3 комплекта, и один вышли мне. Всем дома большой привет. Крепко обнимаю всех вас.

Твой папа».

В нашем семейном архиве сохранилось самое первое бабушкино письмо, когда папу только привезли из Москвы на Северный Урал.

«Дорогой Георгий!

Крепко целую тебя. Как твое здоровье? Часто мысленно разговариваю с тобой, полна тревог и забот... Получила твое первое письмо из лагеря, оно было утешением для меня. Через день, 19 мая, годовщина твоего заключения, печальная и горькая. Крепись, не падай духом, ты в тот день поступил благородно, как сын своего отца. Да осенит тебя Господь светом Своим, да снимет всякую тяжесть с твоего сердца.

Многое хотелось бы тебе сказать о наших огорчениях и радостях, но нет возможности. В общем, пока все благополучно. Сады отцвели. Дни летят вперед, мы летим вместе с ними. Но главное, как написано: «...дела их идут вслед за ними». Человек приходит на землю, чтобы пройти и уйти. Все дело в том, как пройти. Трудна дорога честности. Я не говорю о денежной только честности, но о честности духовной, чтобы не кривить душой в угоду личных выгод. Такой дорогой прошли многие, но в сравнении с общей массой их – единицы. Ими восхищаются больше посмертно, а при жизни считают, по меньшей мере, чудаками. Девиз последнего времени: бери от жизни все! Но очень быстро такие души, как бабочки, обжигают крылышки на

огне и все оставшиеся годы своей жизни ползают уродливо и опустошенно.

Твой путь труден. Я знаю, бывают горькие минуты одиночества, когда кажется: вот-вот упадешь под тяжестью креста. Не унывай и тогда, помни: за тучей всегда сияет солнце! Ты еще молод, если тебе предначертано – переживешь и даже забудешь эти страдания. Уроки только вынесешь на всю жизнь. Важно выработать прекрасное качество выдержки, умение сдержать себя, даже если грубо касаются самого святого и благородного в твоей душе. Но я не говорю здесь о рабской покорности – в таком случае теряется достоинство человека и наследника вечной жизни!

Не унывай: годы пройдут незаметно, закончится срок, придешь домой и опять обнимешь всех, опять будет радость свободы. Да хранит тебя Бог! Возложим на Него упование наше, в руках Его наше дыхание и жизнь.

Твоя мама».

7: Будни в нашем доме

Когда папу арестовали в мае 1966 года, бабушка была уже на пенсии, ей было под шестьдесят. Она сразу же поехала в Москву, чтобы встретиться со следователем, узнать, в чем обвиняют сына, быть рядом, если хоть как-то можно облегчить его участь. В то лето она познакомилась со многими женами и матерями узников: в Лефортовской тюрьме сидело несколько десятков верующих из разных городов, и их близкие приезжали в Москву в ожидании суда.

Многие останавливались в поселке Десна, на окраине города, в гостеприимном доме Афанасия Ивановича Якименкова. Проводя целые дни в прокуратуре или тюремных очередях с передачами, усталые и измученные, вечером они возвращались в Десну. И там делились пережитым за день, вместе молились. Бабушка рассказывала потом, что такая общность была ценной поддержкой для каждой из них.

В июне двадцать пять жен и матерей узников съехались в Москву из Сибири, Средней Азии, Центральной России, Украины, Белоруссии, Молдавии. Это было первое совещание обновленного состава Совета родственников узников-христиан[1]. Они собрались, чтобы вместе обсудить, как лучше всего помочь их близким. Решили, что

необходимо вести учет всех арестованных за веру в Бога, оказывать помощь их семьям, призывать к молитвенной поддержке узников.

Бабушка рассказывала нам, когда вернулась домой, что все жены и матери узников ясно понимали опасность этого служения. Кроме того, они трезво оценивали свои возможности: среди них не было ни одной с юридическим образованием. А они ставили перед собой еще и правозащитную задачу: писать петиции в защиту гонимых за веру и направлять в правительственные органы[2]. Но, с Божьей помощью, решили браться за дело, вдохновляясь словами из Библии: «Спасай взятых на смерть, и неужели откажешься от обреченных на убиение» (Притчи 24:11).

В первую очередь Совет родственников приступил к сбору информации и составлению списков узников-христиан, где указывалась фамилия, имя, отчество узника, состав семьи, домашний адрес, статья Уголовного кодекса, срок лишения свободы, адрес места заключения. Собрать эти данные в такой громадной стране, как Советский Союз, было очень непросто, и им помогали верующие многих поместных церквей.

Став членом Совета родственников, бабушка активно включилась в работу, принимая участие в сборе фактов гонений, в составлении заявлений правительству. Вскоре ее избрали председателем Совета родственников, и наш дом стал прибежищем для всех гонимых. Часто по ночам раздавался звонок в дверь, и когда мы открывали, на пороге стояла мать или жена арестованного в другом городе христианина. Бабушка оставляла ее ночевать, расспрашивала, как все произошло, они плакали и молились вместе, составляли заявление в органы власти от семьи арестованного. Бабушка давала практические советы: какую передачу нести в тюрьму, как вести себя при допросе следователя и на суде.

Люди ехали в наш дом со всей Украины, Центральной России, Белоруссии, даже из Сибири. Тех, кто приезжал, нужно было приютить на два-три дня, помочь достать билеты на обратную дорогу, проводить на вокзал. Часто до десяти человек из других городов ночевало у нас в доме. Мы купили несколько раскладушек и матрасов, а когда и этого не хватало, уступали гостям свои кровати и спали на полу.

Помню, как к бабушке приехала мать с тремя детьми, которую лишили родительских прав. Бабушка тут же нашла верующих в деревнях, согласившихся на какое-то время приютить у себя детей. А матери помогла составить ходатайство в правительство и в ООН. Но главным для убитой горем матери было то, что в кризисный момент жизни она нашла поддержку и действенную помощь.

За домом велась постоянная слежка. Чаше всего это делалось незаметно, но иногда машина с чекистами дежурила на улице прямо напротив нашей калитки, и нужно было проявлять большую осторожность, выходя из дома. Мы знали, что о многом дома нельзя говорить вслух (были основания предполагать, что органы КГБ установили у нас подслушивающее устройство). Поэтому все деловые разговоры велись на листе бумаги, который тут же уничтожался.

Жизнь детей в нашей семье с раннего возраста подчинялась строгой дисциплине: приходилось постоянно помнить, о чем нельзя говорить вслух; выработать привычку не держать в доме адресов (если их забирали при обыске, в тех семьях тоже проводили обыск, поэтому все адреса запоминались наизусть). Опасно было вести личный дневник и вообще хоть что-то доверять бумаге – все это могли забрать при обыске. Также подлежали конфискации личные письма и семейные фотографии[3].

На протяжении нескольких лет органы власти угрожали бабушке арестом, но она оставалась на своем посту. Шли годы, бабушка старела, все труднее было ездить в другие города на совещания Совета родственников, уходить от слежки, постоянно прятать архив от обысков. Однажды, в очередной раз вернувшись из Москвы, она рассказала, как они попали в облаву: «Собрались мы на совещание в одной квартире на шестом этаже. Нас было более 20 человек, съехались сестры со всей России, Урала, Беларусии, Молдавии, Сибири и Средней Азии.

Было 10 часов вечера, совещание еще продолжалось. На столе в большой комнате были разложены документы, заявления с мест. Вдруг раздался звонок в дверь. Хозяйка, посмотрев в глазок, забегает к нам и говорит: «Милиция!» Это слово всегда заставляло содрогаться, искать какой-то выход. Лиза Храпова схватила все бумаги со стола и

бросилась в спальню. Звонки и стук в дверь продолжались, хозяйке пришлось открыть. Их зашло более двадцати человек.

Руководил всем заместитель прокурора Москвы. Он отрекомендовался, представил еще двоих: начальника милиции того района и представителя КГБ по религиозной части. Первые два сняли шапки, пальто, положили на спинку дивана. А представитель КГБ даже шапку-ушанку с головы не снял! Сел к столу, как был, в пальто и шапке, и приказал: «На стол все паспорта!» Дали мы свои паспорта. Они посмотрели, что все мы из разных городов (хотя они и без того знали, кто здесь собрался, выследили нас).

Заместитель прокурора показал нам западный журнал «Посею», где было напечатано наше заявление в ООН. В общем, он довольно вежливо с нами разговаривал, хотя и обещал, что по три года нам дадут. В конце он сказал: «Бросьте вы все это! Зачем вам собираться? Разъезжайтесь по домам, чтоб до завтрашнего вечера никого в Москве не осталось!» Начальник милиции составил акт, переписал наши данные и хотел вернуть паспорта. Но представитель КГБ сгреб паспорта к себе в портфель и сказал: «Придете к 9 утра в милицию, и вы их получите!»

Все это растянулось далеко за полночь. Наконец они ушли, а мы стали думать, что теперь делать. Расходиться по другим квартирам, но как сохранить архив, который Лиза спрятала в спальне? Хотя обыска они на этот раз и не делали, не было гарантии, что утром не вернутся с обыском. С большим страхом разъехались мы на такси по разным квартирам, а на утро собрались в другом месте и продолжили совещание. Слава Богу, все закончилось благополучно!»

Количество узников росло, и соответственно увеличивался объем работы Совета родственников.

В доме у нас поселились молодые христианки Люся, Валя и Люба, исполнявшие при Совете родственников обязанности секретарей. Они посещали семьи узников по всей стране, участвовали в сборе информации о гонениях, отправляли телеграммы и чрезвычайные сообщения правительству.

Бабушка также поручала им подметить женским глазом нужды каждой многодетной семьи: не протекает ли крыша, есть ли у детей теплая одежда и обувь на зиму, запаслась ли семья картошкой и дровами до наступления холодов. В случае нужды Совет родственников старался оказать помощь[4]. На Рождество семьям узников отправляли посылки с орехами, сухофруктами, конфетами, чтобы хоть немного скрасить для детей Рождество без папы.

Братья в узах – все мы свыклись с этим,
Знаем, сколько узников в стране...
Но труднее и печальней детям
Привыкать к тому, что папы нет.
Узника в семье и ждут, и помнят:
Есть ли кто дороже и родней?
Правда, малыши с отцом знакомы
Только по портрету на стене.
Новыми судами год отмечен,
А в душе хозяйничает грусть —
От того, что вновь ребячьи плечи
Понесут с отцами тяжесть уз.

1 Совет родственников был организован в 1964 году, когда по всей стране прошли многочисленные аресты верующих. Он состоял из жен, матерей и близких родственников узников. В 1966 году, в связи с новой волной арестов, Совет родственников был реорганизован и дополнен женами и матерями вновь арестованных христиан.

2 Совет родственников поручил троим: Александре Козорезовой, Лидии Винс и Нине Якименковой ставить свои подписи под заявлениями правительству.

3 Поэтому дорогие для нас реликвии мы по частям отдавали на хранение в разные семьи, где возможность обыска была маловероятной. Но иногда те люди, почувствовав тревогу, решались уничтожить невосполнимые части нашего семейного архива.

4 Ежемесячное пособие на еду и ежедневные расходы каждая семья, в зависимости от количества детей, получала от поместной церкви.

8: У костра

В начале лета 1967 года учителя нашей воскресной школы объявили, что в августе мы отправимся в трехдневный поход. В те годы христианских детских лагерей и в помине не было, пионерские лагеря тоже были не для нас из-за того, что мы отказывались вступать в пионеры. Нам было уже по 13-14 лет, и вот впервые в жизни с палатками и рюкзаками мы собирались отправиться в поход. Как мы мечтали об этом! Представляли себе: разобьем лагерь где-то в лесу, будем печь картошку на костре, купаться в речке, а главное – целые дни вместе! Да еще ночи у костра – походная романтика…

Наконец, наступил долгожданный день. Наши воспитатели заранее выбрали место: в лесу, на реке Уж, в районе Чернобыля. С киевского автовокзала ехали на рейсовых автобусах. Детей было человек шестьдесят, от 10 до 15 лет, все одеты по-походному, с рюкзаками. С нами ехало человек десять взрослых – воспитатели и кое-кто из родителей. Часть взрослых выехала заранее на машине с палатками и походной кухней. Когда мы прибыли на место, палатки уже стояли и на костре что-то варилось.

Место, где разбили лагерь, было очень красивым, лес спускался прямо к воде. Нас распределили по палаткам. В дороге все очень проголодались и с нетерпением ждали ужина. Я попала в команду по

мытью посуды, и как только все поели, мы собрали ложки, миски, кастрюли и понесли на берег. А там оттирали грязную посуду песком, полоскали прямо в речке. Вечером все собрались у костра, много пели под гитару. Тишина летней ночи, звездное небо над головой – все это было так необычно для детей, привыкших к ярко освещенным улицам большого города.

После отбоя у костра остались только четверо дежурных. Их выбрали на первую половину ночи, потом заступала до утра вторая смена. В первую четверку я не попала, и пришлось покорно идти в палатку, ложиться спать, хотя так хотелось остаться у костра! Но разве уснешь в такую ночь в своем первом в жизни походе? Поворочавшись с полчаса, мы с Леной решили выбраться из палатки, чтоб хоть одним глазком посмотреть, что делают наши друзья.

У костра сидели Саша, Вова, Люда и Инна и вполголоса, чтобы не разбудить остальных, читали стихи. Наше появление они встретили радостным шепотом: «Идите к нам!» Лена колебалась: «А нам не влетит, если проснется кто-то из воспитателей?» Саша успокоил: «Вот еще! Вам с Наташей во вторую смену дежурить, так вы просто заранее заступили на свой пост». Долго уговаривать нас не пришлось, мы подсели к костру и тоже стали читать свои любимые стихи.

Незаметно с поэзии перешли на другие темы, завязался задушевный разговор о мечтах на будущее, выборе жизненного пути. Мы были близкими друзьями, нас объединяли общие интересы: оркестр, библейский разбор, поездки. В 13-14 лет многого ожидаешь от жизни. Хотелось заглянуть вперед: как сложатся наши судьбы? Вова предложил: «Давайте встретимся вот так, у костра, лет через десять, а потом через двадцать! И вообще, давайте не терять друг друга, как бы не разбросала жизнь».

Приближалась «смена караула», первой четверке пора было отправляться на отдых. Но спать никому не хотелось, и решили разбудить вторую смену и вместе остаться у костра до утра. Вова пошел будить Виктора, я – девочек. Витя сначала ничего не мог понять. «Почему нас так много?» – протирая заспанные глаза, спросил он. Саша пошутил: «Разве ты не понимаешь – так надежнее! Вдруг на лагерь нападут какие-нибудь бродяги?» Виктор рассмеялся. «Тиш-ш-

ше! – зашикали мы на него. – Взрослых разбудишь, и всех нас отправят спать».

Мы проговорили до рассвета. Часов в пять поднялись воспитатели, отправили нас спать. Никто не возражал: к тому времени глаза у всех уже сами закрывались. Заснули мы мгновенно, но через два часа был подъем. И начался еще один счастливый день в лесном лагере. Умылись у реки. Позавтракали. После завтрака – библейский урок и музыкальные занятия: разучивали новые песни. А потом, до самого обеда – время игр и купания в реке. После обеда все поудобнее расселись на траве, и Маша читала нам вслух книгу о жизни первых христиан «Катакомбы». У младших был в это время кружок рисования.

На ужин наши повара хотели сварить рисовую кашу с молоком, но молока не оказалось, да и хлеба тоже осталось мало. Решили послать несколько человек в ближайшее село за продуктами. Вызвалась пойти наша команда, человек пять. Взяли ведра для молока, сетки для хлеба, деньги и отправились. Но только молочной каши так и не пришлось в тот вечер поесть: по неопытности мы покупали молоко у разных хозяек и сливали вместе, не сообразив, что подои бывают утренние и вечерние, и если все смешать, молоко скиснет. Так и случилось, к великой досаде наших поваров. Но зато хлеб мы купили отличный, свежий, и этим отчасти загладили свою вину.

После ужина снова разложили большой костер, все собрались вокруг него. Много пели, рассказывали стихи, вместе молились. Для меня самым ярким впечатлением, навсегда оставившим след в памяти, было чувство дружеского плеча: нам отлично вместе, все мы – близкие друзья, и это на всю жизнь! Люда начала читать стих:

Вдохновенно, радостно и звонко
Лился над рекою наш напев!
Мне казалось, что и месяц тонкий,
Отражаясь в речке, тоже пел.

Лена шепнула: «Посмотри на звезды, на месяц..». Я подняла голову: в ночном небе ярко выделялись звезды, острым серпом повис молодой месяц. А Люда читала дальше, и знакомые строчки отражали наше общее настроение:

И стремленьем радостным объяты,
Мы стояли все плечо к плечу!
В этот миг, я знаю, брат за брата
Душу б отдал, не страшась ничуть.
А костер, зажженный всеми нами,
Лишь один горел в ночной тиши:
Рвалось вверх и звало к небу пламя,
И мы знали: там мы будем жить!

Во время очередной песни Танин отец неожиданно прервал пение. Все были поражены: что случилось? Он объяснил, что только что спускался к реке и заметил две лодки. Они медленно плыли вдоль берега и фонарями освещали кусты, что-то искали. Его это встревожило: не нас ли ищут, чтобы заявить в милицию о христианском детском лагере? Ради предосторожности он предложил больше не петь, а помолиться и тихо разойтись по палаткам. Дежурить в ту ночь остались взрослые, нас всех отправили спать.

На следующее утро поднялись рано. Новости были тревожные: ночью к дежурным у костра подходили незнакомые мужчины, расспрашивали, что это за лагерь. Назвали себя охотниками, хотя никакого охотничьего снаряжения с ними не было. Это очень настораживало, и взрослые решили сразу же после завтрака возвращаться в Киев. Быстро сняли и свернули палатки, собрали рюкзаки и часов в десять утра двинулись в путь – через лес к дороге, где останавливался автобус на Киев.

Еще до того, как мы вышли на дорогу, наперерез нам кинулись несколько милиционеров и мужчин в штатском. Преградив путь, стали спрашивать, кто мы такие и что здесь делаем. Наши воспитатели ответили, что мы ходили в поход и теперь возвращаемся на остановку киевского автобуса, чтобы ехать домой. Представители власти объявили, что мы задержаны. Возражать было бесполезно. Нас вывели на дорогу, где уже ждала аварийная машина с большим фургоном.

Работники милиции скомандовали, чтобы мы погрузили вещи и сами взобрались в фургон. Руководители нашей группы еще раз попытались объяснить, что у нас есть обратные билеты в Киев, но их никто не слушал. Милиция торопила нас, подталкивая к фургону. Скамеек в кузове не было, и мы сидели на палатках и рюкзаках. Было очень тесно. Отвезли нас в отделение милиции Чернобыля, ближайшего районного центра.

Еще в машине Наташа, воспитатель младшей группы, быстро сунула нам с Людой детские рисунки о сотворении мира, чтобы мы их порвали и незаметно выбросили. Мы понимали важность этого поручения: ответственность за поход лежит на наших воспитателях, их могут осудить на тюремный срок, если найдут подтверждения, что поход имел христианскую направленность. Детские рисунки религиозного содержания могли стать главной уликой. Не сумев выбросить рисунки по дороге, мы сунули их себе под куртки в надежде, что сделаем это позже.

Здание милиции оказалось небольшим, и нас разместили во дворе, окруженном кирпичным забором. По несколько человек стали забирать в кабинеты на допрос, а остальные, разложив прямо на земле рюкзаки, сидели на них в ожидании. Тем, которых вызвали на допрос, велели взять с собой личные вещи. Узнав, что их обыскивали, мы с Людой заволновались: что делать с рисунками? Во дворе милиции был туалет, и мы решили, что это единственный выход. Разорвав листы, выбросили их в корзинки с использованной бумагой и, убедившись, что они не заметны, вернулись к своим.

Обыскивали нас очень тщательно, даже палатки вынимали из чехлов, разворачивали, просматривали. Из каждого рюкзака вытряхивали содержимое. Всем, даже самым младшим, делали

личный обыск. Милиционер прошел в женский туалет, нашел обрывки детских рисунков и отнес в кабинет. Рисунки долго склеивали, а затем объявили нам:

«Вот они – улики, что у вас был христианский лагерь!» Продержали нас до вечера, а потом отвезли на станцию, посадили на автобусы до Киева. Домой все добрались после полуночи. Так окончился наш первый поход. На Машу, которую посчитали руководителем, завели уголовное дело, и ей пришлось уехать в другой город, чтобы избежать ареста.

Сложные чувства владели нами, подростками, по отношению к гонителям. Мы росли в условиях полного бесправия: на наших глазах разгоняли мирные собрания верующих, арестовывали и судили, как преступников, близких нам людей, которых мы уважали. Когда мы были поменьше, нам просто становилось страшно, если в собрании вдруг появлялись люди в милицейских фуражках и верующих начинали избивать, тащить в машины. Но мы взрослели, и реакция на любые проявления несправедливости становилась острее, болезненней.

На тюремном дворе в Чернобыле мы пытались что-то доказать работникам милиции, засыпали их вопросами: на каком основании детям из христианских семей все запрещается? Почему нам нельзя даже в поход пойти с палатками и рюкзаками? С горячностью мы отстаивали свои права, и в разгар спора с милицией даже грубые слова срывались. Это тревожило учителей воскресной школы: они проводили с нами беседы об отношении к гонителям, давали задания исследовать в Новом Завете и написать сочинение о том, как Христос, апостол Павел и первоапостольская церковь относились к врагам Евангелия.

Мне особенно запала в память проповедь нашего пресвитера Ефима Тимофеевича Коваленко о том, как Христос, умирая на кресте, молился о Своих мучителях: «Отче, прости им, ибо не знают, что делают!» Сильное впечатление производили рассказы папы о жестоких действиях со стороны конвоиров, замполита, начальника лагеря, и его отношение к этим людям:

Гонители, я вас не проклинаю.
Но в трудный час, под тяжестью креста,
За вас молюсь и вас благословляю
Простою человечностью Христа.
Я чист пред вами: словами и делами
Я вас к добру и свету призывал.
И так желал, чтоб вашими сердцами
Владел любви бессмертный идеал.
Но добрые призывы отвергая,
Вы отвечали лютою враждой;
Гонители, я вас не проклинаю,
Но опечален вашею судьбой…

9: Пешком по шпалам

В октябре 1967 года мы с бабушкой поехали на свидание с папой в лагерь «Анюша», куда его перевели летом из «Чепечанки». Поезд из Москвы прибыл в уральский городок Кизел поздно ночью. До утра мы просидели на вокзале и первым же автобусом уехали в поселок Талый. От Талого на север лежала непроходимая тайга, дорог до лагеря не было, добраться можно было только по узкоколейке на дрезине (небольшой мотовоз, к которому цеплялось несколько открытых платформ).

Поселок Талый небольшой, всего несколько улиц. Шел мелкий холодный дождь, на немощеных улицах стояла непролазная грязь, нагонял тоску вид набрякших от дождя бревенчатых изб с подслеповатыми окошками. Люди на улицах резко отличались от жителей Киева: и мужчины, и женщины в кирзовых сапогах, телогрейках, у женщин на головах клетчатые теплые платки, у мужчин – фуражки. Лица неприветливые, угрюмые. Вся эта хмурость навевала такую тоску!.. Хотелось поскорей вернуться домой, где в день нашего отъезда солнце золотило каштаны, а вечером Крещатик был залит огнями фонарей и светящихся окон.

Единственная мысль, согревавшая сердце: впереди свидание с папой. Может, даже сегодня! Заходим в чайную расспросить, как

пройти к станции узкоколейки. Нам объясняют, что это в конце поселка. Наконец, находим деревянную будку ожидания – это и есть «станция». Там укрылись от дождя человек пять пассажиров. На вопрос бабушки, где можно узнать расписание, нам объяснили, что никакого расписания нет, нужно просто сидеть в будке и ждать дрезину: иногда час-два, а бывает, что и сутки.

Мы прождали в будке полдня. Вещей у нас много: валенки, теплая одежда для папы (в надежде, что сможем ему все это передать – зимы на Урале суровые). Еще продукты для передачи: сало, сухая колбаса, консервы. А также хлеб, сыр, яблоки, чтобы покормить его во время свидания, если разрешит офицер охраны. Да свои вещи на неделю в дороге: вот и набралось багажа – чемодан, рюкзак и большая сумка.

Когда наконец подошла дрезина, мы погрузили вещи на открытую платформу, я с трудом выкарабкалась на нее, а бабушку пришлось подсадить мужчинам, ожидавшим с нами дрезину. Ехали мы через тайгу больше часа, дул холодный ветер, хлестал дождь, мы ужасно замерзли. Наконец, подъехали к поселку Анюша, стоявшему прямо в тайге, и увидели огражденный высоким забором лагерь, два-три барака для солдат конвоя и несколько домиков, где жили офицеры охраны с семьями.

Высаживались на Анюше только мы с бабушкой. Один из попутчиков помог сгрузить на землю багаж, дрезина ушла, а мы остались на насыпи, озираясь вокруг в поисках хоть какого-то укрытия от дождя. На пригорке, в нескольких шагах, заметили небольшую бревенчатую избушку. Постучались, но ответа не последовало. Дверь оказалась незапертой, и мы вошли, догадавшись, что это место ожидания для родственников, приехавших на свидание в лагерь.

Избушка состояла из одной комнаты с печкой. У стен стояли несколько лавок и железная кровать с грязным матрасом, посредине – длинный деревянный стол. В печке горели дрова, было сухо и тепло. Я сняла промокшее пальто и разложила сушить. Бабушка оставила меня сторожить вещи, а сама пошла в штаб узнать, когда мы сможем получить свидание. Вернулась она через час очень расстроенная. Начальник лагеря в свидании отказал, сославшись на то, что у Винса

нарушение режима: при обыске нашли тетрадь с выдержками из Библии.

Бабушка просила его не отказывать в свидании, рассказала, что мы больше трех суток добирались сюда с Украины. Но начальник остался непреклонным и разговаривал с ней очень грубо. Что нам теперь делать, где искать помощи? В молитве предав все в руки Божьи, мы решили переночевать в домике, а наутро опять пойти к начальнику лагеря: может, он к тому времени смягчится и разрешит свидание.

Начинало темнеть, когда из тайги потянулись колонны заключенных: бригады возвращались в лагерь после рабочего дня на лесоповале. Каждую бригаду вели охранники с автоматами и сторожевыми овчарками. Мы вышли на крыльцо домика в надежде увидеть папу. Но разглядеть его нам так и не удалось: заключенные, все в одинаковых черных телогрейках и арестантских кепках, сливались в общую бесцветную массу. Больше часа мы стояли на крыльце и всматривались, пока последняя колонна не скрылась за высоким лагерным забором.

Вечером в избушку пришел дежурный проверить печку и подбросить дров. Это был расконвоированный заключенный[5], парнишка лет 19. Бабушка предложила ему что-то из еды, и он с готовностью взял. Оказалось, что он из одного барака с папой и хорошо его знает. Мы попросили передать папе немного продуктов и сказать, что мы приехали, но свидания нам не дают. Паренек согласился.

Спать мы легли на узкой железной кровати, подложили под головы кофты, укрылись просохшими у печки пальто. Кровать была такой узкой, что нельзя было даже повернуться на другой бок. Ночью на нас с потолка стали падать клопы. Так что спали мы только урывками, встали рано и опять стояли на крыльце, пока заключенных выводили из ворот лагеря на работу в тайгу.

К 9 утра бабушка пошла в штаб на прием к начальнику. Вернулась она скоро – он разговаривал с ней в этот раз более человечно, но разрешения на свидание все же не дал, сославшись на то, что решить этот вопрос могут только в управлении. Нужно было возвращаться в Талый. Но что делать с вещами? Снова тащить за собой всю эту

тяжесть? А оставить здесь без надзора – нет гарантии, что вещи уцелеют до нашего возвращения. Да и станем ли мы возвращаться, если начальник управления не подпишет разрешения на свидание?

У бабушки, в довершение ко всему, ночью «разыгрался» радикулит (скорее всего, ее просквозило на дрезине, когда мы ехали на ветру в мокрой одежде), она с трудом могла ходить. Значит, нести все вещи придется мне одной. И мы решили оставить в домике часть вещей, взяв с собой только самое ценное. Но и этого набралось полный рюкзак и большая сумка. Чемодан с оставшимися вещами мы задвинули под кровать и вышли на улицу ждать дрезину. К счастью, дождь перестал, даже солнце проглядывало сквозь тучи.

На насыпи, кроме нас, дрезину ожидали еще два офицера из лагеря. Простояв больше часа, они решили идти пешком до развилки: там основная магистраль узкоколейки, ходит больше дрезин, и любая попутная подберет до Талого. «Отсюда до развилки километров пять. С насыпи узкоколейки лучше не сходить, кругом болото», – предупредил один из них, и они зашагали по шпалам в сторону развилки.

Но нам пуститься в путь было не так просто, как этим здоровым сорокалетним мужчинам. Сначала я нашла для бабушки крепкую палку, на которую она могла бы опираться. Потом она помогла мне взвалить на плечи рюкзак, на земле еще стояла большая сумка. Бабушка горестно посмотрела на меня: «И как только ты все это будешь тащить пять километров по шпалам? Ведь тебе только четырнадцать, силы еще детские. Не знаю, дойдем ли до развилки...» Но выбора не было, мы помолились и медленно побрели по шпалам.

Шли мы около часа, когда за спиной вдруг раздался свисток мотовоза. Мы отступили в сторону и стали отчаянно махать, чтобы машинист остановился. Но он и сам уже сбавлял ход. Оказалось, что дрезина шла до Талого. Платформы были загружены бревнами, и машинист предложил нам взобраться к нему в мотовоз. Мы были счастливы, что Господь так неожиданно послал транспорт. В Талом я осталась с вещами в деревянной будке вокзальчика, а бабушка, опираясь на палку, пошла искать управление лагерей. Начальник управления сжалился над ней и подписал разрешение на свидание.

Счастливая, вернулась она к будке, где я ждала, и мы стали молиться, чтобы поскорей пришла обратная дрезина.

Уже стемнело, когда мы снова стояли у ворот лагеря. Так как разрешение на свидание было подписано самим начальником управления, нас без промедления впустили на вахту, обыскали и ввели в комнату для свиданий. За столом сидел дежурный офицер. Он вежливо поздоровался и пояснил, что будет присутствовать при нашей встрече. Охранник ввел папу. Выглядел он уставшим, осунувшимся, но в глазах светилась радость: свидание нам все-таки разрешили!

Офицер предупредил, чтобы в разговорах мы не касались условий содержания в колонии. Бабушка тут же спросила, нельзя ли покормить сына: в сумке у нее есть немного домашней еды. И хотя по правилам на общем свидании это не полагалось, офицер в виде исключения разрешил. Два часа пролетели быстро, папе о многом хотелось узнать: все домашние новости и, конечно, о друзьях, о церкви. К сожалению, не о всем можно было говорить в присутствии постороннего человека – офицер ни на минуту не оставлял нас одних.

Неожиданно быстро он объявил, что время свидания истекло – пора прощаться. Бабушка заплакала. Нам разрешили вместе помолиться, и папу увели в зону. А мы, дождавшись утра, пустились в многодневный обратный путь. В поезде по дороге в Москву бабушка написала папе о том, что не успела сказать при свидании:

«Дорогой Георгий, посылаю тебе свое материнское благословение!

Посещение тебя, вместе с радостью лично увидеться и поговорить, оставило тяжелый след в моем сердце. Вид этих падших юных преступников переполняет душу жалостью к ним. Думаю, что Тому, Кто сотворил человека по образу и подобию Своему, еще больнее видеть все это. В сердце звучат слова Христа: «Вы дайте им есть!» На протяжении жизни я не раз видела, как искривленные злобой лица становились человеческими от доброго слова. Пробудить человека в зверином образе падшего – какая великая задача.

Я знаю, как трудно тебе день и ночь быть в подобном окружении, и поэтому сердце мое в глубокой печали. Теперь и ты «к злодеям причтен». Кто может измерить глубину страдания матери? Но Господь знает путь наш. «Мои мысли – не ваши мысли, ни ваши пути – пути Мои, говорит Господь. Но, как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших» (Ис. 55:8-9). Доверие этому успокаивает душу.

Твоя мама».

Ответ от папы пришел с большой задержкой, только в конце ноября. Он обрадовал бабушку новым стихотворением:

Я хотел бы тебя обнять,

Посмотреть в твои добрые очи,

Задушевное слово сказать,

Чтоб рассеялся сумрак ночи.

Материнское сердце твое

Успокоить своим возвращеньем,

И поплакать о папе вдвоем,

Перенесшем за веру мученье.

... Все дороги пурга замела,

И свобода лишь снится ночами;

Только вера, как прежде светла –

Укрепляется в Боге с годами!

5 Он жил в лагере, но по работе мог выходить за пределы зоны.

10: Вера в узах

Из нашей киевской церкви был арестован в 1966 году не только один папа. В тот год были лишены свободы одиннадцать человек: наш пресвитер Василий Николаевич Журило, проповедники Павел Оверчук, Василий Кирилко, Николай Величко, Василий Козачук, Иван Коптило, Станислав Лунченко, Григорий Мегедь и 70-летний Андрей Тимофеевич Кечик. Арестовали и Веру Шупортяк, одну из учительниц детской воскресной школы. Вере было 19 лет.

Многодетным семьям узников церковь оказывала ежемесячную помощь. Каждый раз, когда семья возвращалась с очередного свидания, жену узника просили рассказать, как чувствует себя муж, какие у него нужды, что он просил передать церкви. После этого совершалась особая молитва о нем и об остальных узниках. После собрания многие подходили с вопросами: «Как там папа? Есть ли письма? Что слышно от него?» Участие друзей согревало: мы чувствовали, что не одиноки в своем горе, церковь была нашей большой семьей.

В ноябре 1968 года, отсидев два с половиной года в мордовских лагерях, освободилась Вера Шупортяк. Ее возвращение стало праздником для всей церкви. В первое же воскресенье Вера поблагодарила за молитвы, за заботу о ней, за поддержку, оказанную в

эти годы ее маме (кроме мамы, у Веры больше не было родных). По случаю освобождения Веры молодежь устроила особый вечер. Нам уже было по 15-16 лет, Вера, когда ее арестовали, была не намного старше, и теперь мы хотели расспросить ее о жизни в лагере, о том, что она чувствовала, оказавшись в 19 лет в тюремной камере. Этот молодежный вечер запомнился надолго.

Арестовали Веру 17 мая 1966 года при разгоне делегации верующих, съехавшихся в Москву для встречи с правительством[6]. Вера рассказывала: «Из Киева нас ехало несколько человек. Утром 16 мая поезд прибыл в Москву. На вокзале делегатов из разных городов встречали друзья и направляли к приемной ЦК КПСС. Там за какие-то полчаса нас собралось более 400 человек. К нам вышел начальник приемной Строганов и объявил, что встречи с Брежневым нам не дадут.

Меня в самом начале попросили записывать ход событий, и я стала делать короткие записи в блокноте. Когда на следующий день делегация была зверски избита работниками милиции и КГБ и все мы арестованы[7], мой блокнот нашли. Обыскивавший меня работник КГБ сказал: «Ну, других улик и не требуется! Достаточно, чтобы дать срок». И меня отвели в камеру.

Нас было шестеро в женской камере, все участницы делегации. Мы молились вместе, делились впечатлениями прошедших двух дней. На следующий день троих освободили, в камере остались только я, Мария Якименкова и Лидия Говорун. 21 мая меня вызвали на первый допрос и объявили, что я нахожусь под следствием, готовится суд».

Мы слушали, затаив дыхание. Виктор спросил:

«Вера, а что ты чувствовала, оказавшись в камере? О чем думала, что тебе вспоминалось?»

Вера улыбнулась: «Ой, друзья, если все оттенки передать, то мы до утра здесь будем сидеть! Так что я постараюсь коротко, только о главном. Впечатлений в первые дни было, конечно, много. Ведет меня конвоир на допрос, а для меня все так ново, правил я еще не знаю. Оказывается, в Лефортово очень строго все. Конвоир был татарин, маленький и сердитый. И вот ведет он меня по коридорам тюрьмы, а я

решила заглянуть в глазок одной из дверей (я знала, что много друзей из нашей делегации в разных камерах сидят). Конвоир как закричит на меня: «Да ты что! Не понимаешь, где находишься?» Я испугалась, стала оправдываться, что еще не знаю, что здесь можно, а чего нельзя. Я в тюрьме очень побоев боялась – меня в жизни никто не бил, и жутко было даже представить себе это.

Во время следствия я в основном одна была в камере, иногда только подсаживали напарницу. Тюрьма старинная, стены толстые, обстановка гнетущая. Но на меня это особенно не действовало. Я много читала: в Лефортове сохранилась еще с царских времен замечательная библиотека. Отечественная и зарубежная классика, книги старых изданий, без советской переработки. Нам в камеру раз в две недели приносили списки книг, и можно было выбирать. Много ценного я за время следствия прочитала. Одним словом, одиночество меня не угнетало. Я только о маме очень переживала, зная, как она волнуется за меня.

Суд состоялся в августе, меня обвиняли в том, что я участвовала в делегации как корреспондент, вела записи и, вообще, проявляла заметную активность. Все это они свели к нарушению законодательства о религиозных культах и осудили на два с половиной года. Мама была на суде, ей успели сообщить, и еще две подруги из Киева приехали – Маша и Лена.

А вообще тюрьма хорошая школа жизни. Но словами этого не передашь, нужно пережить. Там – как иной мир, все воспринимается по-другому: души людские, жизненные ценности. Если я и раньше любила классическую музыку, то в лагере, когда слушала, просто душой отдыхала. Там быстрее взрослеешь, более мужественным становишься. Мне всего 19 было, когда меня посадили, но, пробыв там какое-то время, я почувствовала себя более опытной, лучше знающей жизнь».

Инна спросила: «Вера, а что самым трудным было в тюрьме и в лагере?»

Вера немного помолчала, потом в раздумье сказала: «Разные были моменты, но стоит ли этого касаться? А впрочем, один случай расскажу. Самое ужасное в тюремной жизни – это, конечно, этап.

Зэковские вагоны, пересыльные камеры и все прочее. И вот во время этапа привезли нас на пересылку в Потьму, в край традиционных мордовских лагерей. Со мной ехала Люся из Орла, она тоже в делегации была, ей дали срок и направили в тот же лагерь, что и меня.

У поезда этап встречали «воронки», привезли нас в пересыльную тюрьму. А тюрьма в Потьме старая, грязь ужасная, камера забита до отказа, места нам с Люсей достались у самой параши. Было поздно, мы помолились и легли на нары. А там одна женщина, пожилая уже, горбунья, взад и вперед ходит в нашем углу камеры, причитает и всю жизнь свою рассказывает. Она сидела уже в 14 раз: выйдет на волю, не может нигде устроиться, что-то украдет – и опять тюрьма.

А я, видимо, от обстановки этой, от напряжения этапа, лежу и чувствую, что у меня комок в горле, я с трудом сдерживаю рыдания. И не хочу позволить себе заплакать, чтоб Люсю не расстроить, а оказывается, у Люси такое же было состояние. Я не выдержала первая, расплакалась, тут и Люся перестала сдерживаться. Я, наверное, целый час не могла успокоиться, это был как нервный срыв.

Женщины вокруг встревожились: «Молоденьких таких бросают в эти камеры! И за что – в Бога они верят, подумаешь, преступление какое! Успокойтесь, девочки. И в лагере не пропадете». Мы с Люсей стали шепотом напоминать друг другу слова из Священного Писания: «Да не смущается сердце ваше! Веруйте в Бога и в Меня веруйте. В доме Отца Моего обителей много... (Иоан. 14:1-2). «Ибо только Я знаю намерения, какие имею о вас, говорит Господь, намерения во благо, а не на зло, чтобы дать вам будущность и надежду! (Иер. 29:11)».

Со всех сторон Веру засыпали вопросами, но общение и так уже затянулось, пора было расходиться. Вера согласилась ответить еще на один, последний вопрос, который задал Саша: «Вера, правда ли, что жизнь в лагере – сплошные трудности, одни серые будни? Можешь ли ты вспомнить хоть что-то светлое, поэтичное?»

Вера улыбнулась: «Много было светлого. Но особенно врезалась в память одна морозная ночь, когда уже после отбоя в барак вошли солдаты охраны и приказали всем немедленно одеться и выйти во двор. Оказывается, прибыли вагоны с углем и их срочно, до утра,

нужно было разгрузить. Женщины стали протестовать: все устали после долгого рабочего дня, и тут вдруг – неожиданная ночная смена! Но заключенный не волен над собой, мы вынуждены были подчиниться.

Работа оказалась тяжелой: стоял страшный мороз, брикеты угля смерзлись, их приходилось отдирать руками. Так мы работали несколько часов. Но всему рано или поздно приходит конец, закончилась и разгрузка угля. Где-то под утро нас отпустили в барак для короткого отдыха перед рабочим днем. Ныли руки, спина, я взобралась на верхние нары, укрылась одеялом. Моя подушка лежала у окна, за окном стояло дерево и фонарь. Взгляд мой упал на покрытую инеем веточку, которая тянулась к окну. Мне показалось даже, что она скребется в стекло. Для меня это было, как Божья улыбка. Я ощутила Его близость, заботу и спокойно уснула до подъема».

Я в тот вечер вопросов Вере не задавала, сидела в дальнем уголке и только слушала, сопоставляя с тем, что творилось у меня на душе. Я переживала сложный период: появились сомнения в подлинности христианской веры. В нашу школу за два года до этого пришла новая учительница – комсомолка, только что окончившая университет. Узнав от других учителей, что в седьмом классе учится «сектантка», она захотела попробовать свои силы и попытаться перевоспитать меня. Ее назначили нашим классным руководителем.

Методы, избранные новой учительницей, отличались от тех, которые применяли ко мне прежде. Шеля Абрамовна ни разу не выставила меня на посмешище перед классом, не пыталась унизить. Всеми путями стараясь вызвать дружеское расположение, она стала беседовать со мной – во время больших перемен просто у окна в коридоре, не вызывая куда-то в кабинет.

Узнав, что мой любимый предмет – литература – и я очень люблю читать, она говорила со мной о книгах, о писателях, о любимых героях в произведениях Паустовского, Александра Грина, Экзюпери. Мне интересно было услышать ее мнение, высказать свое, в чем-то согласиться, а о чем-то и поспорить. Меня приятно удивляла ее

тактичность: вопросов религии, веры в Бога она не касалась (другие учителя, в беседах со мной только об этом и говорили).

Постепенно Шеля Абрамовна стала близким мне человеком, я дорожила ее мнением, мне необходимы стали наши разговоры на переменах. Видимо, почувствовав это, она стала действовать решительнее и как-то завела разговор о моем отношении к Оводу и священнику Монтанелли из книги Войнич. Этой книгой я тогда зачитывалась: Оводом восхищалась за его мужество и преданность своим идеям, Монтанелли мне было просто по-человечески жаль – особенно в кульминационный момент, когда от него требовали подписать смертный приговор сыну. Шеля Абрамовна, резко осудив священника Монтанелли, стала открыто говорить о вреде религии.

В результате я замкнулась в себе, стала избегать ее. Но Шеля Абрамовна настойчиво проявляла инициативу, беседы наши продолжались. Она приводила все новые и новые аргументы, что Библия давно устарела, в ней полно ошибок, это доказано наукой. «Пойми, Наташа, христианство – это удел слабых, бесхребетных личностей! – говорила она. – К вере тянутся только те, кто лишен чувства собственного достоинства, не в состоянии бороться с ударами судьбы. Такие люди хотят взвалить все свои жизненные трудности на Бога, для них Бог как подпорка, как костыль для безногого!»

Приводила она и другие аргументы: «Ты подумай, какое тебя ожидает будущее, если ты не откажешься от религии? Сможешь ли ты получить высшее образование? Сомневаюсь! Это был серьезный просчет, что твоим родителям с их взглядами удалось получить дипломы советских вузов. Сегодня подобное не пройдет! Ты лишаешь себя возможности иметь интересную творческую профессию! Ради чего калечить себе жизнь?!»

Я много думала обо всем этом. Наступила внутренняя раздвоенность: хотя в душе я отчасти соглашалась с Шелей Абрамовной, но во время бесед с ней всегда отстаивала верующих, идеи христианства. Мне дорог был папа, несправедливо лишенный свободы и отправленный в лагерь на Северный Урал. Слишком живы были в памяти злорадные возгласы представителей власти, когда при обыске они находили спрятанное Евангелие; их жестокость при разгоне наших

собраний. Я понимала, что открыто согласиться с учительницей в ее нападках на христиан значило встать на сторону гонителей, бросить и свой камень в близких, а этого я не могла.

Но, с другой стороны, вескими казались причины, удерживавшие меня от решения избрать христианский путь. Я любила уроки литературы, у нас была замечательная учительница, увлеченно преподававшая свой предмет. Лариса Исааковна учила нас мыслить, анализировать художественные произведения, давала оригинальные темы для сочинений. Таня Савенкова, с которой мы много лет сидели за одной партой, тоже увлекалась литературой. Она собиралась поступать в институт культуры на факультет переводчиков зарубежной литературы[8]. Таня рассказывала об интересных возможностях, которые откроет перед ней эта профессия.

Все это очень привлекало меня, но я знала, что, если стану членом церкви, возможность учиться после школы для меня закрыта. Мои родители, будучи верующими, смогли получить высшее образование, но это было в первые годы после войны, когда стране нужны были специалисты. Теперь другие времена: я знала много случаев, когда даже поступивших в институт верующих молодых людей отчисляли, если они не соглашались вступить в комсомол. Обдумывая все это, я приходила к выводу, что не готова жертвовать своими мечтами о будущем. Это казалось мне слишком высокой ценой.

6 В 60-е годы по всей стране усилились гонения, и каждая церковь выделила по несколько человек, которые 16 мая съехались в Москву и вышли к приемной ЦК КПСС. Они просили встречи с главой государства. Целью делегации было передать Л.И. Брежневу документы о многочисленных фактах преследования верующих и выяснить, носят ли гонения целенаправленный характер или являются произволом местных властей. Делегация также просила создать правительственную комиссию для расследования фактов конфискации религиозной литературы, разгонов богослужений, арестов и других видов гонений на верующих.

7 На площадь, где стояла делегация верующих, подогнали автобусы, и работники милиции и дружинники стали тащить всех в автобусы, при этом безжалостно избивая.

8 Мы учились в школе с углубленным изучением английского языка.

11: Освобождение

Наступил новый 1969 год – год папиного освобождения. Срок его заканчивался 19 мая. Я училась уже в девятом классе, Петя – в шестом, Лиза – в первом, а маленькой Жене было почти четыре года. В новогоднем письме папа в стихах поздравил свою младшую дочку:

С Новым годом, крошка –
Женечка-дружок!
Подожди немножко:
Папа кончит срок...
Солнышком весенним
Расцветает май –
С радостью и пеньем
Папочку встречай!

Бабушка описывала в одном из писем папе, чем живет наша семья в последние месяцы перед его возвращением домой.

«15 февраля 1969 г. Погода у нас стоит странная, зима эта очень холодная и снежная. Как-то уныло, ведь уже должно пахнуть весной, а всё метет, ветер гудит… Мы все молимся о тебе, дети ждут твоего возвращения. Больше всех, как всегда, Женя. Она очень повзрослела, ей уже почти четыре. Обаятельная и очень неприхотливая. Самостоятельная. С ней легко: целый день лепечет, а глаза живые и всегда веселые. Поток радости изливается от нее. То она вдруг говорит: «Что, еще папа не пришел? Ну вот, через пять минут он придет, смотрите все на часы!» То рассказывает утром, что ты ей снился, а больше всего любит вспоминать, как на свидании она поборола тебя.

Пишу тебе, когда все уже спят. Да благословит тебя Бог, крепись и мужайся. Сообщаю, что Пасха будет 13 апреля. Вчера выслали тебе продуктовую посылку. Все друзья передают привет.

Крепко целую, твоя мама».

А когда и на Северном Урале наконец наступила весна, папа, наблюдая за тем, как возвращаются с юга птицы и приступают к устройству гнезд, написал для Лизы и Жени:

Нелегко без рук, без топоренка
Выстроить для птенчика избенку!
Клювом строит домик мастерица –
Маленькая серенькая птица.
Нежною травою наполняет,
Перышками, пухом устилает.
И несутся радостные трели
У порога птичьей колыбели.
Дочка! Если встретишь ты весною
Гнездышко, прикрытое травою,

Где сидит притихнувшая птичка,

Согревая хрупкое яичко,

Отойди! Не трогай!

В птичье счастье

Не вноси страданье и ненастье!

Жизнь люби, цени, оберегая

Птичек и зверят родного края.

Красота земли – птичье пенье –

Божией премудрости творенье!

Мама поехала на Урал встречать папу, повезла «вольную» одежду, деньги на билет домой. За три года заключения у папы собрался небольшой тюремный архив. Он состоял из писем от семьи и друзей и нескольких тетрадей в виде дневников с его новыми стихотворениями, размышлениями над местами из Библии, выписками из книг и журналов. Он хотел пронести свои записи на волю и много молился об этом, зная, что в день освобождения его основательно обыщут на вахте и записи, скорее всего, конфискуют.

Мама приехала в поселок Анюша 18 мая, за день до конца срока. Через расконвоированного заключенного она передала папе записку, что переночует в домике ожидания у насыпи и к 9 утра подойдет к воротам лагеря, чтобы встретить его (ей сказали в штабе, что он будет освобожден после 9, когда выйдет на работу замполит). Прочитав записку, папа понял, что опасения его обоснованны: замполит хочет лично обыскать его перед освобождением.

Тогда у него созрел план. Фактически срок заканчивается по истечении суток, в полночь. Он решил с вечера собрать вещи и в первые же минуты после 12 ночи пройти на вахту. А там попытаться убедить дежурного офицера, что с наступлением новых суток он – свободный человек и хотел бы сразу же выйти на волю. Заснуть в ту ночь он так и не смог: лежал и молился о Божьей охране своего архива.

В полночь с небольшой котомкой личных вещей он пошел на вахту. Сердце учащенно билось: сработает ли его план?

Солдату охраны на вахте папа сказал, что хочет видеть дежурного офицера. Оказалось, что в ту ночь дежурил очень расположенный к нему офицер, с которым он несколько раз беседовал о Боге. Папа сказал ему: «Гражданин начальник, пять минут назад окончился мой срок. И я хотел бы прямо сейчас выйти на свободу!» Офицер с готовностью ответил: «Хорошо, Винс! Сейчас проверим ваше личное дело». Он снял с полки соответствующую папку, проверил данные, улыбнулся: «Да, это так. Поздравляю с освобождением!» Он пожал папе руку, вручил справку об освобождении и провел к воротам лагеря.

Ворота открылись, и папа ступил в ночь. В первые минуты он шел, не разбирая дороги, только бы подальше от лагеря! Он прижимал к груди свои драгоценные записи, которые с Божьей помощью сумел сохранить. Постепенно глаза привыкли к темноте, и он пошел в сторону избушки, где ночевала мама. Когда он постучал в дверь, мама сначала испугалась, но, узнав его, обрадовалась, включила свет, поставила греться чайник. Папа рассказал, каким образом ему удалось освободиться до наступления утра. Они помолились и стали собираться, чтобы уехать с первой же дрезиной.

Из Талого родители дали в Киев телеграмму: «Освободился, едем домой». Приехали они через неделю (по дороге посетили церкви в Кизеле и Перми). Дома все радовались встрече. На первом же собрании в лесу папа проповедовал. А после собрания друзья достали из сумок бутерброды, домашние пироги, чай в термосах, разложили все это на расстеленных газетах, и начался церковный обед[9].

Папу попросили рассказать о пережитом, и эта часть общения растянулась на несколько часов.

С возвращением папы домашняя жизнь пошла в новом ключе. Позади остались поездки на свидания, ожидание писем, постоянная тревога о нем. Оживились малыши: папа наконец-то дома! Он играл с ними, рассказывал разные истории, настоящим событием стала экскурсия на целый день в зоопарк. Особенно радовался папиному возвращению Петя: ему было уже 13 лет, он очень тянулся к отцу.

Когда папе пришлось расстаться с семьей, мне было 10, Пете – 7, мы были еще детьми. Прошло шесть лет, папа вернулся домой, и теперь ему важно было установить близкие, доверительные отношения с повзрослевшими детьми, понять, чем мы живем, какие у нас интересы.

Как-то вечером папа спросил меня:

– Ты перешла в 10 класс, через год окончишь школу – а дальше что? Думаешь поступать учиться? Тебе всегда нравилась медицина.

– Не знаю даже, что и сказать. Конечно, медицина мне по душе, но не хочется терять английский – не напрасно же я его десять лет учила. Хотелось бы заниматься переводами литературы, есть такой факультет в институте культуры.

– Да, но тебе, как христианке, не дадут работать по этому профилю. Да и высшее образование получить вряд ли позволят.

– Папа, я давно уже хотела с тобой об этом поговорить, но просто не решалась. Не хотела омрачать твоих первых дней дома...

– О чем ты, Наташа? Говори откровенно. Я твой отец, я люблю тебя, и мне важно знать, что у тебя на душе.

– Папа, я не хотела бы тебя шокировать, но христианский путь – это твой, мамин, бабушкин, но пока еще не мой. И не уверена, станет ли... Понимаешь, у меня много сомнений в подлинности христианства. И еще: стоит ли лишать себя возможности учебы, интересной творческой профессии? Ты сам знаешь, что для верующих у нас в стране все пути закрыты.

– Наташа, вопрос о твоей будущей профессии, конечно, важен, но это не так существенно, как вопрос твоих отношений с Богом. Что привело тебя к этим сомнениям, дочка?

– У меня в школе есть учительница, которую я очень уважаю. Беседы с ней заставили меня о многом задуматься, сделать переоценку того, что я принимала на веру, воспитываясь в христианской семье. Например, мне нечем опровергнуть аргументы Шели Абрамовны, что Библия давно устарела, в ней много ошибок. И вообще христианство – удел слабых, кто не в состоянии сам бороться с ударами судьбы.

Я остановилась, понимая, что и так слишком много уже сказала. Больше всего я боялась, что папу ужаснут мои сомнения (поэтому я до сих пор никому еще в них не признавалась). Но его реакция была очень спокойной, он с готовностью предложил:

– Хорошо, давай разберемся, действительно ли это так. Верующие, которых ты с детства хорошо знаешь, имеют мужество отстаивать свои убеждения, идти против течения в атеистическом государстве. В отместку за это нас лишают многих привилегий, а подчас – свободы и даже жизни. Верность Богу любой ценой – это ты называешь уделом слабых?

Мне нечего было возразить. Но у меня оставались и другие существенные вопросы. Папа готов был все выслушать, помочь мне в них разобраться.

– Допустим, христианство действительно нельзя назвать уделом слабых. Но скажи, папа, почему ты веришь? Так тебя воспитала бабушка, и ты по инерции воспринял веру своих родителей? И тебе все равно, что для большинства людей вера – это миф, сказка? Почему Христос для тебя – самое главное в жизни? Неужели верующие умнее всех остальных – например, писателей, ученых?

– Наташа, я глубоко убежден, что Бог есть! У вселенной есть Творец, и множество научных доводов подтверждают это. Но сейчас давай поговорим о другом. Тебя интересует, что дорого мне в личности Иисуса Христа? Очень многое, дочка. В годы заключения, в самые трудные моменты, когда смерть смотрела в глаза, я с особой остротой почувствовал, какой дорогой ценой досталось Иисусу наше спасение. Когда после изнурительного рабочего дня на лесоповале конвой вел нас семь километров через заснеженную тайгу, – то подчас не было сил даже следующего шага сделать. А у меня, вдобавок ко всему, еще грыжа была двухсторонняя, боли невыносимые при каждом шаге. И лишь молитвенный вопль вырывался из души: «Господи, помоги! Дай сил не упасть!» В такие моменты я мысленно видел Иисуса, падающего под гнетом креста по дороге на Голгофу. Никогда еще с такой силой я не осознавал тяжести Его подвига ради нашего спасения. Пойми, дочка, Господь для меня дороже жизни!

Знаешь, что еще крайне трудно переносится в тюрьме и в лагере? Постоянно, день за днем, месяц за месяцем, 24 часа в сутки ты находишься в окружении людей. Невозможно ни на миг остаться наедине со своими мыслями, переживаниями. В лагерном бараке набито несколько десятков заключенных, которые сквернословят, играют в карты, ссорятся, бесконечно курят. И подчас так хотелось спрятаться от всего этого, побыть одному, особенно когда тяжело на душе или когда болен.

И я думал в такие минуты: даже раненые животные уползают подальше в лес, чтобы спрятать свое страдание от посторонних глаз, особенно в предсмертный час. А тем более человек. Мне в лагере понятнее стала глубина страданий Иисуса на голгофском кресте, когда в предсмертных мучениях Он выставлен был на обозрение враждебной толпы. Смерть всегда мучительна, умирающему необходимы забота и уход близких, а главное – отсутствие посторонних равнодушных глаз, чтобы можно было расслабиться, не подавлять стона или возгласа боли.

А Христос в предсмертные часы стал посмешищем толпы, жадно следившей за любым проявлением мучений на Его лице, за агонией Его тела. Как ранили Его полные сарказма реплики: «Если Ты Сын Божий, сойди со креста! Других спасал, Себя не можешь спасти?!» А Он, в предсмертных муках, сумел еще возвыситься до участливого сострадания к ним: «Отче, прости им, ибо не знают, что делают!» Этого Иисуса я люблю, дочка, этому Иисусу служу.

Я много думала о папиных словах. Мы с ним часто говорили на волнующие меня темы, он всегда находил для меня время. Прошел почти год, как он вернулся из лагеря. Стояла весна 1970 года, я заканчивала десятый класс, подходила пора выпускных экзаменов. Мучительный период сомнений, поисков смысла жизни продолжался. В один из вечеров родились строки:

Мне почему-то тревожно очень,
Я не могу побороть печали:
Полные долгих раздумий ночи

Мне на вопросы не отвечали.

Много их стало: мучительных, сложных,

Требующих разрешения скорого…

Но ведь ответить на них невозможно!

И опускаю в бессилье голову.

Боже, к Тебе обращаюсь с доверием:

Пусть торжествует в душе моем Истина!

И сохрани от паденья в неверие

Даже мысленного…

Я подчас остро сожалела, что наступила взрослость и детство с его ясным чувством доверия родителям и простой детской верой уже позади. Христианский путь, избранный моими близкими, не мог автоматически стать моим. В мучительный период внутренних исканий я должна была самостоятельно найти ответы на тревожившие меня вопросы.

Майские праздники в последние несколько лет стали традиционными днями больших молодежных общений в Харькове. В ту весну из нашей киевской молодежи на маевку собиралось поехать человек тридцать. Папа спросил меня: «А почему бы и тебе не поехать?» Я согласилась. Привлекало меня в этой поездке не столько само молодежное общение, сколько романтика путешествия в поезде с друзьями, разговоры до рассвета, разнообразие новых впечатлений.

Харьков встретил нас солнечным весенним утром. На вокзале нам объяснили, куда ехать дальше, и мы сели в электричку, доехали до станции Рыжов. Там, пройдя немного по лесу, оказались на большой поляне, где собралось уже много молодежи. В десять началось общение. Пел молодежный хор, играл духовой оркестр – было ощущение праздника.

Моим вниманием завладела проповедь на тему «Кем является для тебя Иисус Христос?» Проповедник спрашивал: «Может, Христос для тебя – только великий учитель моральных принципов? Или даже самый выдающийся из всех живших на земле людей? Но не для этого Он оставил славу неба и пришел на землю. Иисус умер на кресте, чтобы стать личным Спасителем каждого из нас. Он хочет снять с тебя бремя грехов и стать твоим лучшим другом сегодня, сейчас!»

В сердце шла мучительная борьба: я понимала, что Господь обращается лично ко мне, что Он хочет снять с меня гнет греха и принять в семью искупленных Своих. Вспомнились слова папы о том, какой дорогой ценой совершил Иисус наше спасение. Внутри меня все порывалось к Богу, сомнения в истинности христианства казались жалкими, лишенными смысла. Я стала мысленно молиться: «Господь, прости меня и сними бремя греха! Войди в мою жизнь, я хочу принадлежать Тебе!»

Я не замечала, что по лицу текли слезы. Сердце наполняла радость принадлежности Господу! Торжество причастности Небу! Только сейчас я заметила, что идет призыв к покаянию, многие вышли вперед для молитвы. Я тоже вышла, склонила колени и поблагодарила Бога, что я теперь – дитя Его. Я открыла глаза и увидела, что рядом стоят мои друзья-киевляне: Люда, Лена, Вася и Шура, Валерий, Люба. Мы знали друг друга с детства, вместе росли и теперь в один день отдали свои сердца Господу.

Можно ли привыкнуть к покаянью?

Лица просветленные вокруг…

Непоколебимое сознание:

Иисус – мой самый лучший Друг!

На земле поют, поют на небе

Гимн победы: спасена душа!

И каким бы прежний путь твой не был,

В вечность сделан первый верный шаг!

Общение в лесу закончилось. До нашего ночного поезда оставалось несколько часов, и нас пригласили в дом друзей на станции Минутка. Там жила семья христианского поэта Василия Максимовича Беличенко. В дверях нас встретила трехлетняя Диночка, их маленькая дочка, а когда мы зашли в комнату, нас ожидал сюрприз: кроме хозяина дома, там были еще харьковские поэты Валерий Череванев и Павел Ляшенко. Они согласились почитать свои новые стихи, и этот памятный день в Харькове закончился для нас поэтическим вечером.

Но пора было торопиться на вокзал. Наши места были в одном вагоне, и мы допоздна делились впечатлениями прошедшего дня. Рано утром поезд прибыл в Киев. Метро еще было закрыто, но уже ходили первые трамваи. Мы распрощались, и каждый поехал в свою сторону. Мне не терпелось поскорей рассказать папе, маме и бабушке, что я имею теперь мир с Богом – Иисус стал моим личным Спасителем!

Было еще очень рано, когда я позвонила в дверь нашего дома. Папа открыл мне, он уже не спал. Я тут же в дверях обняла его: «Папочка, я теперь христианка!» На глазах у него были слезы: «Наташа, я так молился о тебе в эти дни!»

9 В нашей киевской церкви это стало традицией: в теплую погоду после утренних собраний, если не было дождя или милиции, всегда устраивались такие церковные обеды.

12: Опустевший дом

В конце августа 1970 года в дверь нашего дома постучал милиционер. Он вручил повестку, чтобы на следующий день папа явился на допрос в прокуратуру. Мы понимали, что его могут там же арестовать. Вечером он встретился с проповедниками нашей церкви, и они пришли к заключению, что снова, как в 1963 году, ему нужно оставить Киев и, находясь на «нелегальном положении», совершать служение среди гонимых церквей. Не возвращаясь домой, он переночевал у друзей и рано утром уехал из Киева.

В ту осень, хотя папы опять не было дома, жизнь нашей семьи продолжалась в привычном русле: Петя и Лиза ходили в школу, бабушка активно трудилась в Совете родственников узников, мама работала надомницей (плела сетки), я устроилась ученицей копировщицы в проектный институт. 27 ноября мне исполнилось 18 лет. Жизнь била ключом: оркестр, занятия по изучению Библии, воскресные поездки с посещением небольших церквей в селах.

Первого декабря день начался, как обычно: я ушла на работу, Петя и Лиза – в школу, бабушка была дома с пятилетней Женей. Мама на несколько дней уехала на встречу с папой. К вечеру пошел первый снег. Мой рабочий день закончился в шесть, и я в потоке сотрудников вышла из многоэтажного здания проектного института. На улицах уже

зажглись фонари, все радовались первому снегу: дети катались на санках, мальчишки сражались в снежки. Вот и зима пришла!

По вторникам молодежь из нашей церкви собиралась для изучения Библии, вечера проходили в оживленном обсуждении различных библейских тем. Сразу же после работы я поехала к Лиле, где мы встречались в тот вечер. Нас собралось человек двадцать, тема была интересной, мы увлеклись и не заметили, что занятие затянулось дольше обычного. Закончив молитвой, мы по несколько человек, чтоб не привлечь внимания соседей, стали выходить из квартиры. Нам с Леной было по пути, троллейбус шел от метро минут сорок, и у нас было достаточно времени наговориться. Лена выходила на две остановки раньше, а я ехала до конечной.

От троллейбуса до нашего дома идти минут десять мимо парка. Шла я быстро: бабушка всегда волновалась, если я поздно возвращалась домой, а сегодня из-за первого снега транспорт ходил медленнее обычного, и я очень задержалась. Наша улица на окраине города, как всегда поздно вечером, была пустынна. Пройдя мимо парка, я еще издалека заметила, что возле нашей калитки стоят машины. Это было необычно. «Неужели снова обыск?» – с тревогой подумала я и пошла быстрее. Мои опасения подтвердились: напротив нашего дома стояли две милицейские машины, рядом с калиткой дежурил милиционер. Он попытался остановить меня:

«Куда идете? К кому?» Я ответила: «Домой! Я здесь живу», – и решительно прошла мимо него.

Входная дверь была открыта настежь, хотя стоял снежный морозный вечер. У двери дежурил еще один милиционер, и снова: «Стой! Куда идешь?» Тревога моя нарастала: это не было похоже на обычный обыск. Я прошла по коридору в гостиную, где толпились мужчины в штатском и два-три милиционера. Стоял гул голосов. Наконец, я увидела бабушку: она почему-то была в пальто. Бабушка бросилась ко мне:

– Как хорошо, что ты успела вернуться! Я так волновалась, что меня уведут без тебя.

– Уведут? Куда?

– Наташа, меня арестовали! А мамы нет, она возвратится только завтра. Посмотри, что с детьми, – и она указала на диван, где лежала, громко всхлипывая, пятилетняя Женя. Рядом с ней сидела Лиза, она тоже плакала. Петя стоял у стола.

Мужчина в штатском (видимо, главный – он отдавал распоряжения остальным) стал торопить бабушку: «Быстрей, быстрей! Хватит вам прощаться! Пошли уже!» Бабушка казалась такой маленькой, растерянной, и я вдруг почувствовала, что вся ответственность лежит на мне. Я обратилась к их главному:

– Куда вы ее хотите везти? У бабушки больное сердце! По дороге может случиться сердечный приступ. Я поеду с ней, чтобы знать, куда ее увезут.

Он посовещался с другими и резко ответил:

– Ладно, можешь проехать с ней до КПЗ. Но потом сама будешь ночью возвращаться. Ну, все! Пошли!

Бабушка сказала:

– Я хочу помолиться с детьми перед уходом.

– Вот еще молитвы здесь будете устраивать! Этого только не хватало!

Я не выдержала:

– Как вы смеете так с ней разговаривать! Бабушка пока что хозяйка в своем доме!

Мы с бабушкой стояли посреди комнаты. Петя, Лиза и Женя тоже подошли к нам. Не дожидаясь разрешения представителей власти, я стала молиться вслух, чтобы Господь сохранил бабушку в предстоящих испытаниях. Все это очень не нравилось чекистам, но нас никто не прервал. Потом помолилась бабушка, обняла каждого из детей, и ее повели. До самой машины она шла, опираясь на мою руку. На улице за милицейскими машинами стояла «скорая помощь» (видимо, работники КГБ решили подстраховаться, зная, что у нее больное сердце).

Мы подошли к «воронку», я помогла бабушке взобраться по ступенькам и хотела садиться в машину вслед за ней. Но в последний момент она оглянулась на детей и остановила меня: «Нет, Наташа, ты не поедешь со мной – посмотри!» На снегу стояли дети без пальто, в тапочках и легких свитерках. Петя держал на руках свою собачку. «Ты должна остаться с ними!» – повторила бабушка. Я молча обняла ее и спрыгнула с подножки. Машины отъехали, а мы стояли на заснеженной улице, провожая их глазами. А потом медленно побрели в опустевший дом.

13: Суд над бабушкой

Падает, падает первый снег,
Ложится на землю тихо и плавно,
А дома и папы, и бабушки нет,
И очень-очень хочется плакать…
А в памяти четко, как на снегу:
Потоки брани и злые лица,
И проникающий в душу гул
Машины с надписью яркой «Милиция».
Падает, падает первый снег
И на дома, и на всех прохожих…
Бабушка, как бы хотелось мне
Быть на тебя хоть чуть-чуть похожей!

После ареста бабушку поместили в Лукьяновскую тюрьму. Следствие шло три месяца, никаких контактов с ней мы не имели. Вел ее дело следователь Бех. Когда после суда мы встретились на свидании

в тюрьме, бабушка рассказала, что произошло после того, как ее увезли в ночь ареста: «В тюрьму мы прибыли уже после 12 ночи. «Скорая помощь» сопровождала всю дорогу, я видела ее, когда выходила из «воронка». Стали оформлять арест: снимали отпечатки пальцев, фотографировали... Долгая это процедура.

Потом повели в камеру. Охранник большим ключом открыл железную дверь. Я вошла, огляделась: камера пустая, под потолком горит лампочка, железные нары вдоль стен, никаких матрасов или подушек. Я помолилась и легла отдыхать, как была, не снимая пальто. На следующее утро повели меня на допрос. Работник прокуратуры вошел в кабинет свежий, одет с иголочки, а я – в измятом пальто, после бессонной ночи. Представляю, на кого я была похожа! Так начались мои тюремные скитания...».

Суд состоялся в начале марта. Как обычно, день и место суда от семьи тщательно скрывали. Маме каким-то образом удалось узнать, что идет суд. Она тут же позвонила мне на работу, чтобы я отпросилась и срочно приехала. Бабушка потом рассказывала, как она опечалилась, когда конвой ввел ее в зал суда, а там – ни одного знакомого лица, только чужие, враждебно настроенные люди; и как обрадовалась, когда после первого перерыва появились мы с мамой.

Обвиняли бабушку в правозащитной деятельности Совета родственников узников, и особенно в том, что она ставила свою подпись под сообщениями правительству о фактах репрессий. В начале суда она заявила, что, являясь председателем Совета родственников, берет на себя полную ответственность за все выпущенные ими документы и просит других членов Совета родственников узников к суду не привлекать, так как большинство из них – многодетные матери.

Судили бабушку по статьям 138 и 187 Уголовного кодекса УССР. В обвинительном заключении рассматривалось четыре конкретных факта, взятых из заявлений правительству. Главный упор прокурор делал на то, что все факты вымышленные и заявления Совета родственников носят клеветнический характер. Бабушка тут же

предложила вызвать в суд в качестве свидетелей пострадавших, о которых идет речь.

Но судья ответил, что в этом нет необходимости, в суд вызвано достаточно свидетелей, чтобы объективно разобраться в подготовленных следователем материалах. Начался допрос свидетелей. Среди них не было ни одного из пострадавших, свидетелями были:

представители лагерной администрации, когда в заявлении Совета родственников речь шла о том, что определенного узника избивали, лишали свиданий и всячески притесняли в лагере;

работники милиции, участвовавшие в разгоне собраний, когда в заявлении правительству речь шла о том, что в таком-то городе богослужение было разогнано с особой жестокостью;

представители городской администрации, когда в заявлении речь шла о том, что за посещение богослужений пенсионеры подвергались штрафам, превышавшим их месячную пенсию.

Свидетели решительно отрицали свои бесчеловечные действия. Выслушав их, суд пришел к заключению, что заявления правительству носят клеветнический характер, так как ни один из свидетелей не подтвердил фактов, описанных Советом родственников узников. Следовательно, Лидия Михайловна Винс, ставившая свои подписи под этими заявлениями, виновна в клевете на советский государственный и общественный строй.

Бабушка обратила внимание суда на абсурдность такого подбора свидетелей: в суд вызвали не пострадавших, о бесчеловечном обращении с которыми писал Совет родственников, а самих обидчиков – именно тех, кто издевался над верующими. Безусловно, эти люди, выгораживая себя, отрицали все факты.

Прокурор Долинский прервал ее: «Подсудимая Винс, не вам здесь распоряжаться, кого пригласить в суд в качестве свидетелей!» Судья

поддержал прокурора: «Садитесь, Винс! В конце вам предоставят защитное слово, вот тогда и выскажете свои возражения». Так на протяжении всех дней суда ей не давали говорить. Бабушка держалась с достоинством: даже когда судья обрывал ее на полуслове, не спорила с ним, а спокойно садилась на свое место на скамье подсудимых.

На второй день у здания суда стояло уже несколько десятков верующих, но в зал почти никого не пустили. Зал заполнили работники КГБ, которые входили по пропускам. Кроме нас с мамой, пройти на суд смогли всего несколько человек, в том числе Зинаида Вильчинская и Серафима Юдинцева, бабушкины сотрудницы по Совету родственников узников. Им сообщили о суде по телефону, и ночными поездами они к утру добрались в Киев: одна из Бреста, а другая из Горького.

Обвинительная речь прокурора Долинского была жесткой и беспощадной. Он требовал приговорить подсудимую Винс к пяти годам лишения свободы. В заключительном слове бабушка сказала, что любой срок будет для нее подобен смертному приговору: со своим больным сердцем и год заключения она вряд ли переживет. Но тут же добавила, что не сожалеет о своем выборе – возвысить голос в защиту гонимых за веру. Суд приговорил ее к трем годам лишения свободы.

Зинаида Вильчинская так описывает свои впечатления о суде: «Не чувствовалось, что она подсудная. Держалась Лидия Михайловна с достоинством, отвечала умно, корректно. Она защищала не себя, а все дело Божье в нашей стране. После приговора Надя, Наташа и Сима бросили ей цветы: гвоздики, подснежники, фиалки. Надя крикнула: «Это за ваше мужество, мама!» Ее букетик рассыпался, и фиалки красиво так легли на плечи Лидии Михайловне. Я сидела ближе всех к скамье подсудимых и после приговора решилась – шагнула ей навстречу, хотя этого и нельзя делать, и отдала букет фиалок прямо в руки. Я успела только сказать: «Вы стойко держались на процессе!» И меня оттолкнул конвоир.

Нас вывели из зала суда первыми, Лидия Михайловна с конвоем еще осталась в здании. На улице было много друзей. Милиция оттеснила нас от входа в суд, но не очень далеко. Мы видели, как подали «воронок», и ее подвели к нему. В руках у нее были цветы.

Молодежь стала петь. Лидия Михайловна помахала нам. Потом я заметила, что она попыталась залезть в «воронок», но не смогла: слишком высоко, да и слабая она была после нескольких месяцев тюрьмы. Конвой стоял рядом, два солдата подхватили ее под руки и подсадили в машину».

После суда бабушку отправили в женский лагерь в Харькове. Как только от нее пришло письмо с нового места, я взяла на работе два дня в счет отпуска и поехала в Харьков с надеждой получить свидание и передать продуктовую и вещевую передачу. Моя подруга Инна согласилась поехать со мной.

Я очень обрадовалась: было бы сложно добираться одной в незнакомое место с тяжелыми сумками для передачи.

Как мы и предполагали, найти лагерь оказалось не так просто: в адресе стоял только почтовый ящик без указания улицы. В справочном бюро на вокзале нам ответили, что не располагают данными, где находятся подобные учреждения. Тогда мы решили заехать в семью Якименко на Холодной горе: может, они подскажут, как найти лагерь. Тяжелые сумки с передачей мы тащили с вокзала на трамвай, потом на автобус. Как я была благодарна Инне, что она поехала со мной!

Наконец, после долгих поисков добрались до лагеря. Расположен он был на окраине города, недалеко от аэропорта. Нам сразу же дали свидание, Инну тоже пропустили, не разобравшись, что она не родственница. Бабушка вошла в комнату для свиданий осунувшаяся, бледная. Одета она была в клетчатое лагерное платье, на голове – белый ситцевый платок, как положено по правилам.

Как она обрадовалась нам! Расспрашивала обо всем, что произошло без нее дома. Сказала, что чувствует себя неважно, часто бывают сердечные приступы, особенно по ночам. Я спросила, работает ли она. Бабушка объяснила, что это рабочий лагерь, где все должны работать. Иначе ее, как пенсионерку, переведут в инвалидный лагерь, о котором идет очень плохая слава: условия там ужасные. Так что из последних сил она будет стараться работать, чтобы остаться здесь. Спросила, привезли ли мы лекарства, особенно сердечные, которые ей так необходимы.

Быстро пролетели два часа свидания. Печальные уезжали мы с Инной из Харькова, понимая, что три года в неволе, с таким больным сердцем, бабушке трудно будет вынести. Возвратившись в Киев, мы рассказали обо всем церкви. Было решено направить заявление в правительство с просьбой об освобождении, описав состояние ее здоровья. А главное, снова обратить внимание представителей власти на то, что осуждена она незаконно. Заявление подписали более двухсот членов нашей церкви.

В июне 1971 года я приняла крещение. В то воскресное утро на озере Чайка, расположенном в лесу на окраине Киева, крестили тридцать человек. В основном это была молодежь, мои друзья, с которыми мы вместе росли. Наше крещение стало праздником для всей церкви. Было только печально, что ни папа, ни бабушка не смогут разделить со мной радость этого дня.

В то утро я проснулась рано, выглянула в окно: солнце уже взошло, шел легкий дождик, но без обложных туч – значит, погода наладится. С первым городским транспортом я поехала на озеро. Мы договорились с друзьями встретиться за час до собрания, чтобы вместе помолиться и отметить начало этого памятного для нас дня. Почти все сумели приехать раньше. Встретившись на остановке, мы вместе вошли в лес: дождь уже прошел, свежая зелень тянулась нам навстречу. Мы вышли к озеру, празднично сверкавшему в лучах солнца.

Расположившись под деревьями почти у самой воды, мы склонили колени, каждый коротко помолился. Потом стали по очереди рассказывать свои любимые стихи из Библии и с какими обстоятельствами жизни они связаны. В то воскресное утро мы делились друг с другом самым сокровенным. Это краткое общение перед крещением все мы запомнили навсегда.

Вскоре стали подходить другие верующие, многие с цветами, чтобы поздравить нас после крещения. Поставили две палатки, мы переоделись и вышли к воде. На берегу уже была вся церковь, человек 400. Пресвитер прочитал из Библии последнее напутствие, совершил молитву, и мы по одному стали входить в воду.

Торжественно звучало над озером:

– Веруешь ли, что Иисус Христос есть Сын Божий?

– Верую!

– По вере твоей крещу тебя во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Хор на берегу тихо пел:

Тот поток был свидетель безмолвный
Моей тайны великой, святой,
Когда чистые светлые волны
Над моею прошли головой.

Снова пошел легкий светлый дождь. Когда я вышла из воды, одна старушка сказала: «Это хорошо! Это дождь благословения!» Мы переоделись в палатках, и началось собрание. В первый раз в жизни мы участвовали в хлебопреломлении. В конце нас поздравляли, дарили цветы. Вечером на молодежное общение собралось около ста человек, и теперь памятные пожелания в песнях и стихах нам оставляли наши ровесники. Особенно ярко звучала в тот вечер мысль о полном посвящении Господу.

Посвященья Бог ждет от тебя.
Посвященья живого, всецелого.
И служенье поручит, любя,
Недостойному, неумелому.
Он проходит среди церквей,
Побуждает святою задачей,
Но вниманье Его очей

Привлечешь лишь самоотдачей.

После крещения я стала серьезно молиться о том, чтобы Господь указал мое место в церковном служении. Хотя все мои интересы, как у большинства нашей молодежи, были тесно связаны с жизнью церкви (участие в собраниях, библейские разборы, оркестр, поездки в села), я понимала, что у Бога есть для меня особый участок труда, за который я должна нести ответственность. Я поговорила об этом с пресвитером церкви, и мне поручили занятия с детьми: помогать учительнице одной из детских групп. В Харькове в те годы регулярно проходили семинары работников воскресных школ, и я поехала на очередной семинар.

Летом 1971 года решился вопрос моей дальнейшей учебы. Папа посоветовал поступить в медучилище. Учитывая, что это не институт, мы надеялись, что КГБ не вмешается, и мне удастся его закончить и получить профессию. Я сдала вступительные экзамены и в сентябре приступила к занятиям. Вместе со мной в медучилище поступила моя подруга с церкви Люба, мы оказались в одной группе. Я любила медицину, учеба мне нравилась, особенно когда начались практические занятия в больнице.

10 декабря 1971 года в нашей семье произошло радостное событие: родился еще один братишка, назвали его Александром. Мы написали бабушке в лагерь о рождении Шурика, она очень обрадовалась и часто молилась об особом Божьем благословении на жизнь ее нового, уже пятого внука.

14: Трудный урок

В ноябре 1971 года совершилось то, чего бабушка так опасалась – ее перевели в новый лагерь, где несколько бараков было отведено для стариков и инвалидов. Как только мы получили от нее письмо с этим известием, я решила в первый же выходной ехать туда. Инна снова вызвалась сопровождать меня. Поезд прибыл в Днепродзержинск утром. Часа два ушло на то, чтобы узнать, где расположен женский лагерь, какой туда ходит транспорт.

Лагерь находился на окраине города. Как только мы вышли из трамвая на конечной остановке, сразу стало понятно, почему бабушка так боялась попасть именно в эту зону. Лагерь был расположен у городской свалки. С другой стороны находился громадный химкомбинат, более десятка труб упирались в небо, из них клубами валил дым: из одних – серый, из других – грязно-желтый или красноватый. Бабушка мне потом рассказывала, когда ветер дул в сторону лагеря, весь дым из труб несло на них, и в жаркие летние дни она со своим больным сердцем буквально задыхалась.

Бытовые условия здесь были гораздо хуже харьковских: туалеты находились в дальнем конце территории, сложно было со стиркой личных вещей, сушить тоже было негде, питание очень скудное. Бабушка болела стенокардией, необходимых ей лекарств в санчасти не

было, и в первый же мой приезд я попыталась передать ей сердечные средства через начальницу медсанчасти. Женщина-врач в военной форме очень грубо со мной разговаривала и наотрез отказалась взять лекарство.

Самым мучительным для бабушки было ночью ходить в туалет, особенно осенью и зимой: нужно было одеться, выйти во двор и через всю зону идти до уборной. Деревянные будочки были со щелями, продувались холодным ветром, и она заболела воспалением мочевого пузыря. Ночи были бессонные и очень мучительные, потому что часто приходилось вставать. А днем, хотя она не работала, не разрешалось даже прилечь на свою постель в бараке. Приходилось сидеть весь день до отбоя, а потом снова наступала бессонная ночь.

В новом лагере добавилось еще одно осложнение, которого не было в Харькове. От бабушки пришло письмо: «Моя дорогая семья, дорогие дети! С глубокой печалью сообщаю вам, что вчера, 28 декабря, оперчастью я была поставлена в известность (и получила разрешение сообщить вам об этом), что если в моих письмах и ваших ко мне будут употребляться слова: Бог, Иисус Христос, выражения: «Да сохранит тебя Бог», «Да благословит тебя Господь (или Бог)», «Поздравляю с Рождеством Христовым» или другие фразы религиозного содержания, то такие письма мне не будут вручаться и вам от меня не будут отправлены. На этом основании Лизочкину рождественскую открытку и письмо мне не дали. Ваша бабушка, 29 дек. 1971 года»[10].

Но в первый же день в новом лагере бабушку ждала неожиданная радость. Солдаты охраны, запустив в зону вновь прибывших заключенных, завели их в клуб, обыскали и объявили, что здесь они пробудут несколько дней «на карантине». Прибыло их с этапом человек десять. Было поздно, время ужина прошло, и новичкам принесли из кухни кастрюлю с остатками холодного супа, объявив, что это все, что осталось: даже хлеб кончился. Они сидели и хлебали свой суп, когда в клуб вошла заключенная лет тридцати. Она сразу же направилась к бабушке, обняла ее и сказала: «Лидия Михайловна, приветствую! Меня зовут Вера, я видела вас несколько лет назад на женском собрании в Харькове. Я верующая, меня посадили за детскую работу».

Они стали неразлучными друзьями. Вера относилась к бабушке, как дочь: помогала чем могла, ухаживала за ней, когда бабушка болела. Они находили укромные уголки, чтобы вместе помолиться, ободряли друг друга стихами из Библии, которые помнили наизусть. Но вскоре администрация лагеря стала препятствовать их встречам, Вере даже грозили карцером, если ее застанут в стариковском бараке. Бабушка нашла выход из положения: рано утром, когда бригады вели на работу, она выходила из своего барака и прохаживалась возле дорожки, по которой их вели. Поравнявшись с Верой, она быстро говорила стих из Библии или два-три слова ободрения. Вера улыбалась ей, проходя мимо, и так они украдкой общались.

Как и в харьковский лагерь, я старалась приезжать в Днепродзержинск на каждое свидание. Мама оставалась дома с новорожденным Шуриком, а я с младшими детьми ехала к бабушке. Здоровье ее было очень слабым, она с трудом ходила и уже потеряла надежду, что доживет до освобождения. Особенно остро почувствовала она свою беспомощность, когда освободилась Вера. Последний год заключения, без Вериной помощи и моральной поддержки, оказался для бабушки особенно трудным.

Свидания разрешались четыре раза в год: два личных свидания, когда мы могли пробыть с ней один-два дня, давались каждые полгода, а между ними – по общему свиданию: краткому, на два-три часа. Зная о состоянии здоровья бабушки, папа очень просил меня не пропускать ни одного свидания. Сам он посещать ее не мог, так как скрывался от ареста.

На личные свидания к бабушке мы привозили из Киева продукты, чтобы сварить домашнюю еду и хоть этим немного поддержать ее силы. Бабушку всегда интересовали новости с воли: как живет церковь, видели ли мы кого-нибудь из Совета родственников, как у них дела. Она хотела знать все о папе: что слышно от него, как его здоровье; каждый раз радовалась, что он еще на свободе. Когда мы ужинали, дети рассказывали ей разные происшествия из школьной жизни, смешные истории о маленьком Шуре. Бабушка тоже рассказывала что-то веселое, чаще всего из своего детства. О жизни в лагере она при детях говорила мало: тяжкие это были бы рассказы, не для детских ушей.

Когда Лиза и Женя засыпали, мы с ней начинали говорить о трудном: ее обстоятельствах, состоянии здоровья. Она рассказывала, что обстановка в бараке удручающая, все старухи, в основном, убийцы. Очень очерствевшие сердца, о Боге ничего не хотят слышать. Ссоры, ругань весь день. На всю громкость включают радиоприемник, и попросишь сделать немного потише, в ответ услышишь только грубую брань.

Бабушка плакала, рассказывая о сердечных приступах, о воспалении мочевого пузыря. О бессердечной начальнице медсанчасти, которая только издевается, если обратишься к ней за помощью: «Что вы к нам обращаетесь, заключенная Винс? Пусть ваш Бог поможет вам, если Он есть! Идите в барак, мне не о чем с вами говорить!» Бабушка сидела передо мной осунувшаяся, бледная, ее мучила одышка. Сердце мое разрывалось: чем я могла ей помочь? Я не раз привозила лекарства и просила начальницу медсанчасти передать их бабушке, но та разговаривала со мной так же грубо, как и с ней.

Бабушка предлагала помолиться, мы становились на колени, из груди вырывался молитвенный вопль к Господу о Его заступничестве. После молитвы я начинала рассказывать что-то светлое из нашей молодежной жизни. Бабушка оживала, задавала вопросы – всех моих друзей она хорошо знала еще с тех пор, когда мы были детьми. Как-то во время очередного ночного разговора она сказала: «Знаешь, Наташа, у Господа есть особый способ утешить меня. Когда совсем уже не остается сил дальше идти, мне снится один сон, он периодически повторяется. Я всегда просыпалась после этого с ощущением счастья!

Снится мне черная земля ранней весной, с которой только-только сошел снег. Она рыхлая, мягкая, пропитанная влагой. И вот появляются первые зеленые ростки – свежие, сочные, молодые. Меня такое счастье тогда охватывает: жизнь продолжается! Проснувшись, я благодарю Бога за Его близость, за помощь во всем, вспоминаются стихи: «По милости Господа мы не исчезли, ибо милосердие Его не истощилось; оно обновляется каждое утро; велика верность Твоя!» А также то, что наши «нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас» (Рим. 8:18)».

К концу 1972 года в медучилище надо мной стали сгущаться тучи. Оставалось всего несколько месяцев до конца учебы, весной наша группа должна была пройти госпрактику, потом государственные экзамены, и мы – медсестры! Проблемы начались с лекции на атеистическую тему специально приглашенного лектора из общества «Знание». Вначале он говорил о вреде религии вообще, но вскоре перешел на личности, назвал фамилию моего отца и других киевских проповедников. Он клеймил их, называл антисоветчиками. Рассказывал, искажая факты, «ужасные случаи» зверства сектантов. Мы с Любой переглядывались, слыша нелепые вещи о людях, которых хорошо знали.

В конце лекции он спросил, у кого есть вопросы. Я подняла руку и стала уточнять факты, которые он представил в искаженном виде. Сказала, что речь идет о моем отце и других людях, которых я хорошо знаю. Лектор перебил меня:

– Я о тебе тоже много слышал! Ты еще в школе зарекомендовала себя заядлой сектанткой! Садись, на твои вопросы я отвечать не буду!

Девочки из нашей группы заволновались:

– Почему вы не даете ей говорить? Это же об ее отце: она лучше знает, как все было!

Директор училища призвала зал к тишине, поблагодарила лектора за полезную, интересную лекцию и сказала всем расходиться по классам. Девочки окружили меня:

– Наташа, расскажи, как было на самом деле! Мы знали, что вы с Любой верите в Бога, но таких ужасов еще не слышали.

На следующий день меня вызвали в кабинет директора. Там была и завуч нашего училища. Начался допрос: «Где твой отец? Скрывается от правосудия? И бабушка тоже сидит? Ну и семейка! И ты воображаешь, что мы дадим тебе диплом? Запомни: религия и медицина несовместимы!» Вызовы к директору повторялись, но в учебе мне пока

не препятствовали. И я надеялась, что, может, все еще обойдется, ведь медучилище – это не институт.

Подошло время ехать к бабушке на свидание. Я, как всегда, написала заявление в администрацию училища с просьбой разрешить мне по семейным обстоятельствам пропустить два дня занятий. Обычно мне давали разрешение. Но на этот раз завуч отказалась подписать заявление.

– Что у тебя за обстоятельства? – спросила она.

– Моя бабушка отбывает заключение в Днепродзержинске, она очень больна. Я должна поехать к ней на свидание, отвезти продукты и лекарство.

– Никуда ты не поедешь! Разрешение я не подпишу!

Я стала просить, рассказала, как трудно бабушке в лагере, как она всегда ждет свиданий с нами. Но завуч осталась непреклонной: «Нет, для этого я тебя от занятий не освобожу!» Я была в отчаянье: что делать? Не поехать на свидание я не могла: для бабушки это было бы трагедией. Но как пропустить занятия без уважительной причины? Когда я вернулась в тот день из училища, у нас была мамина подруга. Выслушав мой рассказ, она предложила: «У меня есть знакомая медсестра, она выпишет тебе справку, освобождающую на два дня от занятий по состоянию здоровья». Я согласилась, решив, что хоть это и не лучший выход, но другого нет.

Свидание прошло хорошо, бабушке об осложнениях в училище я ничего не сказала, чтобы лишний раз ее не расстраивать. Когда я вернулась в Киев, справка уже ждала меня. На следующий день я пошла на занятия и сдала справку в административный отдел. Через два дня меня вызвали в кабинет завуча. В руках у нее была моя справка. Завуч спросила: «Значит, поддельными справками пользуемся? Похвально! А еще верующая! Да ты знаешь, что за одно это мы можем исключить тебя из училища?» Я молчала, оправдываться было нечем.

Прошла еще неделя, я очень переживала. Наконец, завуч объявила собрание нашей группы. Она сказала длинную обвинительную речь, в

заключение заявив, что педагогический коллектив училища решил исключить меня. Девочки из нашей группы запротестовали:

– Разве за это исключают? Неужели нельзя ее иначе наказать: лишить стипендии, сделать выговор? Она же хорошо учится! Осталось всего три месяца до госэкзаменов!

Завучу очень не понравилось такое заступничество, она резко оборвала их:

– Этот вопрос решен бесповоротно! Наташа уже исключена.

Я плакала. Мне было стыдно перед всеми, а главное – перед Богом, что я действительно виновата и теперь должна расплачиваться за свой поступок. Девочки окружили меня: «Наташа, мы пойдем к директору, будем просить за тебя! Подумаешь, справка – многие так делают». Они выбрали нескольких представителей, которые пошли к директору. Но она их даже слушать не захотела, повторила то, что сказала завуч: «Вопрос решен окончательно!»

В траурном настроении я возвращалась домой. С одной стороны, я хорошо понимала, что справка была только зацепкой, главная причина заключалась в словах директора: «Ты воображаешь, что мы дадим тебе диплом? Запомни, религия и медицина несовместимы!» Но с другой стороны, я сама дала им в руки веский повод исключить меня. А теперь – как жить дальше? У меня не было другой специальности, работа медсестры мне очень нравилась, и вот я ее лишилась...

Дома меня ждала новость: папа – в Киеве, у Дубининых, хочет со мной встретиться. Когда стемнело, мы с Лизой вышли из дома вроде как на прогулку, около часа походили по соседним улицам и, убедившись, что за нами никто не следит, поехали в тот дом, где остановился папа. Нас провели к нему в комнату. Он обнял Лизу, потом меня. Я плакала. Папа уже слышал о моих неприятностях в училище, но об отчислении еще не знал. Я ему все рассказала: о лекторе из общества «Знание», о беседе с директором и ее заявлении, что религия и медицина несовместимы, и как потом оказалась в тупике с поездкой к бабушке на свидание. Повторила слова девочек из группы: «Ну ладно, справка – какое же в этом преступление? Многие так делают».

Папа ответил:

– Наташа, я понимаю, как тебе сейчас горько, и не хотел бы причинять лишней боли. Но я должен сказать, как я расцениваю твою ситуацию. Конечно, исключили тебя за то, что ты верующая, а также за то, к какой семье ты принадлежишь. Но этой справкой ты дала им в руки сильное оружие против себя, и они им воспользовались. Это одна сторона дела. А теперь давай вернемся к твоему поступку, к этой справке. Наташа, это было нечестно с твоей стороны. И то, что сказали девочки в училище: «Все так поступают», – не может служить тебе оправданием. Ты носишь высокое звание христианки, и оно ко многому обязывает.

Я продолжала оправдываться, хотя голос совести в душе безоговорочно осуждал мой поступок:

– Папа, но и верующие так поступают!

– Нельзя извинять свой поступок тем, что считают допустимым другие. Пусть этот случай послужит тебе серьезным уроком на всю жизнь. Я считаю – это особая милость Божья, что Он так строго тебя останавливает, ничего не спускает. Дорожи этим, дочка! Страшнее для христианина, когда он начинает считать, что ему все дозволено. Я, как служитель, этого больше всего боюсь в своей жизни.

10 Единственное сохранившееся письмо из переписки с бабушкой из лагеря, все остальные ее письма, а также наши к ней были конфискованы во время обыска вскоре после ее освобождения. Обыск был произведен внезапно, мы не успели подготовиться и спрятать письма. Сохранилось только это письмо, так как сразу же после получения оно было опубликовано в бюллетене Совета родственников узников.

15: По московским лужам

По молитвам близких бабушка выдержала весь лагерный срок. Наступило 1 декабря 1973 года – долгожданный день ее освобождения. Мама с Петей, Сашей Лещенко и Зинаидой Вильчинской поехали в лагерь встречать бабушку. Также у ворот лагеря ее встречала Вера из Харькова, которая освободилась за год до этого. Дома мы готовились к встрече, собралось много друзей. Бабушке дорого было всех увидеть, снова отдыхать в своей крошечной уютной спальне, ощущать заботу семьи. Но ее радость омрачало то, что она не могла увидеться с сыном: на папу был объявлен всесоюзный розыск, за нашим домом велась слежка, и ему нельзя было и мечтать о том, чтобы появиться дома.

Бабушка освободилась за три недели до Рождества. Праздники озарились ее присутствием и были особенно счастливыми для нас. Силы ее в домашней обстановке постепенно восстанавливались. Бабушке интересно было знакомиться с двухлетним Шурой, который родился без нее. Она радовалась каждому дню на свободе, часто рассказывала о том, какие уроки извлекла из лагерной жизни:

«В стороне от нашего лагеря высились многоэтажные дома. По вечерам я любила наблюдать, как в окнах загорался свет. Мне трудно было представить, что где-то идет обычная жизнь, люди приходят с работы, садятся ужинать, вся семья собирается за столом... И я думала:

неужели и для меня настанут дни, когда я смогу выйти на улицу и пойти, куда захочу? Или смогу днем лечь на постель – просто когда устану и мне захочется полежать? Я научилась ценить те преимущества, которые Бог дает нам на свободе. Посмотрите, как обилен наш стол: белый хлеб, молоко... Я в лагере месяцами мечтала хоть стаканчик молока выпить, мне снились голодные сны.

За год до конца срока вызвали меня на комиссию по досрочному освобождению. Но так просто они не освобождают, даже если человек стар и болен. Предложили мне статью в лагерную газету написать, что я разочаровалась в Боге и уже не верю в Него. Тогда бы они отпустили меня домой. Я сказала им: «Мне все равно уже скоро умирать, и стыдно же будет, если в конце жизни я такое напишу!» Они говорят: «Ну что ж, до конца срока будете сидеть!» Я ответила, что другого от них и не ожидала, повернулась и вышла из кабинета. Так я отсидела срок до конца и бесконечно благодарна Господу за все милости, за охрану жизни. А еще я научилась там не заботиться о завтрашнем дне, все вручать в руки Божьи».

С наступлением нового 1974 года на работе у меня начались трудности. Я работала массажисткой в детском отделении больницы П 217, у нас лежали дети с костным туберкулезом. В январе главврач вызвал меня к себе в кабинет. Там уже сидели представители из парткома и месткома. Главврач сразу же, как только я вошла, стал кричать, что я из крамольной семьи, отец мой скрывается от ареста, да и сама я сектантка, и поэтому работать у них не могу.

Опять, как при исключении из училища, я услышала, что религия и медицина несовместимы. Беседа длилась около двух часов, в заключение главврач предложил мне уволиться по собственному желанию. Я возразила, что работа мне по душе и увольняться я не намерена. Он стал угрожать: «Ты еще пожалеешь об этом! Мы тебя по статье уволим!» И меня уволили через месяц по сокращению штатов, хотя у нас в детском отделении не хватало массажисток и медсестер.

Узнав об увольнении, папа передал мне записку с предложением на два-три месяца, пока подыщется другая работа, уехать из дома и помочь в одном из проектов издательства «Христианин». Я с радостью согласилась. С большими предосторожностями его сотрудник отвез

меня в тот город, где папа тогда находился. Мы тепло встретились, он рассказал мне о проекте, в котором я буду участвовать.

Издательство «Христианин» готовило к печати сборник гимнов на украинском языке. Из нескольких старых сборников хотели отобрать около 400 самых известных гимнов. Для этой цели необходимо было поехать на несколько недель в Западную Украину и поработать там с регентами над составлением сборника. Сотрудница издательства, которой это поручили, нуждалась в помощи.

Мое участие заключалось в том, чтобы освободить Катю для работы над сборником, взяв на себя подсобную работу. Регента из нескольких городов съезжались каждую субботу на целый день, и пока Катя работала с ними, я готовила для всех еду, накрывала на стол, мыла посуду. А в будние дни помогала перепечатывать на машинке гимны, отобранные для сборника.

В начале марта Кате нужно было по делам съездить в Москву, и она взяла меня с собой. На квартире, куда мы приехали, я встретилась с папой. Он обрадовался, увидев меня, и забрал на два дня к себе. На следующее утро ему предстояла встреча с одним из пресвитеров, который был проездом в Москве. Когда мы пришли на встречу, оказалось, что произошла непредвиденная задержка и мы должны часа 3-4 где-то подождать. Нам ничего не оставалось, как просто ходить по улицам в ожидании встречи.

День был хмурый, ветреный, еще не совсем растаял снег, хотя температура была выше нуля. Мы несколько часов ходили по покрытым лужами тротуарам, от одной автобусной остановки к другой, и говорили о многом, что волновало нас. Папа ясно понимал, что его впереди ждет тюрьма: это реальность, которая наступит рано или поздно. Мы говорили о будущем нашей семьи, о маме, бабушке, младших детях. Промерзнув на ледяном ветру, зашли в местный универмаг согреться, выпить по чашке кофе. А потом снова ходили по улицам и говорили. Папа делился трудностями, которые испытывал в тот период. Несколько раз возвращался к мысли, что главное в жизни – верность евангельским принципам. Вспоминал о своем отце, Петре Яковлевиче, который принял мученическую смерть, сохранив верность Богу до конца.

От этой беседы у меня осталось ощущение его глубокого внутреннего мира и большой близости с Господом; утихли страхи о его будущем, хотя я понимала, что папин арест практически неизбежен. На следующий день мы расстались: нам с Катей пора было возвращаться в Западную Украину заканчивать работу над сборником, а папа через несколько дней должен был уехать на Урал и в Сибирь. Ночью в поезде я мысленно возвращалась к последнему дню в Москве. И благодарила Бога, что Он так все устроил: непредвиденную задержку, нашу прогулку по мартовским лужам и такой важный для меня разговор с отцом. Я чувствовала, что, если придется услышать весть о его аресте, я не буду отчаиваться, помня этот разговор.

Через три недели, в начале апреля, мы с Катей закончили работу над сборником и возвращались в Москву, чтобы передать подборку гимнов в типографию для набора. Папа должен был примерно в эти же дни вернуться из Сибири. Мы договорились еще раз увидеться перед тем, как я вернусь в Киев устраиваться на работу.

Наш поезд прибывал в Москву вечером. Пассажиры уже в пальто, проходы заставлены чемоданами. По стеклу стучит дождь, за окном ненастные сумерки. Как всегда в конце поездки, тревожит то, удастся ли незамеченными уйти с вокзала. Мысленно отрабатываю маршрут: несколько остановок на троллейбусе, потом метро, автобус, и мы на месте.

Папа уже, наверное, там – ждет нас с Катей. И снова тревожная мысль: только бы не попасть под слежку! Вокзал, особенно в большом городе, самое опасное место, там обычно сильно следят. И хотя все как будто продумано и учтено, на сердце неспокойно. Мысленно молюсь: «Господь, только Ты можешь защитить! Ты обещал в Слове Твоем «охранять выхождение и вхождение» наше. Доверяю Твоему могуществу!»

Поезд подходит к перрону. В вагоне сутолока, все устремляются к выходу. Мы с Катей выходим на перрон и, минуя здание вокзала, идем к троллейбусной остановке. До квартиры добрались благополучно. Поднимаемся по лестнице, Катя звонит в дверь. Нам открывают, мы быстро входим в прихожую. Только когда закрылась дверь на лестничную площадку, можно поздороваться, обнять хозяйку.

Она улыбается:

– Ну, слава Богу, благополучно добрались! Голодные, устали?

– Нет, тетя Маша, все хорошо. Папа у вас?

– Да нет, еще не вернулся. Здесь уже три человека его ждут, а днем Дмитрий Васильевич заходил, хотел встретиться. Петрович обещал быть не позднее пятого. Да вы раздевайтесь, проходите! Приедет, задержался на несколько дней, не раз уже так случалось.

Мы прошли в комнату, там сидело несколько сестер. Они окружили нас: «Наташа! Катя! Как добрались? Георгий Петрович должен был подъехать, да что-то нет его». Вошла тетя Маша: «Давайте помолимся, поблагодарим Бога за охрану в пути». После молитвы она позвала на кухню ужинать.

Необычна жизнь семьи в этой квартире. С одной стороны, все как в других семьях: дети утром идут в школу, отец – на работу. Но часто – раздается звонок, хозяйка открывает дверь, и заходят те, кого сразу же нужно провести в дальнюю комнату, с кем разговаривать можно только приглушенным голосом. О том, что они находятся в квартире, нельзя упоминать никому из посторонних. Только одна эта семья знает и хранит тайну Божьих тружеников. Дети в семье, даже самые маленькие, понимают серьезность положения.

Мы с Катей остались ночевать. Рано утром нас разбудил звонок в дверь. Катя шепнула мне: «Ну вот и Георгий Петрович вернулся!» В комнату зашла тетя Маша с еще одной сотрудницей издательства, которая приехала что-то согласовать с папой. А его все нет. Тревога нарастала, но не хотелось поддаваться печальным предчувствиям. Хотелось верить, что он вернется, как и прежде возвращался из многих поездок. Просто обычная задержка: может, при посещении одного места появилась необходимость срочно поехать еще куда-то.

Днем зашли Дмитрий Васильевич с Виктором. Обсудив обстановку, решили, что пора что-то предпринять. Виктора отправили в Челябинск узнать, все ли там благополучно. А для нас опять потянулись дни неизвестности. Мы много молились вместе, общая тревога сблизила нас. А мне в те дни скорбного ожидания вспоминалось каждое слово,

каждая мельчайшая подробность последней встречи с папой. Трудно было поверить, что с того дня прошло всего три недели.

Папа сказал мне тогда: «Ох, дочка, как много отдал бы я, чтобы вот так, как мы с тобой сегодня, хоть один день провести с моим отцом! И говорить, говорить, говорить… Особенно тосковал я по нему, когда был подростком. Я так нуждался в отцовском совете, хотелось задать ему множество вопросов! Но его уже не было тогда на земле. Тебе 21 год, Наташа, и ты, как дочь-христианка, знаешь душу своего отца. Если я опять буду арестован и даже если жизнь моя оборвется – у вас, дети, никто не сможет отнять этих лет, когда вы росли, зная вашего отца».

Через три дня вернулся Виктор с известием, что в Челябинске папа встречался с братьями, и 30 марта они проводили его в Новосибирск. Через несколько дней в домах челябинских верующих прошли обыски «по делу Винса, санкционированные прокуратурой Киева». Не оставалось сомнений, что его арестовали по пути в Новосибирск. Услышав эту весть, мы склонили колени, и все друзья молились о Божьем заступничестве, об особых милостях для него. Мне дорого было, что о папином аресте я узнала в кругу его близких сотрудников, которые в последние годы делили с ним все опасности служения: сегодня арестован он, а завтра в тюрьме мог оказаться любой из них. Я чувствовала, что его арест отдается в их сердцах такой же болью, как у меня.

Я заторопилась в Киев, хотя Виктор сказал, что из Челябинска кого-то уже послали сообщить нашей семье об аресте. Домой я приехала на второй день Пасхи. Папе уже отнесли передачу в Лукьяновскую тюрьму. Лиза сообщила потрясающую новость: человек двадцать молодежи из нашей церкви поздно вечером в субботу, перед Пасхой, подошли к тюрьме и спели для папы «Христос воскрес из мертвых». Они прошли на территорию госпиталя, где только забор отделял их от тюремной стены. Никто не знал, где находится его камера, и поэтому не было уверенности, услышит ли он[11]. Друзья успели спеть только один гимн, и тут выскочила охрана, им пришлось убежать.

Папа потом рассказывал о той предпасхальной ночи: «Нас было четверо в камере. Был поздний вечер, все уже спали. Вдруг сквозь сон я услышал пение: «Христос воскрес из мертвых!» Еще не вполне

проснувшись, я подумал, что уже взят от земли, что я на небе и нет уже тюрьмы, нет страданий! Необыкновенная радость наполнила сердце. Пение становилось все громче и громче. Я окончательно проснулся и понял, что поют молодые голоса.

Звуки пасхального гимна врывались в открытую форточку тюремного окна. Проснулись и другие обитатели нашей камеры, в недоумении выкрикивая: «Слушайте! Слушайте!» В нашу стенку стучали из соседних камер, взбудоражилась вся тюрьма. Но тут залаяли сторожевые собаки, раздались крики охраны, и пение прекратилось. Я понял, что друзья по вере решили таким неожиданным образом передать мне пасхальный привет. Я поражался: как они узнали, где было окно моей камеры? Впечатление было такое, что пели под самым окном!»

С арестом папы на нашу семью снова надвинулись связанные с этим тревоги, необходимость действовать. С помощью бабушки мы, дети, обеспокоенные судьбой арестованного отца, составили обращение в правительство.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, А.Н. КОСЫГИНУ, МОСКВА, КРЕМЛЬ, Н.В. ПОДГОРНОМУ

Копия: Совету церквей ЕХБ

Копия: Совету родственников узников ЕХБ

Наш отец, Винс Георгий Петрович, в нарушение Конституции СССР и Международных пактов о правах человека, вновь незаконно арестован за религиозные убеждения и труд в Церкви.

На протяжении последних тринадцати лет отец постоянно подвергался преследованиям со стороны органов власти. С 1966 по 1969 г. отбывал срок лишения свободы, после чего вернулся с подорванным здоровьем.

Новый арест дает основание опасаться за его жизнь. Мы не хотим, чтобы наш отец был реабилитирован посмертно, как наш дедушка Винс Петр Яковлевич, осужденный за религиозные

убеждения и замученный в лагерях, а потом посмертно реабилитированный.

Вся наша семья подвергается преследованиям вот уже много лет. Наша бабушка, Винс Лидия Михайловна, отбывала срок с 1970 по 1973 г. за ходатайства об отце в период его заключения, а также о других репрессированных верующих. Наша мать, Винс Надежда Ивановна, была уволена с работы в 1962 г. и в течение длительного периода не могла нигде устроиться. Сейчас работает не по специальности.

Репрессии распространяются и на нас, детей. Наташа Винс была незаконно уволена с работы 9 января 1974 г. На предварительной беседе главврач Хряпа (больница №17, г. Киев) заявил, что предлог для увольнения он найдет, т. к. религия и медицина несовместимы. Петра Винса нигде не принимают на работу после окончания 10 класса.

Все эти действия по отношению к нашей семье являются проявлением геноцида. Настоящий арест нашего отца недопустим, у нас есть полное основание предполагать, что его здоровье в тяжелом состоянии. Вся ответственность за его жизнь и дальнейшее пребывание в заключении ложится лично на Вас.

Если наш отец не будет освобожден и в тюрьме к нему будут приниматься меры, угрожающие его жизни, – то знайте, что вся наша семья полна решимости страдать вместе с ним, о чем ставим в известность Вас и верующих всего мира.

18 апреля 1974 года.

Винс Наташа, 21 год.

Винс Петр, 18 лет.

Винс Лиза, 13 лет.

Винс Женя, 9 лет.

Наш адрес: 252114, г. Киев, ул. Сошенко, 11-Б».

На это заявление в правительство, как и на многие другие, мы ответа не получили.

11 Лукьяновская тюрьма старинная, еще с царских времен, и занимает целый квартал.

16: Адвокат из Норвегии

В киевскую тюрьму папу привезли из Новосибирска в начале апреля. Со дня ареста прошло уже семь месяцев, был конец октября, а мы не имели от него никаких известий. Дома жизнь шла своим чередом: я устроилась лаборанткой в больницу, мама продолжала работать надомницей, Лиза и Женя ходили в школу, маленькому Шуре было около трех лет. Петя после окончания десятого класса пытался поступить учиться, но его не приняли. Еще до окончания школы с ним беседовал сотрудник КГБ, предлагая доносить на отца, а они, со своей стороны, посодействуют его поступлению в университет. Петя наотрез отказался от всяких контактов с КГБ.

Прошел почти год после бабушкиного освобождения, здоровье ее значительно улучшилось, она опять активно трудилась в Совете родственников узников. Бабушка очень переживала о папе: сама пройдя через тюрьмы и лагеря, она ясно представляла, что испытывает теперь он. Следователь у папы был тот же, что и у бабушки, когда ее арестовали четыре года назад. Начальник следственного отдела даже пошутил по этому поводу: «У семьи Винс фамильный следователь, от матери к сыну перешел!» В конце октября поздно вечером раздался звонок в дверь. Мы открыли: на пороге стоял милиционер. Он был один – значит, это не обыск. Милиционер вручил повестку, что на 9 утра нас вызывает следователь Бех. Мы встревожились: неужели что-то

случилось с папой? В ответ на наши расспросы милиционер сказал, что сам ничего не знает, ему только поручено передать повестку.

На следующее утро мама, бабушка, Петя и я были в кабинете у следователя. Бех сразу же объявил:

– Двое из вас сейчас пойдут со мной на свидание с Георгием Петровичем. Поезжайте в Лукьяновскую тюрьму, я встречу вас у проходной.

Мы в недоумении переглянулись: обычно до суда свидания с заключенными не давали. Бабушка спросила:

– Чем это вызвано? Георгий болен?

– Нет. Следствие закончено, дело передано в суд, и решается вопрос о защитнике. Георгий Петрович хочет обсудить этот вопрос с семьей, чтобы принять решение, какого адвоката пригласить для участия в судебном процессе.

Мы очень удивились: обычно верующие отказываются от защитника на суде, так как адвокаты в СССР – атеисты, и такой адвокат скорее участвует вместе с прокурором в обвинении, чем осуществляет защиту. На своем первом суде в 1966 году папа отказался от защитника. А теперь нам дают внеочередное свидание для обсуждения с ним вопроса об адвокате – как это понять?

Выйдя из здания прокуратуры, мы поехали в Лукьяновскую тюрьму. По дороге решили, что на свидание пойдут мама с бабушкой, а мы с Петей подождем на улице. Бех уже ждал у проходной, и они последовали за ним. А мы в большом волнении ходили по улице у ворот тюрьмы. Минут через двадцать мама с бабушкой вышли. Мы бросились к ним:

– Как там папа? Что с ним?

Мама ответила:

– Выглядит он неважно, бледный очень. Так жалел, что вас не пропустили на свидание!

Петя спросил:

– А как решилось с адвокатом?

Бабушка стала рассказывать: «О, это целая история! Вы ушам своим не поверите! Но давайте по порядку: завели нас в тюрьму, шла я снова знакомыми коридорами, по которым меня саму водили на допросы к следователю. Так все вспомнилось… Ну да ладно, это уже в прошлом.

Так вот, Бех идет впереди, мы с Надей за ним. Спустились в подвал, а там в небольшом кабинете уже сидел Георгий. Я с ним увиделась в первый раз после четырех лет разлуки! Радостно было снова видеть его, пусть даже и в такой обстановке. Выглядит он плохо, бледный, серый какой-то. Следователь предупредил: «Свидание будет кратким, деловым. Георгий Петрович согласился взять защитника, и сейчас он скажет матери и жене, какого адвоката пригласить. Я буду записывать в протокол все, что будет здесь обсуждаться».

Надя спросила:

– Георгий, неужели ты решил брать адвоката?

Георгий сказал:

– Я основательно обдумал этот вопрос и прошу вас обратиться к христианской общественности Запада с просьбой предоставить мне адвоката-христианина.

Бех даже с места вскочил от возмущения:

– Винс, как вы смеете делать подобные заявления?! Вы прекрасно знаете, что идея о защитнике из-за границы неосуществима! Вы обманули меня! Вам не вопрос об адвокате нужно было решать, а захотелось увидеть мать и жену!

Георгий возразил:

– В материалах дела затрагиваются вопросы вероисповедания евангельских христиан-баптистов, и поэтому адвокат-атеист осуществлять защиту не может, так как некомпетентен в этих вопросах. А христианских адвокатов, насколько мне известно, в Советском Союзе нет.

Бех стал быстро записывать все в протокол.

Георгий продолжил:

– Как только станет известно имя адвоката, который даст согласие меня защищать, вам следует обратиться с письмом в Министерство иностранных дел с просьбой разрешить адвокату и его переводчику въехать в Советский Союз, чтоб ознакомиться с материалами дела.

Закончив составление протокола, Бех предложил нам подписать его. Затем он поставил свою подпись и объявил, что свидание закончено. Георгий попросил: «Разрешите моей маме совершить молитву: получить мне ее материнское благословение». К нашему удивлению, Бех молча кивнул головой. Мы встали, и я помолилась, благословив сына на предстоящий суд и весь его тернистый путь. Мы простились, папа всем вам передавал большой привет», – закончила свой рассказ бабушка.

В короткий срок мы сумели передать верующим на Западе просьбу об адвокате-христианине. Ответ пришел из Швейцарии, от пастора Евгения Фосса, что христианский адвокат из Норвегии Альф Герем берет на себя защиту Георгия Винса на суде. Мы сразу же написали от семьи заявление министру иностранных дел Громыко с просьбой разрешить Альфу Герему въезд в Советский Союз. Ответа на это заявление правительству, как и на другие заявления и петиции от нашей семьи, мы не получили.

17: В зале суда

Суд начался в понедельник, 27 января 1975 года, длился до конца недели. Как обычно, день и место суда от нас тщательно скрывали. Каким-то чудом удалось узнать, где будет суд, и в понедельник я отпросилась у начальника на работе и поехала туда. Районное здание суда находилось недалеко от завода «Большевик», в небольшом тупике, который упирался в воинскую часть.

В переулке уже стояло человек двадцать верующих. Но к зданию суда их не подпускали: оно было оцеплено милицией, друзья стояли на противоположной стороне тротуара. Мамы, бабушки и Пети среди них не было: очевидно, они находились в зале суда. Я подошла к милиционеру, сказала, что я дочь подсудимого, показала паспорт и попросила пропустить меня на суд. Он ответил, что до перерыва в зал заходить нельзя, нужно ждать на улице.

Я перешла через дорогу, где стояли друзья.

Меня окружили, стали рассказывать, что пускают на суд только по пропускам, даже мама, бабушка и Петя с трудом прошли. Здесь, у здания суда, собрались в основном старушки из нашей церкви (остальные были на работе – мало кого успели оповестить, что начался суд). Одна из них, бабушка Поля, пришла на костылях. Месяца за два до этого она сломала ногу, лежала в гипсе, теперь гипс сняли, но

ходить и стоять ей еще было трудно. Она привезла с собой маленький складной стульчик, поставила его под дерево и так просидела до самого вечера в ожидании вестей из зала суда.

Перерыва мы прождали часа два. Было морозно, шел снег. Кто-то разведал, что на углу есть аптека, куда можно по очереди ходить греться. На сердце была тревога: что происходит в зале? Бабушка Поля предложила совершить молитву. Мы стали в круг, склонили головы, и несколько человек помолились вслух. Поддержка друзей так много значила для меня в тот день! Я думала, глядя на этих старушек: почему они не уходят домой, а согласны до вечера стоять на морозе, хотя уже ясно, что в зал суда их не пустят? Только чтобы быть рядом, ловить каждое слово тех, кто выходит из зала: как там Георгий Петрович? что говорил? бодрый ли? И я подумала: как одиноко было бы в эти дни нашей семье без их участливых вопросов и доброго понимания, светившегося в глазах.

Наконец, открылась парадная дверь, вышли мама с бабушкой. Стали рассказывать о первых впечатлениях. Папа держится хорошо, бодрый. Когда судья Дышель разъяснил ему права подсудимого и спросил, будут ли вопросы к суду, он сделал отвод государственному защитнику Луженко, которому суд поручил вести защиту. Свой отвод он обосновал тем, что в предъявленном ему обвинении затрагиваются вопросы вероисповедания евангельских христиан-баптистов и даже вводятся в криминал отдельные главы из Библии. Следовательно, адвокат-атеист некомпетентен осуществлять защиту. Адвокат Луженко согласился с доводами подсудимого и покинул зал. Судья спросил, берет ли подсудимый защиту на себя? Папа ответил: «Нет, у меня есть адвокат. По моей просьбе семья пригласила для участия в суде адвоката-христианина». Судья Дышель обратился к маме за разъяснением. Она сказала: «Адвокат-христианин из Норвегии, доктор юридических наук Альф Герем, выразил согласие осуществлять защиту Георгия на суде. Наша семья направила телеграмму министру иностранных дел Громыко с просьбой разрешить адвокату въезд в СССР для участия в судебно процессе. Однако из Европы нам сообщили, что Альфу Герему отказано в визе». Выслушав это, папа предложил отложить судебное разбирательство, пока его адвокат не будет допущен на суд. Судья отклонил ходатайство подсудимого.

Дальше рассказать мама не успела: перерыв окончился, пора было возвращаться в зал. Меня на этот раз также пропустили. Зал был большой, человек на сто. Свободных мест не было, зал заполнили сотрудники КГБ, которые входили по пропускам. Из верующих, кроме нашей семьи, пропустили только двух 75-летних старцев: Е.Т. Коваленко и А.Т. Кечика. В последующие дни верующим свидетелям тоже разрешалось оставаться в зале после того, как они дадут свои показания в суде.

Хотя мы сидели близко к скамье подсудимых, разговаривать с папой нельзя – выведут из зала. Но мне достаточно было просто смотреть на него: так много хотелось выразить взглядом! И по его глазам постараться понять, что у него на душе. Мы не виделись почти год: с того памятного для меня последнего разговора, когда ходили по московским лужам. Сейчас, в судебном зале, он собран, сосредоточен, вокруг чужие, враждебно настроенные люди. Здесь он держится, ну а по ночам в камере, когда остается один и видит его только Господь? Что тогда вырывается из его груди? Так хочется все это понять, встретившись с ним взглядом. Но нельзя отвлекаться, нужно внимательно слушать: судья уже приступил к судебному разбирательству[12].

Судья: «Имеются ли у подсудимого ходатайства к суду?»

Г.П. Винс: «Да. Я ходатайствую о повторной экспертизе всей религиозной литературы, приобщенной к делу, так как проведенная для суда экспертиза носит научно-атеистический характер. Я настаиваю на проведении научно-христианской экспертизы. В литературе, приобщенной к судебному делу, фигурирует моя рукопись «Верность» с краткими биографиями служителей церкви Одинцова, Дацко, Иванова-Клышникова, Шипкова. Они были осуждены за веру в 30-е годы, умерли в заключении, а затем посмертно реабилитированы после разоблачения культа личности Сталина.

Эксперты-атеисты дают заключение, что в моей рукописи содержится клевета на советскую действительность. В связи с этим я прошу суд сделать запрос в прокуратуре СССР и Комитете по делам религии при Совете министров СССР и огласить в суде причину ареста этих служителей Союза баптистов 30-х годов[13]. Прошу также

запросить в прокуратуре СССР и огласить в суде документы об их реабилитации. Я хочу знать, на каком основании эти посмертно реабилитированные служители церкви квалифицированы научно-атеистической экспертизой как уголовные преступники».

Судья (перебивает): «Это все, Винс?»

Г.П. Винс: «Нет, у меня есть и другие ходатайства к суду. Прошу запросить в Комитете по делам религии при Совете министров СССР и огласить в суде истинную причину ликвидации Союза баптистов в 1935 году. И сделать запрос в прокуратуре СССР об общем числе верующих, осужденных за религиозные убеждения с 1929 года по сегодняшний день.

Еще прошу сделать запрос о количестве изъятой при обысках духовной литературы: Библий, Евангелий, сборников духовных гимнов, христианских книг и журналов с 1929 года по сегодняшний день. А в Министерстве финансов сделать запрос об общей сумме денег, изъятых у верующих в виде штрафов за проведение молитвенных собраний с 1961 по январь 1975 года».

Судья: «Это все, подсудимый Винс?»

Г.П. Винс: «Нет, не все. Но остальные ходатайства я могу подать вам в письменном виде».

Секретарь суда берет у подсудимого список ходатайств и передает судье. Суд, посовещавшись, отклоняет все ходатайства подсудимого. Тогда подсудимый делает отвод составу суда на том основании, что:

а) он лишен защиты – его адвокат Альф Герем не был допущен в зал суда;

б) суд отклонил его ходатайства, имеющие непосредственное отношение к судебному разбирательству.

Судья Дышель не признал отвода составу суда и объявил, что процесс продолжается. Подсудимый заявил, что не признает суд правомочным и отказывается от дальнейшего участия в судебном разбирательстве. Судья зачитал обвинительное заключение. Оно было длинным, на многих листах, на чтение ушло минут сорок. Затем был объявлен перерыв до 10 утра следующего дня.

Судья и народные заседатели покидают зал первыми, затем охрана выводит папу. Мы провожаем его глазами. В зале оживление, громкие разговоры, все устремляются к дверям. Нас окружают незнакомые мужчины, раздаются оскорбительные выкрики, особенно в адрес бабушки и Пети. Впечатление гнетущее: нас всего небольшая горсточка, и кажется, мы настолько беззащитны и бесправны, что нас с легкостью раздавит «государственная машина». Поскорей бы вырваться из этого зала – на улицу, где остались друзья!

На дворе уже стемнело, зажглись фонари. На тротуаре напротив здания суда стоит уже не 20 старушек, а большая толпа верующих. Пришла почти вся наша церковь. Друзья окружают нас, мы рассказываем, что происходило в зале. Ефим Тимофеевич Коваленко призывает к тишине и вслух совершает молитву, чтобы Господь дал папе мужество выстоять до конца.

Бабушка совсем обессилела после такого напряженного дня, вот-вот упадет. Она опирается на Петину руку. Кто-то останавливает такси, и мы едем домой. Дверь нам открывает Галя Голубец, близкий друг нашей семьи. Она взяла на неделю отпуск, чтобы побыть с младшими детьми, пока идет суд. Галя помогает бабушке раздеться, приглашает всех к столу.

Стол накрыт в гостиной. Мы садимся за стол, чувствуя себя гостями в собственном доме. Это необычное ощущение, но Галя настаивает, что помощь на кухне не нужна, у нее все готово, осталось только подать. «А у вас был такой трудный день! Хоть теперь немного расслабьтесь, поешьте горячего», – говорит она, разливая по тарелкам дымящийся суп. Мне трудно сдержать слезы: в этом простом проявлении заботы и доброты виден Господь.

«Разве ты не знаешь? разве ты не слышал, что вечный Господь Бог, сотворивший концы земли, не утомляется и не изнемогает? Разум Его неисследим. Он дает утомленному силу, и изнеможенному дарует крепость» (Исаии 40:28-29).

12 Каждый день после суда мы старались подробно записать все, происходившее в зале. Записи были переданы в Совет родственников узников для опубликования хода судебного процесса.

13 Председатель Союза Н.В. Одинцов был арестован в 1933 году; генеральный секретарь П.В. Иванов-Клышников – в 1932 году; заместитель председателя П.Я. Дацко – в 1934 году.

18: Расправа

Следующие три дня продолжалось судебное разбирательство. Выступали эксперты с заключениями литературоведческой экспертизы по поводу религиозных книг и статей, изъятых у папы при аресте. Давали показания свидетели, судья Дышель и прокурор Цехоцкий задавали им вопросы. Допросив каждого, судья спрашивал у подсудимого, есть ли у него вопросы к свидетелю. Ответ всегда был один: «Вопросы к свидетелю у меня есть, но я задам их только в присутствии моего адвоката Альфа Герема».

Поражал полный произвол со стороны судьи, прокурора, экспертов, отсутствие объективного подхода. У них не было желания разобраться в фактах, выяснить обстоятельства. Создавалось впечатление, что приговор вынесен заранее, еще до начала суда, и перед нами только разыгрывался фарс, игра в «законность». Бабушка дала всему такую оценку: «Это была настоящая расправа!»

Одним из пунктов обвинения была проповедь папы на свадьбе у членов нашей церкви Василия и Веры Шупортяк, состоявшейся 24 августа 1969 года.

Свидетели утверждали, что в проповеди Винса содержались подстрекательства к несоблюдению законов, призыв не участвовать в общественной жизни страны. В обвинительном заключении даже

утверждалось, что «брак был фиктивный, и сектанты под прикрытием свадьбы провели во дворе Анатолия Драги свое сборище, на котором присутствовало более 500 человек».

Ни Василия, ни Веру Шупортяк не пригласили свидетелями на суд. Вера сама обратилась к судье с требованием, чтобы ее допросили как свидетеля. Судья согласился. Она представила семейную фотографию с двумя маленькими сыновьями и грудной дочерью и метрики детей в подтверждение того, что их брак не фиктивный. Отвечая на вопросы судьи и прокурора, Вера приводила доказательства, что во время свадьбы никто не нарушал общественного порядка; что в проповеди Винса не содержалось призывов к несоблюдению законов, это была чисто евангельская проповедь.

Судья: «Свидетель Шупортяк, отвечайте только на поставленные вам вопросы! Вас никто не просит делать выводов. У нас имеется магнитофонная запись проповеди Винса, и эксперты, прослушав ее, пришли к заключению, что там содержатся призывы к несоблюдению советских законов».

Вера: «Значит, ваши эксперты сделали ошибочные выводы. Я предлагаю сейчас, в зале суда, прослушать эту кассету, она всего на полчаса. И тогда вы сами услышите, о чем была проповедь Георгия Петровича».

Судья: «У нас нет необходимости прослушивать кассету! Вполне достаточно заключения экспертов по этому поводу. Садитесь, свидетель Шупортяк, к вам больше нет вопросов!»

Вера: «Но здесь решается судьба человека! Вы готовы осудить его на долгий срок лишения свободы, а у Георгия Петровича пятеро детей. Вы обрекаете их на детство без отца! Неужели это не достаточно веская причина, чтобы прослушать кассету?»

Судья: «Я же сказал вам: садитесь, свидетель Шупортяк! Вопросов к вам больше нет. Вы что, хотите, чтобы вас вывели из зала?!»

В такой обстановке проходил суд. При допросе молодой христианки Лены судья стал унижать ее, с едким сарказмом комментируя ее ответы на вопросы прокурора. Папа резко прервал судью: «Не смейте издеваться над христианской верой!» На четвертый день выступил с

обвинительной речью прокурор Цехоцкий и потребовал десять лет лишения свободы с конфискацией личного имущества. Хотя мы заранее знали, что срок будет немалым, речь прокурора поразила жестокостью. После этого судья предложил подсудимому сказать защитное, а затем – последнее слово.

Судья: «Подсудимый Винс, вам предоставляется защитное слово».

Г.П. Винс: «От защитного слова я отказываюсь на том основании, что защиту на этом судебном процессе должен осуществлять мой адвокат Альф Герем, который не был допущен на суд. Поэтому защиту на себя я не беру, а предаю ее в руки моего Господа Иисуса Христа!»

Судья: «Значит, от защитной речи вы отказываетесь? Что ж, это ваше дело. Теперь вам, согласно уголовно-процессуальному кодексу, предоставляется последнее слово».

Г.П. Винс: «Последнее слово за меня в этом судебном процессе скажет мой Господь, Который есть Альфа и Омега, начало и конец, первый и последний!»

Судья объявил, что приговор будет зачитан на следующий день. Мы вышли на улицу. Уже стемнело, верующих собралось в этот вечер человек до двухсот. Мы сообщили им печальную новость: прокурор запросил десять лет лишения свободы. Все были подавлены. И вдруг кто-то из молодежи крикнул: «Смотрите, к главному входу подали «воронок»! В нем повезут Георгия Петровича!» Неожиданно вся толпа верующих лавиной двинулась к «воронку». Это произошло настолько стихийно, что дежурившие в переулке милиционеры не успели опомниться и задержать нас.

Мы остановились метрах в трех от машины, заполнив тротуар и проезжую часть. А так как с другой стороны был тупик, проехать «воронок» не мог. Кто-то запел: «За евангельскую веру, за Христа мы постоим!» Все подхватили, но после первых же слов пение оборвалось: многие плакали. Но мы понимали, что нужно пересилить себя, продолжать петь, узник нуждается в ободрении! И сначала несколько голосов, а потом все двести человек запели: «Жарок бой, и страшно пламя, и колеблются места. Поднимите выше знамя победителя Христа!»

Работники милиции кричали на нас, расталкивали в стороны, требовали разойтись, дать машине проехать. Но их было мало, и ничего сделать с такой массой людей они не могли. Мы спели несколько гимнов и минут через десять спокойно отошли в сторону, дав «воронку» проехать. На сердце была радость: я представляла, как ободрило папу пение друзей после требования прокурора осудить его на десять лет.

Папа впоследствии описал впечатления того дня: «После обвинительной речи прокурора конвой отвел меня в машину, чтобы везти в тюрьму. Сижу я в темном «воронке», и вдруг раздается пение. Конвой сказал: «Это ваши поют!» Не знаю, как вела себя охрана на улице, но здесь, в машине, конвой улыбался. Помню, что машина тронулась, но сразу остановилась. А я сидел и слушал наши христианские гимны «За евангельскую веру» и другие.

Особенно ободрил меня гимн «Воркута». Это известный гимн узников, он был написан в лагере и полон светлой надежды, что Господь не оставит:

«Падут оковы, цепи разорвутся!

Христовы воины свободу обретут!

Великой силой Духа облекутся и слово

Истины в народы понесут!»

Слова этого гимна звучали в сердце, когда «воронок» вез меня в тюрьму».

На следующий день был зачитан приговор.

Члены нашей семьи, а также Вера Шупортяк, Володя Моисеев и другие верующие свидетели, которых пропустили в зал, пронесли живые розы и гвоздики, спрятав их под пальто. Во время чтения приговора все стояли, длилось это около часа: опять, как и в обвинительном заключении, перечислялись разные факты, и все подводилось под соответствующие статьи Уголовного кодекса. Я смотрела на папу: он стоял лицом к окну и, пока зачитывался

приговор, смотрел на серое зимнее небо. Меня удивило глубокое спокойствие, которое чувствовалось в нем.

Наконец, судья произнес: пять лет лагерей строгого режима и пять лет ссылки с конфискацией имущества. Он обратился к подсудимому: «Вам понятен приговор?» Папа ответил: «Да. Слава Иисусу Христу!» И тут произошла дикая сцена: работники КГБ начали бурно аплодировать, топать ногами.

Раздались выкрики: «Правильно осудили! Правильно! Мало дали! Пожизненно его!» От поднятого шума, от этих злобных выкриков создавалось гнетущее впечатление разнузданного произвола. В этот момент Петя бросил папе цветы и крикнул: «Папа, это за твое мужество!» Мы все тоже стали бросать ему цветы, мама крикнула: «Георгий, ты победил в этом процессе!»

Охрана повела папу к выходу между рядами через весь зал. Он шел с цветами в руках. Когда он поравнялся со мной, я крикнула: «Со Христом и в застенках свобода! Без Христа и на воле тюрьма!» Стоявшие рядом работники КГБ зашипели: «Фанатичка! Баптистка! Всех бы вас в тюрьме сгноить!»

Годы скитаний по тюрьмам не вычеркнуть!
Планы уюта пусть были расколоты,
Знает Плавильщик: в горниле мучительном
Лучшее золото!
Фраза из сумрака: «Стенами толстыми
Ты окружен... А годы – немолоды!»
И вспоминается слово апостола:
«Будьте, как золото!»
В небе оно Иисусом воспримется
И засияет подобно пламени –
Ведь очищалось от разных примесей
В огненных камерах.

19: Против ветра

После суда нам дали свидание с папой в Лукьяновской тюрьме. Он не знал, в какой лагерь его повезут отбывать срок. Один из охранников намекнул, чтоб готовился на Дальний Север, и папа попросил передать ему теплые вещи. В тюрьме раз в месяц принимались передачи весом до 5 кг. Сразу же после свидания мама передала ему теплую одежду и немного продуктов. Через месяц, когда мы понесли следующую передачу, его уже не было в киевской тюрьме, увезли на этап.

Более двух месяцев мы не имели от него никаких вестей. Наконец, пришло письмо, на конверте стоял штамп «Якутск». Петя развернул на столе карту Советского Союза, и мы нашли Якутск. Крайний Север, за много тысяч километров от Киева. Добраться туда можно только самолетом. На первое свидание, чтобы разведать дорогу, полетели мама с Петей. Лагерь был расположен в небольшом поселке Табага в 30 километрах от Якутска.

В то лето передо мной встал выбор: как жить дальше. Мне предложили уехать из Киева и помогать в работе издательства «Христианин». О такой возможности я могла только мечтать! Труд печатников был овеян для меня особой романтикой: они посвятили жизнь самому необходимому – тайно печатали Евангелия, Библии, сборники гимнов, христианские журналы, детскую литературу. В

нашей атеистической стране, где Библии отнимались при обысках и уничтожались, я не видела более высокой цели, которой стоило посвятить жизнь. Большое значение для меня имело и то, что служение папы до ареста было тесно связано с издательством «Христианин».

В журнале «Вестник Истины» было опубликовано стихотворение Василия Максимовича Беличенко, посвященное печатникам:

Воинствует безбожья рать
От Приамурья и до Риги,
И продолжает отнимать
Духовно-нравственные книги.
Но вера строит средь руин
И вот недавно огласили:
Издательство «Христианин»
Организовано в России.
Печатники, помним о вас:
Ведь вы на труд и подвиг вышли
Во дни гонений! Да воздаст
Вам благость Свою Всевышний.
Дай Бог не раз вам отмечать
Работы ревностной итоги,
Чтоб христианская печать
Еще порадовала многих.

Пресвитер нашей церкви одобрил мое желание «уйти на труд»[14], но мама и бабушка возражали: «Достаточно переживаний для нашей семьи! Папа в узах на десять лет, его завезли в такую даль: на Крайний Север, в Якутск! А теперь и ты станешь кандидатом в тюрьму: уедешь

из Киева, пока где-то не арестуют. Нет, это уж слишком, ты нужна дома!» Я пыталась убедить их, что в 22 года мне пора избрать свой жизненный путь, и была твердо уверена, что Бог призывает меня на это служение.

Но идти на конфликт с близкими я не могла, и предложила молиться об этом и ожидать следующего свидания с папой, чтобы посоветоваться с ним. На встречу с папой мы всей семьей полетели в ноябре. Я много молилась перед поездкой в Якутск: там предстояло принять решение, которое определит дальнейшее направление моей жизни. На свидании, зная, что комната прослушивается, я написала папе на листе бумаги о своем желании трудиться в христианской печати. Как только он прочитал, мы сожгли этот лист. Папа ответил не сразу, он хотел все обдумать, посоветоваться с мамой.

На следующее утро он написал мне:

> «Я рад за тебя дочка, что труд на ниве Божьей ты считаешь главным делом жизни. Мама высказала свои опасения, и отчасти я с ней согласен. Тебе тоже будет больно, если тебя арестуют. Но как я могу сказать: «нет!», если Господь вложил это желание в твое сердце? Даю тебе свое отцовское благословение! Трудись для Господа, Наташа, и помни, что ты постоянно будешь в моих молитвах».

Я уехала из Киева. Начался совершенно новый для меня период жизни: незнакомые обстоятельства, строгая дисциплина «подполья», новые друзья. Большая личная ответственность: каждый мой промах мог привести к аресту других, к конфискации книг, которые доставались печатникам такой дорогой ценой. По-новому стала я воспринимать реальность Божьей помощи и охраны. Годы «на труде» стали суровой школой жизни.

В нашей бригаде по развозке литературы было трое, иногда четверо человек. Загружались мы до предела: сумки с трудом можно было

поднять. Перед тем, как ехать на вокзал, всегда молились о Божьей охране, чтобы духовное богатство в наших сумках мы могли доставить по назначению. Для меня реальной поддержкой в то время был Псалом 113:11-17. Там проводится яркий контраст между теми, кто уповает на всемогущего Бога, и язычниками, надеющимися на мертвых идолов, у которых «есть глаза, но они не видят, есть уши, но не слышат». В заключение псалмопевец уподобляет отвергающих Бога тем идолам, на которых они надеются.

И я просила Господа, чтобы во время наших поездок Он сделал невидящими глаза тех, кто обязан следить за пассажирами на вокзале и мог остановить нас, проверить документы и багаж. Каждый раз, выходя из дома с сумками, полными книг, мы отправлялись навстречу опасности, полагаясь на Божью защиту.

Иногда, когда поезд подходил к нужной нам станции, кто-то из пассажиров вызывался помочь донести сумки до тамбура. Мы старались не допустить этого, так как вес сумок мог вызвать нежелательные расспросы. А когда отказаться от помощи усердного попутчика не удавалось, у него вырывался возглас: «Девочки, да вы что, кирпичи возите? Сумки ведь неподъемные! Так и надорваться недолго!» В такой момент мы могли только мысленно просить Бога о защите и надеяться, что поезд подойдет к нашей станции как можно скорей.

Выйдя из вагона, мы через запасные пути, миновав здание вокзала, шли к автобусной остановке. В дом друзей входили измученные тяжелыми сумками, долгой дорогой. Но то, что ожидало нас там, снимало всякую усталость и окрыляло на дальнейший труд. Выложив привезенную литературу: Библии, Новые Заветы, маленькие Евангелия от Иоанна, детские книги, мы видели слезы счастья на глазах пресвитера и его жены, слышали их благодарственные молитвы, и это было лучшим вознаграждением. Брат делился с нами, сколько нужд смогут восполнить эти книги не только в его церкви, но и по всей округе, куда их распределят.

Потом нас приглашали к столу, и за обедом мы узнавали, чем живет поместная церковь, какие благословения посылает Господь. А нас расспрашивали о жизни верующих в других городах, где приходилось

бывать, развозя литературу. Вечером мы наконец-то могли помыться, постирать свои вещи и ночью спать не на вагонной полке, а в обычной кровати, и пол под нами не покачивался, и не стучали колеса на стыках рельс.

Под стук колес звучали в душе любимые строчки:

А на следующий день – снова в путь.
Опять вокзалы, поезда, полустанки...
И так месяц за месяцем, год за годом.
Для меня день завтрашний неведом...
Знаю лишь: без трудностей не будет!
Вслед за Иисусом против ветра
Я иду навстречу новым бурям.
Но в душе небесный мир царит:
Свет и радость – вечности денница...
Дух мой слаб, и вера – не гранит,
Но зато – крепка Его десница!

14 Так в наших христианских кругах называлась жизнь «в подполье»: для этого необходимо было уехать из родного города и участвовать в печатанье или развозке христианской литературы, скрываясь от ареста и находясь на «нелегальном положении».

20: Крутой поворот

31 марта 1979 года закончилась первая половина папиного 10-летнего срока. Предстояло еще пять лет ссылки где-то в Сибири. Мы готовились ехать к нему, как только узнаем его новый адрес. Решили взять с собой вещи первой необходимости, так как не были уверены, что из вещей можно достать в сибирской глуши. В бабушкиной комнате поставили два больших чемодана и складывали в них кастрюли, ложки, полотенца, одеяла, постельное белье. Кое-что докупали, хотя в основном старались обойтись тем, что у нас уже было.

Очень тревожило, что более двух месяцев мы не имели вестей от папы. Последнее письмо пришло в феврале из лагеря «Табага». В апреле мама послала телеграмму начальнику лагеря: «Беспокоюсь о жизни Георгия Винса, срочно сообщите, где он». Из лагеря пришел ответ: «Заключенного Винса увезли на этап в Тюмень». Прошло еще две недели, писем все не было, и мама решила ехать на поиски.

Вторник, 24 апреля, Тюмень

Прямо из аэропорта мама поехала в тюрьму. Из опыта она знала, что приемной на вопрос, здесь ли находится такой-то заключенный, ответа обычно не дают. Самый верный путь – принести передачу,

подать в окошко, и если дежурный, проверив списки, передачу примет, значит, он в этой тюрьме. А если передачу вернут, сказав, что такого здесь нет, придется искать его в другом месте.

Мама подала передачу в окошко, дежурный взял ее и скрылся за фанерной перегородкой. Она ждала и тихо молилась. Наконец, снова открылось окошко, дежурный объявил: «Да, Винсу передача положена. А вы кто будете, жена?» Мама кивнула, сердце радостно билось: «Георгий здесь! Благодарю, Господь, что я с первой же попытки нашла его». Она спросила дежурного:

– А могу я получить свидание с мужем?

– Вот этого я не знаю. Обратитесь к начальнику тюрьмы.

– А как попасть к нему на прием?

– Сегодня уже поздно. Напишите заявление и приходите завтра к 11 утра.

Среда, 25 апреля. Тюмень

Переночевав в гостинице, мама с утра пошла в управление мест лишения свободы, чтобы узнать, куда папу определят на ссылку. Ее принял начальник. Выслушав, попросил обождать в коридоре, пока он наведет справки. Минут через пятнадцать снова пригласил в кабинет и объявил, что ссылку Винс будет отбывать в Тюменской области, в районе поселка Березово. На вопрос мамы, когда его доставят на место ссылки, начальник сказал: «Недели через две-три. Как только сойдет лед с реки Тобол, этап заключенных баржей отправят на север».

Из управления мама поехала в тюрьму. Начальник тюрьмы, проверив паспорт, подписал разрешение на свидание. Когда конвоир ввел ее в комнату, папа уже был там. Но обнять друг друга они не смогли – их разделяла перегородка из толстого стекла.

Охранник кивком головы указал маме на телефонную трубку. Только тогда она обратила внимание, что папа уже приложил к уху такую же трубку. Она взяла свою, но не успели они сказать и двух слов, как в трубке раздался незнакомый голос: «Прослушайте условия

свидания!» Оказывается, третья трубка была в руках у офицера охраны в другом конце комнаты. Он предупредил, что будет слушать их разговор – такой порядок.

Папа сказал:

– Надя, вот так сюрприз! Как ты здесь оказалась? Откуда узнала, что я в Тюмени? Писать вам с этапа я не мог: не положено.

– Начальник лагеря «Табага» на мой запрос сообщил, что тебя повезли в Тюмень.

– Слава Богу! Ты не представляешь, что значит для меня твой приезд. Условия здесь ужасные: я в транзитной камере, забита она до отказа, спим на цементном полу. Грязь, вши – просто невыносимо!

– Вчера я узнала, что ты здесь, и сразу же дала телеграмму домой. А сегодня пошла в управление, и там мне сказали, что на ссылку тебя повезут в район поселка Березово.

– Но когда? Мой лагерный срок закончился уже три недели назад, и они не имеют права держать ссыльного в тюрьме. В этих условиях каждый лишний день – пытка.

– Начальник сказал, что повезут вас только в мае, когда сойдет лед с реки.

Через 30 минут свидание закончилось. Они расстались, мама улетела в Москву. А папа на цементном полу своей переполненной камеры вспоминал каждую деталь свидания. Сколько радости, света внесла в его жизнь эта встреча! Он думал о ссылке, о том, что к нему приедет семья. Представлял себе жизнь в небольшой избушке в глухой сибирской деревне. Было немного тревожно, сумеют ли дети после Киева приспособиться к примитивному быту в такой глуши. Но ничего, привыкнут, главное – вся семья снова будет вместе.

Четверг, 26 апреля, Тюмень

После завтрака с грохотом открылась дверь камеры. Перекрывая гул голосов, конвоир крикнул: «Винс, с вещами!» Папа встрепенулся: неужели повезут на ссылку? Идя к выходу, с тревогой подумал: почему

меня одного? Его ввели в кабинет начальника тюрьмы. Там сидели еще двое военных. Начальник объявил:

– Заключенный Винс, пришло распоряжение срочно доставить вас в Москву. Сопровождать будет московский конвой.

– В Москву? Но зачем? По какому поводу?

– Распоряжение вышестоящего начальства! Мне не дали никаких объяснений. Сейчас поедете прямо в аэропорт.

Что происходит? На ссылку обычно везут в Сибирь, на Дальний Восток, подальше от дома, а его в Москву? Он терялся в догадках: может, арестованы другие братья Совета церквей ЕХБ, готовится групповой процесс, и его хотят приобщить к делу, добавить срок? Тоска сдавила сердце: уже так настроился на ссылку, мечтал пожить с семьей! Мысленно молился: «Господь, помоги и это принять, как из руки Твоей!»

После нескольких часов полета прибыли в московский аэропорт. К трапу подали «воронок», около часа везли куда-то. Наконец, въехали в ворота тюрьмы. А там, как обычно, личный обыск, оформление документов. На ночь поместили в одиночную камеру. Не спалось, одолевали тревожные мысли, ночь он провел в молитве.

Пятница, 27 апреля, Москва

Утром повели в баню, одежду забрали для прожарки (так в тюрьме борются со вшами). Когда вышел одеваться, верхнюю одежду еще не вернули: видимо, не успели провести дезинфекцию. Вошел конвоир:

– Винс, почему не одеваетесь?

– Мне одежду не вернули.

– Так вот же она лежит! – указал он на сложенный на табурете костюм, белую рубашку, галстук.

– Это не мои вещи.

– Одевайтесь, это принесли для вас! – приказал конвоир.

Билась тревожная мысль: «Что происходит? К чему этот маскарад?» Но пришлось одеться: заключенный не волен распоряжаться собой. Конвоир повел его по коридору, открыл дверь кабинета – там уже ждал государственный чиновник. Когда охранник вышел, чиновник объявил: «Гражданин Винс, решением президиума Верховного Совета СССР вы лишены советского гражданства и сегодня же будете выдворены в США».

Папа возразил:

– Россия – моя родина! На каком основании вы лишаете меня гражданства?

– За вашу противозаконную деятельность!

– Но я – проповедник Евангелия! Моя деятельность была чисто религиозной.

Чиновник перебил:

– Ваш вопрос решался на высшем государственном уровне. Запомните, Винс, никогда больше ваша нога не ступит на советскую землю! Через два часа вы будете на пути в Америку.

Папу посадили в машину, доставили в аэропорт Шереметьево, ввели в самолет. В салоне он заметил еще четверых заключенных, рядом с каждым – по два охранника. Мелькнула мысль: «Значит, не меня одного высылают!» Начальник конвоя приказал ему сесть у окна, рядом сели два конвоира. Полет длился десять часов. Было скорбно на сердце, теснились мысли: «Что ждет меня на чужбине? Как сложится жизнь?» Утешало сознание, что, хотя рушилось все привычное, Господь оставался неизменным. И твердая вера, что Бог силен сохранить и в неведомой Америке, как хранил на протяжении всех лет тюрем и лагерей… В сердце звучали строки:

Мы покидали наш родимый край
Не по своей, конечно, доброй воле.
Сжималось сердце от щемящей боли,
Когда Москва на мокром взлетном поле

Твердила нам последнее: «Прощай..».

В аэропорту Нью-Йорка всех пассажиров пригласили на выход, кроме заключенных и их охраны: им сказали оставаться на своих местах. Затем в салон ввели двух советских шпионов, задержанных в Соединенных Штатах. Только тогда пятерым узникам разрешили выйти из самолета. Их встретили представители госдепартамента США и объяснили, что только что был произведен обмен заключенными по договоренности между правительствами Картера и Брежнева.

С первых же минут на свободе их окружили репортеры, со всех сторон тянулись микрофоны, мелькали вспышки фотоаппаратов. На ночь всех пятерых поместили в гостинице в центре города, каждому дали по отдельному номеру. Их комнаты были на 21 этаже. Войдя в свой номер, папа впервые за эти длинные сутки остался один. Он подошел к окну. Был поздний вечер, но на ярко освещенных рекламами улицах Нью-Йорка кипела жизнь. И все было таким чужим! Рождались строки:

Первые сутки в Нью-Йорке,
Первый глоток свободы…
Привкус разлуки горькой:
На годы… Возможно, на годы.
Гостиница высшего класса,
Кругом репортеры… люди…
Свобода обрушилась сразу,
Как залпы тысяч орудий!
А я – во вчерашнем мире:
В памяти все всплывают
Этапы и тюрьмы Сибири,
И лагерь якутского края…

Вижу: братьев терзают,

В тюрьмы ввергают снова;

И я на весь мир утверждаю:

«Это – за веру Христову!»

Суббота, 28 апреля, Киев

А тем временем дома мы ожидали возвращения мамы из Тюмени, не подозревая о событиях, круто изменивших папину судьбу. В телеграмме, полученной три дня назад, мама сообщала, что им с папой дали свидание в тюрьме. Мы надеялись, что ей удалось узнать, куда его повезут на ссылку.

В то утро бабушка встала, как обычно, раньше всех. Когда она готовила завтрак, раздался звонок в дверь. «Кто это в такую рань?» – удивилась она и пошла открывать. На крыльце стояла Мария Ивановна, мамина младшая сестра. Она была очень взволнована. Даже не поздоровавшись, с порога спросила:

– Лидия Михайловна, вы слышали новость? Георгий в Америке!

Бабушка ничего не могла понять, стараясь успокоить ее:

– Мария, проходи, садись! Хочешь чаю? Что ты говоришь об Америке?! Надя три дня назад видела Георгия в Тюмени, она дала нам телеграмму.

– Нет, вы просто ничего еще не знаете! Мне сегодня не спалось, я включила «Голос Америки» и услышала по новостям, что освободили пятерых узников совести. Прямо из тюрьмы – в Америку! Георгий – один из них! Я сразу же разбудила Сашу, чтоб и он услышал. Он сказал мне срочно брать такси и ехать к вам[15].

Бабушка все еще не могла поверить:

– Не может быть! Мы пакуем чемоданы на ссылку в Сибирь.

– Включите радио, когда будет следующая передача «Голоса Америки». И тогда сами убедитесь!

Бабушка разбудила всех в доме: слишком необычной была эта новость. Но до конца мы поверили, только когда передали повторное сообщение по «Голосу Америки». Мы даже услышали папин голос: всех пятерых освободившихся заключенных попросили сказать в микрофон короткое приветствие своим семьям. После этого у нас не оставалось сомнений, что папа действительно за океаном.

А мама в то утро прибыла из Москвы и ночным поездом ехала с вокзала домой. Дверь ей открыл Петя и с порога спросил:

– Где папа?

– В Тюмени. Ты не представляешь, как успешно я съездила – нам даже свидание дали! А в управлении я узнала, что ссылка будет в Березово.

Петя перебил:

– Мама, папа в Америке!

– Не может быть! Я его три дня назад видела в пересыльной тюрьме!

Петя рассказал о сообщении по «Голосу Америки».

С того дня все закружилось в вихре событий. В понедельник к нам в дом пришли представители власти и объявили: «В договоре между главами государств предусматривается, чтобы ваша семья могла воссоединиться с отцом в США. Вот анкеты для выезда из Советского Союза; садитесь и заполняйте прямо сейчас».

Бабушка сказала, что отказывается ехать: «Мне уже 72 года – поздно менять место жительства!» Они не знали, что на это сказать, и ушли, чтобы посоветоваться с вышестоящими органами. Вернувшись через час, заявили бабушке: «В Америку поедет вся семья! Все без исключения! А если откажетесь идти в самолет, вас насильно занесут!» Ей пришлось подчиниться, и мы стали заполнять анкеты[16].

Весть, что мы уезжаем, быстро распространилась среди верующих. Из разных городов стали приезжать друзья прощаться. Работники КГБ

проявляли в эти дни особое рвение: напротив калитки поставили автобус с занавешенными окнами, и оттуда шло постоянное наблюдение за каждым, кто входил и выходил из нашего дома. В конце улицы многих друзей останавливали, проверяли документы. Напряженная обстановка продолжалась все шесть недель, пока мы уехали из Киева.

Смутные это были дни. С одной стороны, радовало, что папа наконец-то на свободе и скоро мы будем вместе. Но при этом мы отчетливо понимали, что предстоящая разлука с друзьями – навсегда! Нас будут разделять государственные границы, которые не перейдешь. Часть сердца оставалась с друзьями, которые приезжали прощаться. Особенно остро переживала это бабушка: узники, их семьи, Совет родственников узников – она привыкла разделять их судьбу, жить одними интересами. А теперь…

13 июня, аэропорт Шереметьево

В день отлета в международном аэропорту нас провожало человек сорок. Были друзья из Киева, Ленинграда, Нарвы, Ворошиловграда, Кишинева, Бреста. В Москву мы прибыли за день до отлета, и каждый из нас провел последний день на родине в кругу своих близких друзей, приехавших проститься. Бабушка поехала с сестрами из Совета родственников узников на квартиру к Анастасии Никаноровне Крючковой. Мама с маленьким Шурой – к Саутовым, Петя встретился со своими московскими друзьями.

А мы с подругами решили пойти на прощание в Третьяковскую галерею. Провели там полдня, подолгу стояли у любимых картин: «Что есть истина?» художника Ге, где изображен Христос перед Пилатом, «Явление Христа народу» Иванова, «Ночь на Днепре» Куинджи, «Московский дворик» Поленова, «Черное море» Айвазовского. После Третьяковки долго ходили по улицам, разговаривали, прощались с вечерней Москвой.

На следующее утро к 6 часам уже были в аэропорту Шереметьево, самолет на Нью-Йорк отлетал в 8 часов. Но из-за непредвиденной задержки улетели только после трех часов дня. Когда объявили

посадку, на сердце было тяжело, как на похоронах: последние слова прощания, заплаканные глаза друзей… Впереди нас ждало что-то новое, неизведанное, но – совсем другое. Слишком больно было так резко отрываться от своих истоков.

15 Телефонов у нас в домах тогда еще не было.

16 Мама пригласила уехать с нами свою племянницу Людмилу Глухоман. Органы власти вначале возражали, когда мама заявила, что без Людмилы и она не поедет, согласились оформить для нее заграничный паспорт.

Эпилог

Июнь 1980 года.

Прошел год с того дня, как мы расстались с друзьями в аэропорту Шереметьево. Жизнь в Америке постепенно налаживалась, становилась более привычной. Мы обосновались в небольшом городке Элкарте в штате Индиана. Дома нас осталось только четверо: папа, мама и мы с Шурой. Остальные оказались в разных концах Северной Америки: Петя изучал английский при университете в Бостоне, Лиза и Людмила поступили учиться в библейский колледж в Канаде, бабушка поселилась в Калифорнии – там была русская церковь. В первые же месяцы по приезде она перенесла серьезную операцию, за ней необходим был уход. Женя переехала к ней, поступив учиться в 9 класс. Так что в родительском доме все собирались только по праздникам.

Через два месяца после высылки папы в Америку, в июне 1979 года, служители Совета церквей ЕХБ предложили ему стать официальным представителем гонимой церкви – Зарубежным секретарем СЦ ЕХБ. Он дал согласие и стал посещать христианские конференции, церкви, богословские учебные заведения с призывом помнить о гонимых верующих в России, молиться об узниках и их семьях, и особенно – о свободе проповеди Евангелия в стране государственного атеизма. Я

ездила в эти поездки вместе с ним: очень пригодилось знание английского, полученное в школе. Мама оставалась дома с маленьким Шурой, который пошел в первый класс.

В июне 1980 года в городе Торонто, в Канаде, наша миссия проводила конференцию «Голос гонимой церкви». Конференция продолжалась пять дней. Интерес к верующим в России среди христиан Запада большой, они с искренним сочувствием воспринимают сообщения, которые печатает наша миссия. А новости из России тревожные: в разных местах разгоны богослужений, аресты пресвитеров, проповедников, учителей воскресных школ. Совет родственников узников передавал на Запад информацию и фотодокументы о фактах преследований, которые поступали к нам через Германию.

В небольшом периодическом журнале «Бюллетень узников», который стала выпускать наша миссия, печатаются сообщения об арестах, фотографии узников и их семей, письма из мест заключения. В первый же год пребывания на Западе со свидетельством о гонимых за веру папа посетил многие церкви в Соединенных Штатах и Канаде, а также в Германии, Голландии, Швеции, Норвегии[17], Англии. Были приглашения приехать в Австралию и Южную Америку. Голос гонимой церкви стал звучать во всем мире.

С первых же дней в Америке Господь ясно указал папе на необходимость служения заступничества. В воскресенье, на третий день после прилета в страну, президент Картер пригласил его в баптистскую церковь в Вашингтоне, которую посещала семья президента. В то утро сам президент проводил урок воскресной школы в классе для взрослых. В классе присутствовало около 50 членов церкви. В начале он представил всем гостя из России: «Это наш брат по вере Георгий Винс, который 8 лет провел в советских тюрьмах и лагерях. Господь освободил его в ответ на молитвы. Прославим за это нашего Небесного Отца!» После молитвы президент раскрыл Библию: темой урока в то утро был подвиг Есфири, которая, рискуя жизнью, заступилась за свой народ, обреченный на уничтожение.

Рядом с папой сидела переводчица и переводила ему проповедь президента. Папа был глубоко взволнован происходящим: «Не сон ли

это?– думал он. – Президент Соединенных Штатов держит в руках Библию и проповедует из нее! Какой контраст по сравнению с моей родиной, где Библии отнимают при обысках и сжигают».

После воскресной школы президент Картер предложил пройти для беседы в кабинет пастора. Расспрашивая о положении верующих в Советском Союзе, он подчеркнул, что ему важно услышать мнение человека, который сам провел несколько лет в тюрьмах и лагерях за проповедь Евангелия. Отвечая на вопросы президента, папа предложил, чтобы государственные деятели США при официальных встречах с советскими представителями поднимали вопрос о недопустимости религиозных преследований в Советском Союзе.

В тот вечер в гостинице, обдумывая подробности встречи с президентом Картером, папа вспоминал его проповедь об Есфири. Он чувствовал, что в этом заключался ответ на вопрос, для чего Господь привел его в чужую страну, открыв двери тюрьмы Своей могущественной рукой.

«Мои мысли – не ваши мысли, ни ваши пути – пути Мои, говорит Господь. Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших» (Исаии 55:8-9).

Семья Винс, 1956 г.
Наташа с мамой, папой и бабушкой

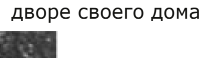
Три поколения: Наташа с бабушкой Лидией Михайловной и прабабушкой Марией Абрамовной

Наташа с мамой

Бабушка с Петей во

дворе своего дома

Бабушка с Наташей и Петей летом 1962 года, когда начались собрания в лесу

Бабушка с «дочкой-

вн учкой»

Наша семья в 1963 году, после того, как папа отсидел 15 суток.

Папа в лагере в тюремной форме

Женя, 1967 г.

Перед поездкой к папе в лагерь на Северный Урал, 1968 г.

Наш дом на Сошенко

Киевская церковь. Собрание в лесу. Проповедует пресвитер Ефим Тимофеевич Коваленко

Наташа с Инной, поездка на свидание с бабушкой

Лиза со скрипкой

Повзрослели нынче мы с тобою,
В сердце песни юности звучат,
И умчались звонкою гурьбою
Годы детства - не вернуть назад.

Наш поход

Вера Шупортяк в первые дни после освобождения. Ноябрь 1968 г.

Женя в первом классе

Маша, наша учительница в детской воскресной школе

Наташа с Любой Косачевич в период развозки литературы, 1978 г.

Наш оркестр

Совещание Совета родственников узников, проходившее в нашем доме, 1979 г.

ОТ МАРКА, 9

ГЛАВА 10

112

ОТ МАРКА, 10

113

Копия Евангелия от Марка, которое папа подпольно взял в тюрьму. Изображен фактический размер; книгу можно было легко спрятать

Папа с Шурой на свидании в лагере «Табага»

Первые сутки в Нью-Йорке,
Первый глоток свободы.
Привкус разлуки горькой:

На годы, возможно, на годы.

Пресс-конференция в Нью-Йорке, 28 апреля 1979 г, на следующий день после освобождения

Женя

Шура

Последние дни дома. Июнь 1979 г. Петя с Шурой, Ириной и Эльдаром

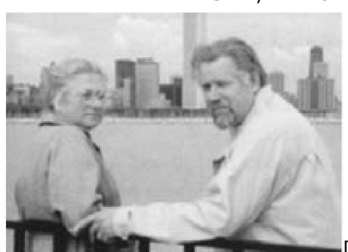

Папа совершает молитву в первые минуты встречи с семьей

Г.П.Винс в Белом Доме во время встречи с президентом Р.Рейганом, 1982 г.

Долгожданная встреча: папа с бабушкой и Шурой. Вермонт, США, 14 июня 1979 г.

Г.П.Винс с же н ой в Чикаго, лето 1985 г.

Шура и Петя Винс, 1988 г.

Семья Винс в Элкарте, США, 1981 г.

Наташа Винс,

март 2002 г.

17 Когда мы прилетели в Норвегию, среди тех, кто встречал нас в аэропорту, был доктор юридических наук Альф Герем – христианский адвокат, который взялся защищать папу на судебном процессе в Киеве в 1975 году, но не был допущен на суд.